

fenno-ugristica

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 566 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

UURALI KEELTE GRAMMATILINE JA
SÕNAVARALINE EBITUS
ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ
СТРОЙ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

FENNO-UGRISTICA

ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

8

PÜHENDATUD FILOLOOGIAKANDIDAAT
DOTSENT PAULA PALMEOSELE,
KES 18. NOVEMBRIL 1981. AASTAL
SAAB 70-AASTASEKS

TARTU 1981

Toimetuskolleegium:

**P. Alvre (esimees ja vastutav toimetaja), A. Künnap,
P. Palmeos, H. Rajando, S. Smirnov, E. Vääri.**

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

Н. Агафонова
(Тарту)

СИСТЕМА ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ В ОДНОМ
СМЕШАННОМ ГОВОРЕ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ

На современной территории Куйбышевской области по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года насчитывается 118 117 человек мордовского населения, проживающих в более 200 населенных пунктах (Итоги 1973 : 95, 328). Заселение эрзянами и мокшанами данной территории происходило в разное время и разными путями. К.И. Козлова пишет, что появление мордовского населения в Заволжье относится у ЛУІІ столетия /Козлова 1964 : 16/. На новых землях мордва оседала отдельными селениями. Они были выходцами из различных районов прежнего местожительства и в новых местах оказывались далеко не в одинаковых условиях. Зачастую селения складывались так, что жителями одновременно являлись и эрзя и мокша. Все это не могло не вызвать значительных различий в развитии мордовских говоров на новых территориях. Все мордовские говоры на территории Куйбышевской области - говоры вторичного образования. Среди них особое место занимают говоры, возникшие на основе смешения мокшанского и эрзянского языков. Их исходной основой является или эрзянский язык или мокшанский. Впоследствии они осложнялись междialeктными контактами, в силу чего на различных уровнях этих говоров отмечаются особенности двух родственных языков, а также особенности, свойственные только этим говорам. В настоящее время носители их абсолютно не знакомы с мордовскими литературными языками. В школах не изучается мордовский язык, и он здесь является только разговорно-бытовым языком.

Цель настоящей статьи - анализ особенностей категории притяжательности. Автор пытается выяснить грамматическую природу лично-притяжательных форм, суть парадигм, образованных на основе разноязыковых явлений, связанных с историческим сложением описываемых говоров. При рассмотрении исследуемых говоров мы опирались на наблюдения, записи на слух и магнитофонные записи монологической, диалогической и группо-

вой речи информантов различного возраста и разных профессий.

В мордовской научной литературе относительно немного работ, касающихся грамматических проблем в области категории притяжательности, возникших на основе смещения разноязыковых говоров. В первую очередь следует отметить работу К.И. Ананьиной /Ананьина 1974/. Исследуя мокшанские говоры она обращает внимание на особенности рассматриваемой категории, унаследованные от эрзянского языка. Заслуживает также внимания статья В.Д. Обьедкина /Обьедкин 1963/, в которой отмечается своеобразие употребления лично-притяжательных суффиксов в Морд. Давыдовском говоре. По мнению автора, в данном говоре своеобразие употребления лично-притяжательных суффиксов вытекает из смещения мокшанского и эрзянского языков. Ряд ценных сведений по интересующей нас теме содержится в работах /Марков 1961 : 7-99; Цыганкин 1961 : 294-395, 1978; Якушкин 1961 : 197-293; Давыдов 1963 : 118-233; Деваев 1963 : 261-432; Феоктистов 1963; Бибин 1966; Надькин 1968 : 3-198/.

Из многочисленных смешанных говоров Куйбышевской области в данной статье рассматривается говор деревни Новое Урметьево (морд. назв. Од Усьтим веле) Челно-Вершинского района, в речи информантов которых наиболее выпукло проявляются элементы как мокшанского, так и эрзянского языков. Разноязыковые элементы обнаруживаются и в системе лично-притяжательных форм. В говоре д. Новое Урметьево система лично-притяжательных суффиксов представлена в следующем виде:

	Н. Урм.	эрс. литер.	мокш. литер.
		I	
I л.	-ш, -že	-ш	-zä
2 л.	-t, -te, -ce	-t	-cä
3 л.	-zi, -di, -c	-zo	-c
		II	
I л.	-n	-n	-nä
2 л.	-t	-t	-tä
3 л.	-nzi, -ndi	-nzo	-nza
		III	
I л.	-njk, -ne	-nok, -nek	-nkä
2 л.	-nk	-nk	-ntä
3 л.	-st	-st	-sna, -cna

IV

I л.	-nik, -ne	-nok, -nek	-nkä
2 л.	-nk	-nk	-ntä
3 л.	-st	-st	-sna, -sna

Как видно из таблицы в серии I наряду с эрзянскими суффиксами представлены и мокшанские. Следует отметить, что в речи носителей описываемого говора, употребление форм с эрзянскими и мокшанскими лично-притяжательными суффиксами грамматически и стилистически не регламентируется. На паритетных началах возможно использование форм как с эрзянскими, так и с мокшанскими притяжательными суффиксами. При вырезании понятия один обладатель и одно обладаемое в речи носителей говора отмечаются формы для I л. сoгa-ш ~ сoгa-зе 'сын-мой', 2 л. сoгa-t ~ сoгa-се /-fe/ 'сын-твой', 3 л. сoгa-зи /-di/ ~ сoгa-с 'сын-его'. Но если нужно выразить понятие один обладатель и много обладаемых, то в данном говоре используется для I л. лично-притяжательный суффикс п (сoгa-п 'сыновья-мой'), для 2 л. -т (сoгa-t 'сыновья-твой'), для 3 л. -нзи /-ndi/ (сoгa-нзи /сoгa-нди/ 'сыновья-его'), которые характерны для эрзянского литературного языка и большинства его диалектов и говоров. Из серии III и IV видно, что посессивные суффиксы в исследуемом говоре, как и во II серии идентичны с эрзянскими. Имеются только фонетические различия.

Косвенно-лично-притяжательные формы в говоре д. Новое Урметьево также имеют свои особенности. Это видно из ниже приведенных рядов и их парадигм.

с о г а 'сын'
Р я д мой 'мой'
ед. ч.

	Н. Урм.	эрз. литер.	мокш. литер.
ном.	сoгa-ш, -ze	сoгa-ш	сoгa-зä
ген.	сoгa-ze-п	сoгa-п	сoгa-ze-п
дат.	сoгa-ze-nde	сoгa-пeп	сoгa-ze-ndi
абл.	сoгa-di-ш	сoгa-do-п	сoгa-dä-п
инес.	сoгa-si-ш	сoгa-со-п	сoгa-sä-п
эл.	сoгa-sti-ш	сoгa-sto-п	сoгa-stä-п
млл.	сoгa-zi-ш	сoгa-зо-п	сoгa-zä-п

прол.	ćora-va-м	ćora-va-n	ćora-va-n
трансл.	-	ćora-kso-n	-
комп.	ćora-ška-м	ćora-ška-n	ćora-ška-n
абес.	ćora-ze-ftuma	ćora-vtomo-n	ćora-ftǝmǝ-n
МН. Ч.			
ном.	ćora-n	ćora-n	ćora-nǎ
ген.	ćora-ń	ćora-ń	ćora-nǎń
дат.	ćora-ńe	ćora-ńeń	ćora-nǎńdi
абл.	ćora-di-n	ćora-do-n	ćora-dǝn
инес.	ćora-si-n	ćora-so-n	ćora-sǎ-n
эл.	ćora-sti-n	ćora-sto-n	ćora-stǝ-n
илл.	ćora-zi-n	ćora-zo-n	ćora-zǎ-n
прол.	ćora-va-n	ćora-va-n	ćora-va-n
трансл.	-	ćora-kso-n	-
комп.	ćora-ška-n	ćora-ška-n	ćora-ška-n
абес.	ćora-ń-ftuma	ćora-vtomo-n	ćora-ftǝmǝ-n

Р я д тоń 'твой'

	ед. и мн. ч. Н. Урм.	ед. и мн. ч. эрс. литер.	ед. ч. МОКШ. литер.	мн. ч.
ном.	ćora-te, -će, -t	ćora-t	ćora-cǎ	ćora-tńe
ген.	ćora-te-ń, ćora-t	ćora-t	ćora-cǎń	ćora-tńǎ-n
дат.	ćora-teń	ćora-teń	ćora-cǎ-ńdi	ćora-tńe-ńdi
абл.	ćora-di-t	ćora-do-t	ćora-dǎ-t	
инес.	ćora-si-t	ćora-so-t	ćora-sǎ-t	
эл.	ćora-sti-t	ćora-sto-t	ćora-stǎ-t	
илл.	ćora-zi-t	ćora-zo-t	ćora-z-t	
прол.	ćora-va-t	ćora-va-t	ćora-va-t	
трансл.	-	ćora-kso-t	-	
комп.	ćora-ška-t	ćora-ška-t	ćora-ška-t	
абес.	ćora-t-ftuma	ćora-vtomo-t	ćora-ftǝmǎ-t	

Р я д соń 'его'

	ед. ч. Н. Урм.	мн. ч.	ед. ч. эрс. литер.	мн. ч.
ном.	ćora-c, -zi/-di	ćora-nzi/-ńdi/	ćora-zo	ćora-nzo
ген.	ćora-n-c			ćora-nzo
дат.	ćora-nste			ćora-nsto-nzo
абл.	ćora-din-za			ćora-do-nzo
инес.	ćora-si-nza/-nda/			ćora-so-nzo

мл.	ćora-zj-nk	ćora-zo-nk	ćora-zâ-nt
прл.	ćora-va-nk	ćora-va-nk	ćora-va-nt
комп.	ćora-ška-nk	ćora-ška-nk	ćora-ška-nt
абес.	ćora-nk-tuma	ćora-vtomo-nk	ćora-ftâmâ-nt

Р я д zjnest 'их'

ед. и мн. ч.

ном.	ćora-st	ćora-st	ćora-snä
ген.	ćora-steñ	-	ćora-snä-n
дат.	ćora-stine	-	ćora-snä-ndi
абл.	ćora-di-st	ćora-do-st	ćora-dâ-st
внес.	ćora-sj-st	ćora-so-st	ćora-sâ-st
эл.	ćora-stj-st	ćora-sto-st	ćora-stâ-st
мл.	ćora-zj-st	ćora-zo-st	ćora-zâ-st
прл.	ćora-va-st	ćora-va-st	ćora-va-st
комп.	ćora-ška-st	ćora-ška-st	ćora-ška-st
абес.	ćora-st-ftuma	ćora-vtomo-st	ćora-ftâmâ-st

Как видно, данные парадигмы рядов сочетают в себе как первичные, так и вторичные лично-притяжательные суффиксы (относительно первичных и вторичных суффиксов Деваев 1963 : 342-345). Первичные лично-притяжательные суффиксы отмечаются начиная с аблатива во всех других косвенных падежах. Вторичные, как и в мокшанском литературном языке и его диалектах, употребляются в номинативе, генитиве, дативе. А также в исследуемом говоре вторичный суффикс употребляется в абессиве. По мнению Д.В. Цыганкина все составные элементы посессивных суффиксов, в том числе позднего образования, восходят к финно-угорскому (даже уральскому) языку-основе /Цыганкин 1978 : 64/.

Известно, в финно-угорских языках порядок следования падежных окончаний и притяжательных суффиксов не является единым. В финском языке, например, притяжательные суффиксы нарастают на падежные /Бубрих 1955 : 41/. В венгерском же языке притяжательный суффикс предшествует падежным окончаниям /Майтиская 1955 : 123/. Нам кажется правильным является положение Б.А. Серебrenникова о том, что модель: притяжательный суффикс + падежный суффикс была в уральских и алтайских языках первоначальной и более древней. Затем под влиянием последующих конструкций эта модель была нарушена и появляется новая: падежный суффикс + притяжательный суффикс /Серебrenников 1962 : 311-313/. В молдавских литературных языках,

как и в финском, притяжательный суффикс следует после падежного окончания. Характерной же особенностью всех рядов говора д. Новое Урметьево является то, что лично-притяжательный суффикс в абессиве стоит перед падежным показателем *-ftuma*. Ср.: Н. Урм. *śora-ze-ftuma*, эрз. литер. *śora-vtomo-n*, мокш. литер. *śora-ftǫmǫ-n* 'без сына моего' (букв. 'сына-моего-без'); Н. Урм. *jalga-t-ftuma*, эрз. литер. *jalga-vtomo-t*, мокш. литер. *jalga-ftǫmǫ-t* 'без друга твоего' (букв. 'друга-твоего-без'); Н. Урм. *saziri-nzi-ftuma*, эрз. литер. *sazor-vtomo-nzo*, мокш. литер. *sazor-ftǫmǫ-nzǫ* 'без сестры его' (букв. 'сестры-его-без'). Аналогичное положение занимает притяжательный суффикс в абессиве и в дракинском диалекте эрзя-мордовского языка /Якушкин 1961 : 233/. Следует также отметить, что в абессиве для ряда *мой 'мой'* общей особенностью говора д. Новое Урметьево является и то, что вместо показателя посессивности *-ш*, *-ц* эрзянского и мокшанского литературных языков и их диалектов для выражения понятия *один обладатель и одно обладаемое* служит формант *-ze*, зафиксированный нами только в данном говоре. Вероятно, он перенесен по аналогии с мокшанскими падежными формами ном. *-ze*, ген. *-zeŋ*, дат. *-zeŋde*. Во всех других рядах парадигм исследуемого говора в абессиве употребляются первичные посессивные суффиксы, которые функционируют и в ряде *мой 'мой'* перед падежным суффиксом. Ср.:

Н. Урм.	эрз. литер.	мокш. литер.
<i>piige-t-ftuma</i>	<i>piige-vfeme-t</i>	<i>piige-ftǫmǫt</i> 'без ноги твоей' без ног твоих'
<i>piige-nzi/-ndi/-ftuma</i>	<i>piige-vfeme-nze</i>	<i>piige-ftǫmǫ-nza</i> 'без ноги его' без ног
<i>piige-nek-tuma</i>	<i>piige-vfeme-nek</i>	<i>piige-ftǫmǫ-nk</i> 'без ноги нашей, без ног наших'
<i>piige-nk-tuma</i>	<i>piige-vfeme-nk</i>	<i>piige-ftǫmǫ-st</i> 'без ноги вашей, без ног ваших'
<i>piige-st-ftuma</i>	<i>piige-vfeme-st</i>	<i>piige-ftǫmǫ-st</i> 'без ноги их, без ног их'.

Четкое формальное выражение множественности обладаемых для ряда моп 'мой' обусловлено не только в номинативе, но и во всех косвенных падежах: сора-ди-м 'о сыне-моем' и сора-ди-п 'о сыновьях-моих'; кудо-сто-м 'из дома моего' и кудо-сто-п 'из домов-моих'; кеде-зе-м 'в руку-мою' и кеде-зе-п 'в руки-мои'. Данный говор еще раз подтверждает мнение ученых-лингвистов о том, что в косвенных падежах в языке эрзи и мокши древнейшей поры в каждом ряду могли быть две серии форм: серия, где предмет обладания в единственном числе без -ового показателя и серия, где множество предметов обладания, содержащая -овый показатель /Серебрянников 1967 : 54; Цыганкин 1978 : 57/. В исследуемом смешанном говоре, как и в мокшанском языке, в парадигмах притяжательного склонения возможны формы генитива и датива. Эти падежи в эрзянском языке употребляются только со словами родства в рядах моп 'мой', топ 'твой', вопзе 'его'.

В заключении нужно сказать, что в рассматриваемом говоре для выражения притяжательных отношений используются не только синтетические формы. Здесь достаточно развита и система послеложных конструкций, а также аналитические формы типа: 1. генитив личного местоимения + имя существительное в притяжательном склонении (моп ава-м 'моя мать-моя', мип ку-ди-ник 'наш дом-наш', тип стгре-нк 'ваша дочь-ваша', сип вефе-ат 'их село-их'); 2. генитив личного местоимения + имя существительное в указательном склонении (мип сора-а 'наш сын-тот', мип сора-ће 'наши сыновья-эти'). Весьма интересным фактом является в говоре сочетание мокшанского лично-притяжательного местоимения в генитиве с существительным, оформленным с эрзянским лично-притяжательным суффиксом или же сочетание мокшанского лично-притяжательного местоимения в генитиве с существительным в указательном склонении.

С о к р а щ е н и я

абес. = абессив; абл. = аблатив; Ген. = генитив; дат. = датив; д. Н. Урм. = деревни Новое Урметьево; илл. = иллätив; инес. = инессив; Итоги 1973 = Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IУ. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. Москва, 1973; комп. = компаратив; мокш. литер. = мокшанский литературный язык; морд. назв. = мордовское на-

звание; ном. = номинатив; трансл. = транслатив; эд. = элатив;
эрс. литер. = эрзянский литературный язык.

Л и т е р а т у р а

- А н а н ь и н а К.И. 1974, Верхне-алатырские говоры мокшанского языка, Тарту (автореф. канд. дисс.).
- Б и б и н М.Т. 1966, Говоры наскафтымской мордвы, Саранск (автореф. канд. дисс.).
- Б у б р и х Д.В. 1955, Историческая морфология финского языка, Москва-Ленинград.
- Д а в ы д о в М.М. 1963, Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов, т. II, Саранск, 118-233.
- Д е в а е в С.З. 1963, Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов, т. II, Саранск, 261-432.
- К о з л о в а К.И. 1964, Этнография народов Поволжья, Москва.
- М а й т и н с к а я К.Е. 1955, Венгерский язык, ч. I. Введение. Фонетика. Морфология, Москва.
- М а р к о в Ф.П. 1961, Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов, т. I, Саранск, 7-99.
- Н а д ь к и н Д.Т. 1968, Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов, т. V, Саранск, 3-198.
- О б ъ е д к и н В.Д. 1963, Говор села Мордовское Давыдово бывшего Кочкуровского района Мордовской АССР. - Очерки мордовских диалектов, т. II, Саранск, 37-98.
- С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1962, О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках. - Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Tomus XV, Fasc. 1-3, 1962, 311-313.
- 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Ф е о к т и с т о в А.П. 1963, Категория притяжательности в мордовских языках, Саранск.

Цыганкин Д.В. 1961, Щугуровский диалект эрзя-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов, т. I, Саранск, 294-395.

--- 1978, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности - неопределенности и притяжательности), Саранск.

Якушкин А.В. 1961, Дракинский диалект эрзя-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов, т. У, Саранск, 3-198.

Н. А г а ф о н о в а
(Tartu)

THE SYSTEM OF THE POSSESSIVE SUFFIXES IN ONE OF THE
MIXED-TYPE MORDVINIAN DIALECTS

S u m m a r y

The article deals with the system of the possessive suffixes in the Novoye Urmetyevo dialect of the Kuibyshev region. In this area the choice of the usage of the Erza or Moksha variants of the possessive forms is not restricted by either grammar or style. The case paradigm can have both secondary and primary possessive suffixes. The former occur in the Nom., Gen., Dat. and Abess., the latter - in all the other cases.

The plural form of the possessed for the моң 'my' cases can be clearly traced not only in the Nom., but in indirect cases as well. Possessivity can be expressed both synthetically and analytically, i.e.: the genitive of a personal pronoun + a noun in the possessive declension, or the genitive of a personal pronoun + a noun in the demonstrative declension.

P. A l v r e
(Tartu)

MUUTAMISTA MONIKKEMUODOISTA ITÄMERENSUOMALAISISSA
KIELISSÄ¹

Itämerensuomalaisten kielten vanhoista monikon tunnuksesta (t, k, n ja i) on i nuorin. Lappalais-itämerensuomalaiselle kieliryhmälle ominainen obliikvisijoja myöten kehittynyt i:llinen monikkotalvutus on tämmöisenä tuntematon muille suomalais-ugrilaisen kielikunnan jäsenille.

Lappalais-itämerensuomalaisessa kantakielessä liittyi paikkaa ja kollektiivia ilmaiseesta johtopäätteestä ja, jä kehittynyt monikon tunnus i sanan- eli yksikkövartaloon (*jal-ka-i-, *silmä-i-, *lintu-i- jne.) Itämerensuomalaisella taholla kehittyi joukko vokaalimuutoksia, jotka saattoivat monikkovartalon uusien muutosten alaiseksi. Suomen ja muidenkin itämerensuomalaisten kielten monikon muodostuksessa on nykyisin hyvin vähän jäljellä kantasuomalaisen asun äänne-laillista jatkoa. Analogioitten ja uusien monikon tunnusten syntyminen (esim. loi- ja si-monikko) ei kuitenkaan ole mikään vapaaehtoinen tai mielivaltainen ilmiö. Useissa tapauksissa, varsinkin kaksi- ja useampitavuisissa sanoissa, kun äännelaillinen kehitys vie asuun, mikä aiheuttaa sekaannuksia joko eri sijojen tai yksikkö- ja monikkomuotojen välillä, on pakko tarttua häviämässä olevan funktion kannattajan pelastamiseksi toimenpiteisiin, joiden laatu riippuu kunkin murteen tai kielen konkreettisesta äännekannasta.

Jo kantasuomessa on ollut kaksi ryhmää sanoja, joiden monikko ei eronnut kyllin selvästi yksiköstä: yksitavuiset diftongiin tai i:hin päättyvät nominit ja oi-vartalot. Voisi olettaa, että ennen nykyisten kielten syntyä olisi mainittujen ryhmien monikkoa ruvettu ilmaisemaan jollakin uudella

¹ Fennougristikongressissa Turussa 26. 08. 1980 pidetty esitelmä hieman täydennettynä.

tunnuksella. Näin ei kuitenkaan ole käynyt. Yksitavuisissa nomineissa on painollinen asema niin suomessa kuin muissakin kielissä pystynyt parhaiten säilyttämään alkuperäisen monikon tunnuksen. Selvä ja tarkka ääntäminen on ollut omiaan pitämään monikon sijat (puissa, maissa, töissä) erillään yksiköistä. Tässä syy, miksi myöhästyntyisten monikkovartaloiden käyttö on yksitavuisissa sanoissa rajoitetumpaa kuin kaksi ja useampitavuisissa. Suomen murteissa tavataan i-monikon rinnalla loi- ja si-muotoja (voileissa, pyyssi 'pyytä'). loi:llista taiputusta käytetään säilyneen i-monikon rinnalla myös karjalassa ja inkeroisessa. Myöhästyntyisten monikkovartaloiden käyttöä yksitavuisista nomineista ei tunneta vepsässä eikä vatjassa. Yksitavuisien nominiinien monikkovartalotyyppien lukumäärä on suurin eestissä (i-monikko - maile, de-monikko - maadest, kontaminoitunut de-monikko - maidest, genetiivipohjainen ja-monikko - maidest, si-monikko - maidest 'maista').

Monikkomuotojen kehitystä määräämässä ovat olleet kaksi- ja useampitavuiset nominit, joista useimmiten niin myöhästyntyiset monikkovartalotyyppit kuin eri sijoissa tavattavat analogia- ja kontaminaatiomuodostumatkin ovat saaneet alkunsa.

Vastaisten muutosten siemen oli kylvetty jo kantasuomessa i-monikon syntymähetkenä, jolloin äänneilmailisten kehittyneiden rinnalle alkoi syntyä myös analogiamuotoja. Vertailemalla kantasuomen eri vartaloiden monikkomuotoja yksikköön, voimme todeta sellaisia analogisia monikkovartaloita kuin *soti- (pro *sosi-), *koti- (pro *kosi-), *pi-meäi- (pro *pimesi-) ym., joissa siis yksikkö- eli sananvartalon vaikutuksesta ei ilmene muutosta ti, öi > si.

Mitä enemmän ajassa eteenpäin, sitä säännöttömäksi ja mutkikkaammaksi on käynyt monikkomuotojen edustus, varsinkin genetiivissä, partitiivissa ja illatiivissa, joissa δ:n ja h:n kato johti supistumuotojen syntyyn. Mainittujen sijojen edustus on kirjavin suomen lounaismurteissa, joissa sekä alkuperäisen että myöhästyntyisen diftongin jälki-komponentin kadon johdosta tapahtui runsaasti sekaannusta joko eri sijojen tai yksikkö- ja monikkomuotojen välillä. Kun funktionaalinen selvyys kärsi, turvauduttiin väärinkäsitysten välttämiseksi analogisiin yleistyksiin, jotka vuorostaan johtivat kontaminaatioiden ja lohkosyntyisten

sijapäätteiden tai monikkovartaloiden käyttöön. Tarve ilmaista sama funktio samoilla muotokeinoilla on pitänyt monikon muodostuksen jatkuvassa käymistilassa, jonka suuntaa vain osaksi ovat viitoittaneet äännelailliset tekijät. Usein ovat eri vartalo- tai painoasemista lähteneet muutokset käyneet ristiin, minkä tuloksena on syntynyt rinnakkaistyyppiä. Tammöisessä sekasotkussa voi kuitenkin havaita eräitä tekijöitä, jotka ovat jatkuvasti kehityssuuntaa määräämässä.

Alleliivattakoon äännelaillisten kehitymien rinnalla esiintyvänä suuntana pyrkimystä pitää yksikkö- ja monikkovartalo ikäänkuin samalla tasolla. Niinpä useissa suomen murteissa (ja karjalassakin) on järjestyslukusanoina ns:llisen vartalon sijasta yksikkömuotojen mukainen ns:llinen (kolmannilla), vaikka äännelaillinenkin tyyppi (kolmansilla) on laajalti edustettuna (länsimurteissa ja kirjakielessä). Muutamissa itämurteissa viljellään is-loppuisista supistumanomineista kirjakielestäkin tunnettua kaunei-, valnei-vartaloa, mikä siellä pohjautuu yksikkövartalon mukaiseen taiputukseen (yksikössä kehitysvaiheet kaunih- > kaunehe- > kaunē-, jonka mukaan myös monikossa vartalot kaunehi- tai kaunei-). Miltei kaikkialla viljellään myös δe-, δe-vartaloista, joissa odottaisi si:llisiä monikkomuotoja, yksikön nykyvartaloon perustuvaa taiputusta, varsinkin sanasta kevät ja ut-, üt-loppuisista nomineista (keväi-, murt. kevähi-; olui-, ohui-, lyhvi-, murt. lyvhei-), mutta myös aktiivin 2. partisiiipista (yleisin on tyyppi saanei-, ollei-; Kaakkois-Hämeessä sannehist, Etelä-Pohjanmaalla ollehist ym., lounaismurteissa homettunnuis; Agricolalla ooluhista, cooluista, Westhin tekstissä cuoluhista ym.) ja murteittain us-, üs-loppuisista ominaisuudennimistä (Kaakkois-Hämeessä laiskuviisah, hulluviisä). Äännelaillinen ti, δi > si-edustustapa ei sanasta kevät esiinny kertaakaan ja hyvin rajoitetusti tulee esiin muissa δe-, δe-vartaloissa (Agricolalla lyhvisille, Etelä-Pohjanmaalla kuollusilla, oppinusing; savossa koirusissa, tervüüsis). Pyrkimyksestä pitää tässäkin yksikkö- ja monikkovartalo samalla tasolla on joskus Etelä-Pohjanmaalla yleistynyt yksikköön analoginen se-taivutus (tyyppi tullut : tullusen, ollut : ollusen). Sama ilmenee murteittain ja vanhassa kirjakielessä us-, üs-loppuisa ominaisuudennimissä, joissa analogista ka-vartaloa tava-

taan myös yksiköstä (esim. vakavukses; Agricolalla orjuxesa). Johdonmukaisesti ei monikkovartalo ole yksikkövartalon mukainen vain niissä kaksitavuisissa sanoissa, joissa jo kantasuomessa tapahtuneen ti, si > si-muutoksen johdosta monikkovartalo säilytti edelleen saman asun kuin yksikön nominatiivi (tyyppi veti- > vesi-, parti- > parsi-). Sanasta vesi tavataan Länsi-Uudellamaalla ja Lounais-Hämeessä myöhäistä s-vartalon tunkeutumista yksikköön, sillä vesi- ja veri-paradigmojen sekaantuessa yksikössä (vede- > vere-) on tätä suhdetta yritetty selvittää nominatiivivartaloisilla muodoilla (vesessä, vesestä). Tavallaan yksikön nominatiivi on määrävänä myös us-, üs-loppuisten ominaisuudennimien ks:llisessä taivutuksessa, sillä vartalokonsonanttien g : kg -vaihtelu ilmenee analogian lähdeyytin vanhus : vanhuksi- lisäksi muissakin muotoryhmissä (varis : varikse-, us-ten : uksi- ym.). Kun siis yksikkövartaloon nojautuva taivutus tyypeissä kolmanni-, keväi-, ohui-, sänei- ~ sanui-, laiskuvi- ei äännelakien kannalta katsottuna olekaan odotuksenmukainen, ilmenee tässäkin lainmukaisuus, jonka totesimme jo kantasuomen *soti- (pro *mosi-), *pimeäi- (pro *pimesi-) tyyppisanojen yhteydessä: pyrkimys pitää yksikkö- ja monikkovartalo samalla tasolla. Tämä lainmukaisuus kätkeytyy i-monikon luontoon jo sen syntyähetkestä lähtien, sillä selvemmin kuin varhaiskantasuomen alkutyypeissä *jalka-i-, *silmä-i-, *lume-i- ym. ei yksikkövartalo voikaan ilmetä. Vaikka siis muutamien sanatyyppien monikossa erinäisten äännekehittyneiden ansiosta joskus ilmeneekin poikkeamista mainitusta lainmukaisuudesta, emme erehtyne paljon, kun väitämme, että suomen nimitystyyppien sijoittelubaasiksena on vielä nykyäänkin yksikkövartalo.

Tarkattaessa monikkovartaloita kohdanneita muutoksia voidaan todeta, että ne kohdistuvat etupäässä painottoman aseman edustukseen, kun sen sijaan myöhäiskantasuomen lähtöasun painollisessa asemassa on melko yleisesti säilynyt. Syy sivupainollisen aseman monikkovartaloiden suurempaan alkuperäisyyteen piilee painosuhteissa itsessään. PÄH- ja sivupainollisen tavun vokaalit eivät selvemmin ääntämyksensä vuoksi ole olleet niin alttiita äänne- ja muutosmuutoksille kuin painottoman tavun. Niinpä voimmekin muitta mutkitta todeta, että monikkovartalot matali-, isänti-, variksi-, lakattui-, permentoi- ym. ovat säilyttäneet alkuperäisen asunsa. Suurin piirtein

sama on asianlaista niissä kaksitavuisissa monikkovartaloissa, jotka jo kantasuomessa loppuivat i:hin, esim. soti-, himi-, lapsi- ym. Murteittain tavattava i tai ī on verraten myöhäinen ja selittäytyy joko hänneläisllisesti loppuheiton johdosta syntyneeksi (kaakkoismurteisissa kaikil, Etelä-Hämeessä näpuruksil, kaikist), k:n heikosta vastineesta lähteneeksi (Ala-Satakunnassa härriillä, ollilla) tai i-vartaloiden analogiasta aiheutuneeksi (Etelä-Pohjanmaalla kaikista, tuttarilla); myös iji > ī, esim. tüöntekistä.

Kaksitavuisien nominien monikkomuodoissa (varsinkin y-, ū-, o-, ö- ja oi-, öi-vartaloissa) on diftongin jälkikomponentin kadon johdosta ilmennyt laajalti kehitystä, jonka johdosta ero yksikkö- ja monikkumuotojen väliltä hävisi (yksi- ja mon. verkossa, linnalla). Useimmissa suomen murteisissa väitettiin epäselvyys palauttamalla diftongi sivupainollisesta asemasta, jossa kantasuomalaiset suhteet ovat muuttumattomina säilyneet. Kun diftongin jälkikomponentin kato sai ilmeisesti alkunsa painottomasta avotavusta (mahdollisesti aluksi illatiivissa i:n hännearvoa vähentävän h:n vaikutuksesta, johon viittaa vanhan kirjasuomen illatiivien varsin johdonmukainen i:tön edustus: paikkohin, tecohin), ei kaikista sijoista hävinnyt i yhtäkaa, joten sen analoginen palauttaminen, resp. säilyminen kävi päinsä melko vaivattomasti. Näin on tapahtunut valtaosassa painottoman tavun diftongin jälkikomponentin katoaluetta. Paikoin on turvauduttu muihin apukeinoihin: joko si- tai loi-tunnukseen tai vahvavartaloiseen monikkoon (jalkoi-ka, jalkoilla). Suomenlahden alueen vahvavartaloisen i-monikko on muissakin sukukielissä (eestissä, inkeroisessa, vatjassa) perusolemukseltaan sama ilmiö kuin eestin de-, e- ja liivin de-monikko (siis monikon genetiiviin pohjautuva). Tälläkin tavoin pystyttiin näennäisesti säilyttämään alkuperäinen diftongi (supistumadiftongi on hännearvoltaan sama kuin esim. kolmitavuisien nominien alkuperäinen) ja vain osassa sijoja muuttui heikko aste vahvaksi. Vahvavartaloisen i-monikko ei aiheuttanut muutoksia mon. genetiiivissä, partitiivissa, illatiivissa, essiivissä ja komitatiivissa. Iältään vieläkin nuorempi on Pohjois-Suomen vahvavartaloisen i-monikko, jonka synty kytkeytynee yleiseen geminoitumisilmiöön ja jonka käyttö rajoittuu vain kaksitavuisiin nomineihin. Lohkosyntiset si- ja

loi-monikko sekä vahvavartaloinen i-monikko ovat vastakoh-
taisuuksien tehostamisella välttäneet funktionaalista epäsel-
vyyttä ja lisänneet kielen ilmeikkyyttä.

Tarkatkaamme muutamia analogiamuodostumia suomen lounaismurteissa saadaksemme konkreettisen käsityksen siitä, millä tavoin erinäisten äännekehittymien ja yhteensattumisten sekasotkussa monikon funktionaalinen selvyys on pystytty säilyttämään turvautumatta aina si-monikkoon. Komitatiivissa ei monikon funktio sisäheiton eikä supistumanomineissa tapahtuneen supistumadiftongin jälkikomponentin kadon johdosta ole kärsinyt: suknes 'sukkineen', kekälennes 'kekäleineen' (vartalo sama kuin yksikössä). Kun e-vartaloiden yksikön partitiivi kehittyi samalle tasolle kuin monikossa (sornea > sormia > sormi > sormi), turvaututtiin tarpeen vaatimana analogiseen, i-vartaloista lähteneeseen ei-monikkoon (yks. sormi - mon. sormei). Tästä sai ilmeisesti alkunsa ei-monikon levikki e-vartaloiden obliikvisijoihin, joissa äännevuoksan ei > e takia (sormeis > sormes) hävisi paikoin uudestaan ero yksikön ja monikon väliltä. Monikkofunktion palautti si-monikko (lävëZis), jota vakkasuomi viljelee tarpeen vaatimana myös supistumanomineista (varkkaZis), sillä yksikkö ja monikko sattuvat äänneläillisesti yhteen (varkkas < varkkaissa, varkkassa). Muualla lounaismurteissa on supistumanominien monikon muodostus liittynyt lähimpään taivutustyyppiin: as-sanoissa a-vartaloihin, äs-sanoissa ä-vartaloihin (alkuperäisen vahvan asteen silti säilyessä), esim. kankkois 'kankaissa', seippis 'seipäissä'. Tämmöiset sekamuodot ovat melko vanhoja, sillä tyyppi on tunnettu myös Peräpohjolassa (kuhilhoille) ja vanhassa kirjasuomessa (Agricolalla mon. illat. Ruchtinoin). Lisättäköön, että myös kirjakielen ja länsimurteiden (ei itämurteiden) is-loppuisten supistumanominien ei:llinen taivutus on tavallaan sekatyyppejä: ei:lliset monikkomuodot (kauneissa, kalleissa) muodostetaan alkuperäisten i-vartaloiden mukaisesti (joissa ii > ei).

Ne sekaannukset yksikkö- ja monikkomuotojen välillä, jotka lähinnä johtuivat diftongin jälkikomponentin kadosta painottomassa asemassa tai muista äännekehittymistä, on suomen murteissa vältetty viidellä eri tavalla: 1) diftongin analogiseen palauttamiseen tai säilymiseen on saatu aihe

saman vartalon sivupainollisessa asemassa säilyneestä diftongista (pellossa > pelloissa), 2) monikon muodostus on siirtynyt muuvartaloiseen taivutukseen (sormi > sormei, kuninkas > kuninkkois), 3) uutena monikon tunnuksena si (kaevoZist 'kaivoista'), 4) uutena monikon tunnuksena loi (taloloissa), 5) vahvavartaloisen i-monikko (lintuilla), jonka vahva aste on saatu joko supistumagenetiivistä ja postpositionaalisesta kā-komitatiivista (eteläisellä alueella) tai vartalokonsonantin geninaatiosta (pohjoisella alueella).

Monikkovartalon diftongin analogista palauttamista keksittäisiin nomineihin tunnetaan jossain määrin myös karjalassa, aunuksessa lyydissä ja vepsässä. Estissä ja vatjassa turvaudutaan sen sijaan usein myöhäsyntyisiin monikon tunnuksiin (a, si; loi, lai ym.).

П. А л в р е
(Тарту)

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

Резюме

Из старинных признаков мн. числа в прибалтийско-финских языках (t, k, n, i) мн. число на i имеет наиболее позднее происхождение. От него происходят все типы мн. числа имен существительных с сильной и слабой основой, а косвенно также формы на -loi и -si, в которых i изначально также являлся признаком мн. числа. В односложных словах признак мн. числа i в общем хорошо сохранился, однако в двухсложных именах существительных он выпал как второй компонент дифтонга в некоторых словотипах эстонского, водского, карельского, ижорского и финского языков. Это привело к совпадению этих форм с формами ед. числа (pelloilla > pellolla 'на полях. на поле').

Функциональную путаницу, возникшую в связи с этим, в рамках мн. числа на i в словах со слабой основой пытались избежать двумя путями: 1) Дифтонг по аналогии восстановлен под влиянием дополнительного словесного ударения (pellolla, pelloilla; ср. закономерное harakoilla 'у сорок'). 2) Слово перешло к другому типу склонения и в особенности при стяженных именных основах, где например, в юго-западных финских говорах формы мн. и ед. числа в словах типа kankkas и veipras совпали. Переход к склонению по типу слов с основой на -a и -ä восстановил это различие: kankkois 'в тканях'; veippiä 'в кольях'; ср. такие слова в говоре северо-восточной Эстонии как kindos 'в рукавицах' erni 'гороха'.

Уже в прибалтийско-финском языке-основе оказывалась тенденция сохранения звукового состава мн. числа в основном в таком же виде, как и в единственном числе *soti- pro *sosi-: vota 'война', *korkeäi- pro *korkeäi-: *korkeäi 'высокий' и др.). В большей части финских диалектов это становится закономерностью: kolmannilla (pro kolmansilla) 'у третьих', kuolleilla (pro kuollusilla) 'у умерших' и др. Лишь в редких случаях побеждала основа мн. числа, по которой равнялись формы ед. числа от слова tullut 'пришедший' по аналогии с основой мн. числа tullusi- образуется основа ед. числа tulluse- в некоторых говорах и в старой письменности основа на -ka употреблялась также в ед. числе имен существительных абстрактного значения (у Агрикулы orijuhessa 'в рабстве').

Мн. числа на i в словах с сильной основой вошли в употребление через комитатив на генетивной основе (jalkoin + ka в эстонском, водском, ижорском и финском языках (эстонский - jalgust, водский - jalkoissa, финский - jalkoist 'за ноги'). Только сильная ступень двусложных имен существительных встречающихся в Северной Финляндии (kattoilla 'на крышах') могла получить свое начало в общей геминации.

P. A r i s t e
(Tartu)

AARNE-THOMPSON 752 A VADJA TEISEND

Vadjalastelt on mõeldunud ja käesoleval sajandil talletatud päris ohtrasti muinasjutte, muistendeid, tekemuistendeid, legende ja naljandeid. Iga aastaga on aga jäänud vähemaks muinasjuttude vestjate arv. Vanad on läinud manalasse ja noored või nooremadki ei tea muinasjutte ei vadja ega vene keeles. Muinasjutt elas siis põlvest põlve edasi, kui oli selle kuulajaid. Vadjas neid enam pole. Kui 1942. aastal Mati külas 92-aastane Otju Onufrijeva dikteeris allakirjutatule muinasjutte, tuli kokku lapsigi kuulama, mida räägitakse. Ainult üks tüdruk sai aru, mida jutustati. Tema tõlkis kuuludut teistele. Praegu pole enam ühtki last, kes saaks aru vadja muinasjuttudest. Selliseid lapsi pole olnud kümnendeid. Vadja muinasjutt on kaotanud oma otstarbe ja hääbunud. Üksikuid muinasjutte võib ometi kuulda vanakestelt, isegi selliseid, mida vadjalastelt varem pole talletatud, kui nende vanade mälu taandada minevikku. Nõnda õnnestus 1978. aasta suvel Liivtsüläst Nasto Andrejevilt (s. 31. 08. 1910) saada üks seni kirja panemata huvitav muinasjutt, millel on lai rahvusvaheline levik. Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte eriharju üliõpilased olid murderetkel Lauga jõe ja lahe äärsete vadjalaste, isurite ja soomlaste juures. Nasto Andrejeva majas käidi lõunal, mida perenaine valmistas. Kui 6. juulil istuti lõunalauas, küsis perenaine: "eletko küllu, g r i š a , i l l ä ! 'kas oled kuulnud, Griša, tasa!'" Allakirjutatunu polnud kuulnud. Ja siis perenaine jutustas loo, mis pandi otsekohe kirja. Kirjapanek on soome-ugri fonetikakirjas. Trükitus on vaid see erand, et tagavokaalidega seoses olev i on asendatud l-iga. Teksti lõpus on viide, kus see asetseb autori "Vadja etnoloogia" mappides.

g r i š a , i l l ä !

tämä on sitä vittä. nēd elti paganat, peremēz i perennain. perennain ebe.llu nī pagana. i miñdä eli. tuli neile

niku keräläin. čusü üssi. noh! pantī nēt sūmā. pere keik.
noh! a se peremēz eb antannu selle leipā, mikā gli kerä-
läin. a mihdā anti gmassa pōlē. tāmā gli keivassi uvā ine-
min. noh! mentī rīgā tappamā. i se keräläin juttēB: vettagā
minnū parvō!

peremēz vetti. neistī tappamā. rīgā. pantī nēd vihgod
māle. a kerājā juttēB: mihe tū nī? paṅkā keik ūhtē kokkō!

no! se kerājā sūtti pelemā. i se keiki neistī vihgod
pelemā. rūz mēb ūhtē pōlē. akanat teisē pōlē. ja elget kel-
mettemā pōlē. tuli ku nēp keivpi, sis kerājā juttēB: grī-
š a , illā! grīš a , illā!

tejn kert. se tāz illā! i keik tapetti. peremeheī
nāuttis tū. teizeī päivā neistī sitā sammā tečemā. pantī tōš
keik vihgot kokkō. i sūtetti pelemā. i tuli neisi pelemā.
peleb i peleb. peremēs kallūB: grīš a , illā!

tuli ep kūtē.

grīš a , illā! uže. šerjo.zna. a tuli ain ep kūn-
lud. i nī peli rīga. i keik. (XXI 129/39 (9)).

Griiša, tasa!

See on sedaviisi. Need olid kurjad, peremees ja pere-
naine. Perenaine polnud nii kuri. Ja minia oli. —Tuli neile
nagu kerjaja. Palus sömaja /-söuseks/. Noh! Pandi nad sööma.
Kogu /-kšik/ pere. Noh! Aga see peremees ei andnud sellele
leiba, kes oli kerjaja. Aga minia andis omast poole. Ta oli
väga hea inimene. Noh! Mindi reht peksma. Ja see kerjaja üt-
leb: "Võtke mind kaasa!"

Peremees võttis. Hakati peksma. Reht. Pandi need vihud
maha. Aga kerjaja ütleb: "Miks te nii? Pange kšik ūhte hun-
nikusse!"

Noh! See kerjaja süütas põlema. Ja (see) kšik vihud hak-
kasid põlema. Rukis läheb ühele poole. Aganad teisele poo-
le. Ja õled kolmandale poole. Kui tuli hakkab kõvemini (põ-
lema), siis kerjaja ütleb: "Griiša, tasa! Griiša, tasa!"

Teise korra see taas (ütleb): "Tasa!" Ja kšik peksti.
Peremehele meeldis tšš. Teisel päeval hakati sama tegema.
Pandi taas vihud hunnikusse. Ja süüdati põlema. Ja tuli hak-
kas põlema. Põleb ja põleb. Peremees karjub: "Griiša, tasa!"
Tuli ei kuula (sõna).

"Griiša, tasa!" Juba tššiselt. Aga tuli ikka ei kuula-
nud. Ja nii põles rehi. Ja kšik.

Järgmisel päeval paluti Nastot sama lugu rääkida maki-
lindile. Siin esitatakse seegi tekst osutamaks, missugused
erinevused võivad esile tulla, kui jutustaja kordab lugu.
Dikteeritud tekst on mõneti täiuslikum. Lindistatud ja li-
tereeritud tekstis on aga fonetilisi seiku, mida dikteeri-
misel pole olnud, nagu epenteetilise vokaali esinemine ja
vokaalide reduktsioon.

keräläin eli// keräläin tuli/ tallõ// ä mifda eli üvä//
a perem... // äijä eli kehno// eb anna süvä selle// kerä-
jälle// ä mifda ain emä gza päp selle/ keräjälle// no se
sübe// no!// juttëp/ kuhë tñ tahottz mennä?//

rīgā tappamā//
vettagā minnua!//
padõ-m!// nēmā/ menemā//
mentī// noh/ nē neistī/ vihkoi laskemā// mälē/ panemā
rīgā// a miš sitā vittā?// tehkā kast vittā// ku miä tei
nevvon//

pankā ühtē kokkõ//
panti keig ühtē kokkõ/ jā// se pani spičkākā/ pelemā//
oi!// kui se mēp tuli lekollē// tämä juttëB: g r i š a /
tišē!// g r i š a / tišē!//

i tās tuli ep pele// i nī tapetti// se rīga// kahes
tunniz eli// kui eli tapettu// elged ühtëppölē// akanat tei-
sē pölē// i/ nēd rüccët kelmettemā pölē// no peremehelle
näüttis se// kevassi čirē tñ tehti// ä mü nēmā oman tās/
sitā viši/ tečemā//

neisi pelemā// tämä vä kallūB// g r i š a / tišē!//
g r i š a / iilä!//

ep se g r i š a küle// aiv vä kevap ja/ kevapi// i
jalkā maxxā kokkāB// g r i š a / iilä!//

nõ// nī g r i š a // ain vetti voimā// kunnis se rī-
gõ i peli// (XXI 213/4 (1)).

Kerjaja oli. Kerjaja tuli tallu. Aga minia oli hea. Aga
perem... Äi oli paha. Ei andnud süüa sellele, kerjajale. Aga
minia aina paneb oma osa sellele kerjajale. Aga see süüb.
Ütleb:

"Kuhu te tahate minna?"

"Reht peksuma."

"Võtke mind!"

"Lähme! Lähme, läheme."

Läksid. Noh, nad hakkasid vihke laskma, reht maha panema. "Aga miks sedaviisi? Tehke sedaviisi, nagu mina teile annan nõu.

Pange ühte hunnikusse."

Pandi kõik ühte hunnikusse, ja. See pani tikuga põlema. Oi! Kuidas see tuli läheb lõkkele. Tema ütleb: "Griiša, tassa! Griiša, tassa!"

Ja taas tuli ei põle. Nii peksti, see rehi. Kahe tunniga /= kahes tunnis/ oli, kui oli pekstud. Õled ühele poole. Aganad teisele poole. Ja need rukkid kolmandale poole. Aga peremehele meeldis see. Väga kiiresti tõi tehti (valmis). "Aga me hakkame homme jälle sedaviisi tegema."

Hakkas põlema. Tema vaid karjub: "Griiša, tassa! Griiša, tassa! Griiša, tassa!"

Ei see Griiša kuule. Aina vaid kõvemini ja kõvemini. Ja jalga taob vastu maad /= maha/: "Griiša, tassa!"

Aga, nii Griiša võttis üha võimust, kuni see rehi põleski.

Siin kahes teisendis esitatud vadja legendipärane muinasjutt on rahvusvaheline. A. Aarne (Aarne 1910) nimestikus on muinasjutt "Der Heiland und Petrus in der Scheune" (number 752). Eestlastel on muinasjutt olnud eriti populaarne. Juba üksi J. Hurda käsikirjade kogust on registreeritud 36 teisendit (Aarne 1918 : 47 - 48). St. Thompson on Aarne muinasjuttude nimestiku tõlkinud inglise keelde, ulatuslikult täiendanud ning lisanud bibliograafia (Aarne, Thompson 1961). Thompson on kõnesolevale muinasjutule pannud tüübinumbriks 752 A. Nõnda see on nüüd üldiselt tuntud asjaomasest kirjanuduses. Thompsoni nimestikus on registreeritud soome, soome-rootsi, eesti, liivi, leedu, prantsuse, katalani, flaami, saksa, itaalia, rumeenia, ungari, tšehhi, sloveeni, serbohorvaadi ja franko-ameerika (prantsuskeelsete kanadalaste) teisendeid. Tüübi nimeks on "Christ and Peter in the Barn". Muinasjutt võib olla levinud mujalgi. Nõnda näiteks pole Thompsonil mainitud vene teisendeid.

Venelastele on muinasjutt siiski omane. "Imepärane rehepeks" on ilmunud juba A. N. Afanasjevi vene legendide kogumikus (Афанасьев 1916 : 57 - 59) ning muudiski vene muinasjutte sisaldavais teostes, nagu seda registreerib ida-

slaavi muinasjuttude sisu võrdlev loend (Bapar etc. 1979 : 188). Vene teisendites on rehepeksjaks Kristus või Nikolaus ja Peetrus või Eelias (Ilja).

Nasto Andrejeva väitis, et räägitud muinasjutu oli ta kuulnud tütarlapsena omas külas. Vadjalastele näib see usutavasti tulnuvat venelastelt. Niisuguse oletuse poolt kõneleb ehk venekeelne tule vaigistaminegi: "g r ĩ š a , tšē!" Venelastel on jutustus pigemini legend kui muinasjutt. Vadja jutustuses puuduvad aga otsesed usundimotiivid.

K i r j a n d u s t

A a r n e , A. 1910, Verzeichnis der Märchentypen. - FF Communications 3, Helsinki.

A a r n e , A. 1918, Estnische Märchen- und Sagenvarianten. Verzeichnis der zu den Hurt'schen Handschriftsammlungen gehörenden Aufzeichnungen. - FF Communications 75, Hamina.

A a r n e , A. , T h o m p s o n , St. 1961, The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Second Revision. - FF Communications 184, Helsinki.

A ф а н а с ь е в А. Н. 1916, Народные русские легенды. 3-е дополненное издание, Москва.

Б а р а г Л. Г., Б е р е з о в с к и й И. П., К а б а ш - н и к о в К. П., Н о в и к о в Н. В. 1979, Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка, Ленинград.

П. А р и с т а
(Тарту)

ААРНЕ-ТОМПСОН 752 А КАК ВОДСКАЯ СКАЗКА

Р е з ю м е

На конце XIX и на первой половине XX вв. от води собрано довольно много сказок, преданий, легенд, сказов и т.д. В настоящее время водский язык вымирает. На нем говорят только несколько десятков стариков, которые больше не знают прежних сказок. В 1978 году автору еще удалось записать в дер. Пески сказку, которая до сих пор не была зарегистрирована у води, а именно сказку о "Чудесной молотье" (Аарне-Томпсон 752 А). Нищий ночует у скупого хозяина, который не дает ему ни куска хлеба. За ночь нищий молотит хлеб. Он сжигает солону, остается зерно. Скупой хозяин подражает нищему, сжигает тоже хлеб и вместе с хлебом и свое гумно.

Приведены два варианта. Первый вариант записан по рассказу, второй зарегистрирован на магнитофонной ленте. В текстах имеются лексические и стилистические расхождения.

Г.В. Ф е д н е в а
(Сыктывкар)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДИАЛЕКТАХ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО
ЯЗЫКА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ

Система деривационных средств существительного в диалектах коми языка в значительной степени отличается от словообразовательной системы литературного языка. Прежде всего, в диалектах функционируют не все дериваторы, зафиксированные в литературном языке, причем даже общие для литературного языка и диалектов суффиксы имеют в разных системах разные характеристики. С другой стороны, имеются суффиксы, присущие только одному диалекту или даже говору. В лексике отдельных диалектных областей можно обнаружить лексемы, сохранившие в своем составе древние словообразовательные суффиксы, соответствия которым в литературном языке отсутствуют. Своеобразие диалектного словообразования определяется также наличием специфических сочетаний суффиксов и сильно разветвленной системой вариантных форм, образующих ряды чередований как внутри одного диалекта, так и в междиалектной сфере.

Богатство и разнообразие деривационных средств, а также специфические особенности их функционирования в диалектах коми языка могут получить должное освещение лишь в результате самой детальной разработки вопросов деривации в каждом из диалектов. К сожалению, монографии по диалектам коми-зырянского языка (ВВД, ВСД, ИД, ЛЛД, НВД, ПД, СД, ССД, УД) не предусматривают таких фундаментальных изысканий в области словообразования, ограничиваясь лишь перечнем (иногда кратким описанием) наиболее очевидных, продуктивных или ярко специфических формантов. Отдельные вопросы диалектного словообразования, и прежде всего, история тех или иных формантов, получили определенное освещение в литературе (Серебренников 1963; Kövesi 1965), однако специальных системных работ, посвященных учету и описанию диалектных словообразовательных суффиксов коми языка до сих пор нет.

В данной статье мы попытались возможно более полно представить деривационный инвентарь существительного всех коми диалектов, исключив из нашего исследования суффиксы, относящиеся к деривационной системе литературного языка, так или иначе получившие освещение в литературе, а также суффиксы, заимствованные из русского языка. В работе мы использовали материал "Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов" (ССКЗД), словарные приложения к монографиям по диалектам коми языка (ВВД, СД, ВСД, НВД, НД, ИД), а также архивные материалы Коми филиала АН СССР (ЛЛД, ССД, УД).

1.1. В диалектах коми-зырянского языка мы обнаружили около 20 исконных словообразовательных суффиксов существительного, не функционирующих в литературном языке. Рассмотрим их:

-АЙ. уд. гымай 'гром, гроза' < гым 'тж', вым. иж. кокай 'мотыга' < кокавын 'окучивать';? скр. качай 'качели' < качайтын < рус. качать; юмай 'вид небольшой рыбки (*Surgimus rhoxinus*)', ср. л. печ. сс. юмань, юман 'тж'. Приведенные примеры представляют собой единичные образования. Суффикс -ай относится к разряду редких, непродуктивных суффиксов. Образует существительные как от именных, так и от глагольных основ. Значение суффикса из приведенных примеров определить трудно. Возможно, он имеет генетическую связь с уменьшительно-ласкательным суффиксом -ой, ср. вокой '(мой) братик' < вок 'брат'; удм. ноной 'мамочка'. Такое допущение тем более возможно, что в ряде приведенных примеров (гымай = гым 'гром'; юмай '*Surgimus rhoxinus*', ср. ненец. juṃ '*Surgimus sahasvinus*', КЭСК доп.: 45), суффикс не привносит в значение основы дополнительных семантических нюансов, что характерно для деминутивно-вокативных суффиксов. Аналогичные образования, сохранившие деминутивность, можно обнаружить в удмуртском языке: кинај саба 'Когнблуме' < кина саба (Kövesi 1965: 122). Сравните также j-овый элемент в составе мордовского суффикса -кай/-гай: панжакай 'ватрушка' < панжа- 'открыть' (Цыганкин 1977:338). Если это предположение верно, то суффикс следует возвести к финно-угорскому или уральскому *j и одним из древних значений суффикса считать выражение деминутивно-вокативных оттенков (Основы 1974:338).

-АК. вв. тшалак 'кол, вставленный между жердями изгороди' < тшаль 'отросток, сук'; вв. печ. сс. пашляк 'трескучий мороз'; нв. вым. скр. иж. палак 'льдина' < рал- пласт, ку-

сок, полоска' < общен. *рал- 'пласт'; скр. уд. вешняк 'зад-
 вижка, засов' < вешн- < вешины 'подвинуться' (КЭСЖ); нв.
 скр. сс. тшетшак: ва тшетшак 'водяная лилия; иж. пуляк: кар-
тафель пуляк 'клубень картофеля', ср. уд. картупель пуль
 'тж'; суффикс относится к разряду непродуктивных, но доволь-
 но часто встречающихся в диалектах. С помощью этого суффикса
 образуются конкретные названия предметов (часто растений) или
 явлений в основном от именных основ. В литературе об этом
 суффиксе нет никаких сведений, кроме его констатации (ВРД).
 Можно предположить, что -ак генетически связан с другими к-
 овыми суффиксами коми языка (-ук, -ик (-ik), -ок) и вос-
 ходит к уральскому *кка или *кк (Györke 1934:9; Lehtisalo
 1936:359; Kõvesi 1965:177). Сравните марийский суффикс -ак:
чарак 'подпорка' < чараш 'подпирать' (Галкин 1966:43). Однако
 возможно и иноязычное происхождение суффикса -ак. Обращает на
 себя внимание формальная идентичность его с русским -ак в
 словах типа черпак, башмак, пошляк, барак и др. Хотя семан-
 тические объемы этих суффиксов далеко не совпадают, не исклю-
 чена возможность, что на процесс формирования коми суффикса
-ак оказал влияние соответствующий русский суффикс.

-Ал', -Ол', -Эл', -Ол'. скр. ротал 'оборванец' < рот 'дох-
 мотья'; уд. козял' 'пряслице'; куал 'мужской цвет хвойного
 растения', ср. лит. коля оз 'тж'; вым нв. жуал' 'небольшой
 жук с белой поперечной полоской на спине'; сс. гын'д'эл' 'ка-
 тальщик, валяльщик', ср. гын 'войлок'; лл. скр. сс. чяп'ол'
 'щепоть'. Во всех этих морфемах следует выделить общий эле-
 мент -л'; разнообразие предшествующих гласных объясняется
 различной диалектной адаптацией конечного гласного основы,
 перешедшего в состав суффикса. Суффикс не является продук-
 тивным ни в одном из диалектов, а по тем немногим примерам,
 которыми мы располагаем, трудно судить о его словообразова-
 тельном назначении. По своему происхождению суффиксы -ад',
-од', -эд', -ол' являются диалектными вариантами довольно
 широко распространенного как в литературном языке, так и в
 диалектах суффикса -ыль (гöгыль 'круг, колесо', йöнгыль 'шиш-
 ка', чыкыль 'завиток, извилина', нюкыль 'изгиб', ёкмыль
 'сверток' и др.), который, по мнению Кевеши, возник на базе
 уральского *л как результат позиционной палатализации (Kõ-
 vesi 1965:186). По Лехтисало, элемент -л' в этих формах нужно
 возвести к уральскому палатальному *-л' (Lehtisalo 1936:179).

-Ан, -Ан'А, -Эн, -Ун, -Он. скр. Гордан, лл. Гордан а

'кличка коровы бурой масти' < гёрд 'красный'; вв. Асан' 'кличка теленка, родившегося утром' < асыв утро; Лунан' 'кличка теленка, родившегося днем' < лун 'день'; Лыс'эн' 'кличка коровы с белым пятном на лбу'; скр. д'оз'ан' 'растрепан' < д'оз' 'растрепанный, лохматый, непричесанный'; вв. шоман', лит. шомкор 'щавель' < шом 'кислота', шома 'кислый'; вв. вижун' 'вид сыроежки' < виж 'зеленый, желтый'; вв. чикун' 'береговая ласточка', лит. чикиш 'тж'; иж. чибон' 'игрушечный конь' < чибó 'жеребенок'. Из примеров видно, что суффиксы выступают в сходном значении с деминутивным оттенком и в сходных звуковых формах. В литературе имеется предположение, что эти форманты возникли путем агглютинации самостоятельного слова ань, энь, инь 'женщина' (КЭЖ доп. : 7; Кривошекова-Гантман 1967:118). Однако тот факт, что звуковые формы суффиксов и самостоятельных слов не всегда совпадают (например, варианты -он', -ун' не имеют значимых соответствий), а с другой стороны, то что данные форманты находятся в отношении определенной соотносимости с довольно часто встречающимися в коми языке, хотя и ныне непродуктивным, суффиксом -ньнь (вежньнь 'кривизна, перекося', кусьньнь 'сгиб') говорит не в пользу этого предположения. Б.А. Серебренников видит в суффиксе -ин' сочетание двух уменьшительных суффиксов (Серебренников 1963:149). Кевеши считает, что палатализация консонанта - явление, возникшее в период отдельной жизни пермских языков. По ее мнению, приведенные форманты возникли на базе древнего уральского суффикса *в (Кёвеси 1965:240).

-АР. вв. сс. мегар 'баран' лит. мех, мегó 'тж'; мытар 'плут, обманщик'; бузмар 'толстяк'; вв. вым. лл. нв. сс. бекар 'столовая чашка'. Суффикс, вернее его консонантный элемент, является одним из самых древних суффиксов коми языка и восходит к уральскому *-г (Основы 1974:352; Кёвеси 1965:281). Аналогичный по форме и отчасти по функциям суффикс имеется в диалектах эрзя-мордовского языка (ср. кокнар 'заика' кокно 'заикаться'), назначение которого Д.В. Цыганкин определяет как "носитель признака" (Цыганкин 1977:339; 1976:98). Диалектный суффикс -ар имеет генетическую связь с более распространенными во всех диалектах и в литературном языке суффиксами -өр (юөр 'весть'; вуджөр 'тень' вежөр 'сознание'; югөр 'луч') и -ыр (вугыр 'рыболовный крючок'; номыр 'червь', бгыр 'горящий уголь'). Однако бросается в глаза наличие пейоративного - характерного также для мордовского суффикса -

оттенка в использовании -ар в отличие от более нейтральных -ör и -нр. Очевидно, в данном случае мы можем говорить не только о формальном расщеплении древнего суффикса, но и о функциональном его расслоении в прошлом. Сейчас же все три суффикса относятся к разряду непродуктивных, а количество дериватов с -ар ограничено несколькими производными.

-ГÖМ. лл. тулысгöм н'ин дуас 'уже наступает весна', лит. тулыс нин лоас 'тж.'. Суффикс очень редкий, зарегистрированный лишь в лузско-летском диалекте коми языка (ЛЛД) без каких-либо сопровождающих сведений о его происхождении и функциях. На наш взгляд, приведенный пример представляет собой окказионализм, возникший как результат использования суффикса неполного качества прилагательных -гöм, распространенного в лузско-летском, верхнесысольском и вымском диалектных ареалах, в сфере словообразования существительных, ср. лет. лозгöм 'синеватый'; вым. джен'гöм 'коротковатый'; вс. дубндгöм 'несоленный' и др. В нашем примере суффикс -гöм обозначает явление, находящееся на определенной стадии развития, явление незавершенное, не получившее своего полного выражения. Производное не употребляется вне контекста, что свидетельствует о шаткости позиций суффикса -гöм в деривации.

-И. скр. дори 'кухня' < дор 'край'; пыди 'комната' < пид -, пыдын 'внутри'; уди 'низ' < ув 'тж'; ыли 'даль' < ыл-, ылын 'далеко, вдали'; вс. н'ари 'нытик' < н'ар 'слабый'; н аргыны 'хныкать'. Из приведенных примеров можно выделить следующие значения суффикса: а) обозначение предмета по его местонахождению; б) выражение абстрактного понятия, в) выражение пейоративного оттенка. Хотя суффикс относится к разряду непродуктивных и не образует ныне новых слов, все же в диалектах он представлен гораздо шире, чем в литературном языке, где мы можем выделить его лишь как мертвый элемент в словах типа: писті 'синица', пими 'пимы' коми 'самопознание народа коми', шонді 'солнце' и некоторых других. М. Кевеши полагает, что конечные элементы приведенных слов восходят к древнему уральскому суффиксу *-j и генетически связывает конечный -и (i) с деминутивно-вокативными суффиксами -ой, -эй (аньöй 'женщина' < ань 'тж'), -ö (вокö 'братиска' < вок 'брат'), с рассматриваемыми коми суффиксами -ай, -öй, -эй и с целым рядом других формантов адектинного, глагольного, наречного и др. словообразования (Кёвеші 1965:122). Однако, даже если такая связь и существовала в древности, в совре-

менном языке она не ощущается непосредственно. Косвенным доказательством этой связи, на наш взгляд, может быть идентичный по форме, но с ярко деминутивным значением суффикс -и, распространенный в верхнесольском диалекте коми языка: коки 'ножка' < кок 'нога'; каг'и 'ребеночек' < кага 'ребенок'; меки 'барашек' < мех 'баран' и т.д.

-Ю. скр. иж. нырко 'упрямец' < ныр 'нос', ср. асныра 'своенравный', ас 'свой' + ныр 'нос'; вв. Рудко 'кличка бурой коровы' < руд 'бурый, рыжий', вв. печ. скр. сс. Тшайко 'лошадь с белой щеткой'; вым. иж. л. печ. сс. Буско 'кличка белой собаки'. В литературе об этом суффиксе нет никаких сведений. Суффикс малопродуктивный, узкодиалектный. Нам представляется возможным сопоставить его с деминутивным суффиксом -ко, широко распространенным в ижемском и летском диалектах коми языка: лет. кайко 'птичка' < кай 'птица', иж. кыско 'кошечка' < кыс-, кысыль 'тж'; вокко 'братик' < вок 'брат'; Любоко 'Любушка' и др. На эту связь указывает наличие уменьшительно-ласкательного значения во всех имеющихся у нас примерах, а также тот факт, что приведенные нами производные образованы исключительно от именных основ.

-Ю. скр. броилб 'брехун' < брöитны 'брехать, врать'; нрсб 'нетерпеливый человек, лошадь' < нрсн'итны 'рвануться, сделать что-либо быстро'; лет. трушилб 'обжора' < трушитны 'жрать, лопать', лл. манилб 'признак, приведение. дух' < ? рус. манить, заманить; л. скр. полбкэлб, вв. нв. полокалб 'чучело, пугало'. Суффикс малопродуктивный, хоть и часто встречается в диалектах. Служит, в основном, выражению негативных моментов при названии людей или животных по их действиям. Придает производному ярко экспрессивный разговорный оттенок. Структурно состоит из 2-х элементов: -д, имеющего связь с д-овыми суффиксами других фонно-угорских языков (ср. напр. морд. -до/-да: чавода 'пустозвон', чаво пр'а 'пустая голова', Цыганкин 1977:342) и восходящего к прафинноугорскому суффиксу *-д (Lehtisalo 1936:146; Guörke 1934:40) и редкого суффикса -ö (см. ниже), несущего в этом сочетании основную семантическую нагрузку.

-Д'А. вв. вв. лл. печ. скр. сс. вилл'а 'дракон, змея'; вв. сс. вужл'а 'коряга, вывороченное с корнями дерево' < вуж 'корень, сук'; вв. вашл'а 'перепел', сс. кокл'а 'коленный сгиб' < кок 'нога', нв. вым. вв. чал'л'а 'деревянные вилы для складывания снопов при скирдовании' < чал' 'сук,

отросток'; вв. буш'а 'буря', ср. лит. бушков 'тх', печ. вр бур'а 'затылок' < вр 'голова', бур 'зад, задняя часть'. Суффикс является одним из самых древних суффиксов коми языка. Ныне относится к разряду мертвых. Обнаруживает формальное сходство с элементом -ля в составе некоторых сложных слов: мализі 'пчела' < ма 'мед' + ля + зі 'оса'; коклябур 'пятка' < кок 'нога' + ля + бур 'задняя часть', а также в несколько иной форме в словах: моллапур 'противоположный берег реки' < мол 'другой' + ла + пур 'сторона, половина'; пур-рысьладор 'старость' < пурсы 'старый' + ла + дор 'край, сторона' и др. В.И. Лыткин полагает, что на базе этого древнего словообразовательного суффикса возникли сложные л-овые падежные окончания коми языка (Лыткин 1977:24).

-ӧ (-э). л. ротӧ 'оборванец' ср. рот 'лохмотья'; скр. лясӧ 'болтун, сплетник', ср. рус. лясн точить; скр. шлавӧ 'шатун, бездельник' < шлавьявны 'болтаться'; шлӧнӧ 'бездельник' < шлӧньявны 'бездельничать'; иж. базӧ 'разиня, зевака'. В приведенных примерах суффикс выступает в функции, сходной с функцией -лӧ, т.е. служит названию лиц или животных по их негативным признакам. Однако значение суффикса не ограничивается этой функцией, хотя она и является основной. Часто суффикс -ӧ выступает в названиях коров по их характерным признакам: скр. Визьӧ 'кличка черно-пестрой коровы' < визь 'полоска, полоса'; С'урӧ 'кличка рогатой коровы' < скр 'рог', Гачӧ 'кличка черной коровы с белыми ногами' < гач 'штаны' и др. Кроме того, имеются отдельные примеры на использование суффикса для обозначения конкретных предметов: скр. сс. шладӧ 'толстая ржаная лепешка из кислого теста' < шланины 'щлепнуть, положить плашмя'; вс. нильдӧ 'гнилая колода, бревно' < нильзыны 'размокнуть, ослизнуть'. В двух последних функциях суффикс достаточно ясно обнаруживает связь с вокативно-деминутивным суффиксом -ӧ, широко распространенным в коми языке: вокӧ '(мой) братик' < вок 'брат'; йӧйӧ 'глупышка' < йӧй 'глупый' и др. Очевидно, все значения суффикса -ӧ развились на базе деминутивного.

-ӧй (-эй). лл. чотӧй 'хромушка, хромой человек' < чотны 'хромать'; уд. быргэй 'флюгер' < быргны 'хужать, болтать'; водзэй 'указательный палец', лит. водз чунь 'тх'; шӧрӧй 'средний палец', лит. шӧр чунь 'тх'; нимэй 'безымянный палец', лит. нимтӧм чунь 'тх'; кокӧй 'мотыга' < кокавыны, кокасьны 'мотыжить, окучивать'; кляпэй 'кол, забитый в дно ре-

ки'; кодзой 'вол, кастрированный бык, < кодэны 'кастрировать'; лэкэй, лэгей 'ящерица', лит. лэк гаг 'тж'; ен кукэй 'божья кровка' < ен 'бог', кук 'теленок'; вв. вс. вим. иж. лл. печ. скр. сс. уд. пучей 'короед'; скр. сысой 'растрепанная лохмачка'; уд. дувей 'разиня, зевака' ср. дуввидэны 'ничего не делать'; вв. вс. гындей 'катальщик', ср. вс. гын'дел' 'тж' и др. Суффикс широко распространен в коми языке, особенно в удорском диалекте, где составляет продуктивные словообразовательные типы во всех своих значениях. Семантика суффикса достаточно широка а) обозначение конкретных предметов или явлений по их характерному признаку, местоположению, соотносимости с другими предметами, б) обозначение предметов или явлений по действию, производимому ими или направленному на них, в) обозначение лиц по их профессии, роду деятельности г) выражение негативных моментов в обозначении лиц и некоторые другие. Формально все существительные с суффиксом -ой можно разделить на две группы: производные, неупотребляющиеся без этого суффикса, вроде уд. пелей: вит кока пелей 'серьги с подвесками, напоминающими по форме гусиные лапки' < пель 'ухо' и производные, употребляющиеся как с суффиксом -ой (-эй), так и без него: мегей = мег 'баран'; певей = пев 'большой палец' и др. Последняя группа производных указывает на несомненную связь суффикса -ой с притяжательным суффиксом I л. ед. ч., а также деминутивным суффиксом -эй, что позволяет утверждать, что все современные значения суффикса -ой возникли на базе деминутивного.

-Ой. вс. гормо́к 'палка для перемешивания головней в костре', лит. гормо́дчан 'тж'; уд. гол'о́к 'корчага'. Суффикс очень редкий, непродуктивный. В литературе о нем нет никаких сведений. Происхождение неясно. Возможно, он связан с другими к-овыми суффиксами коми языка (-ик, -ук, -ак), но не исключено, что он является оглушенным вариантом широко распространенного во всех диалектах суффикса -о́г (майбо́г 'кол'; сэро́г 'угол'; вс. мыччо́г 'шест, которым толкают дерево при валке' и др.) и восходит к прафинноугорскому *о́к (Основы 1974:348).

-Ук. уд. пэл'ук 'рябина', лит. пельсь 'тж' печук 'щелчок, щелбан', лит. печик 'тж' < печлавны 'давать щелчки, щелкать'. Суффикс непродуктивный, производные с этим суффиксом исчисляются единицами. С функциональной и формальной стороны близок с деминутивными суффиксами -ок, -ук (диок 'ост-

ровок' < ди 'остров'; нылук 'девоныка, доченька' < ныв 'девушка, дочь').

-эдз (-одз). вв. вым. н'иедз. ик. н'ийэдз 'лиственный лес' < н'иа 'лиственница'; пожэмэдз 'сосняк' < пожэм 'сосна', уд. тыэдз 'место, обильное озерами' ты 'озеро'; коз-нодз 'еловый лес' < коз 'ель'; помол'едз 'молодой хвойный лес' < помол' 'молодая поросль хвойных растений'; расодз 'роща' < рас 'тл'. Суффикс достаточно широко распространен в лузско-летском, удорском и верхневичегодском диалектах коми языка. Основное и единственное значение суффикса - выражение места, обильного чем-либо, характерного чем-либо. Он вступает в деривационные отношения исключительно с именными основами. Происхождение суффикса спорно. В.И.Лыткин и Е.С.Гуляев под вопросом сопоставляют его с показателем терминатива -одз (пожэмодз 'до сосны'), что маловероятно. Нам представляется возможным сопоставить данный суффикс с суффиксом прилагательных -ось, основное значение которого 'характерный, обильный чем-нибудь': тыось 'обильный озерами', мылькйось 'холмистый, обильный холмами' тойось 'вшивный' и т.д. В пользу такого утверждения говорит то, что суффикс -одз (-эдз) имеет словообразовательный вариант в форме -ось (уд. тыодз = = вым. скр. сс. уд. тыось 'место, обильное озерами'). В этой форме он хорошо вычленяется из состава коми (вв. Ицэт Пожэмэсь < пожэм), а также удмуртских (Пужмезь, Малый Пужмезь < пужым 'сосна') топонимов (КЭСЖ доп. :36). Из сказанного следует, что суффикс -одз (-эдз) возник как результат позднейшей аффрикатизации распространенного суффикса имен -ось, который восходит к древнему финно-угорскому суффиксу *-ä (Основы 1974:353).

1.2. Кроме приведенных суффиксальных элементов, особенностью деривационной системы диалектов является наличие необычных сочетаний суффиксов, по отдельности встречающихся как в литературном языке, так и в диалектах. Для сферы словообразования существительного наиболее характерными являются следующие:

-ай + -лӧ. уд. качайлӧ 'качели' < качайтны < рус. качать; бурскайлӧ 'бот, ботало'; вс. розгайлӧ 'неряха'; уд. пикайлӧ приспособление (палка с дужкой в конце) для сгребания зерна в кучу после молотбы' < пикайтны < рус. пихать. Сочетание суффиксов непродуктивно, встречается в основном в удорском диалекте коми языка со значением "конкретный предмет, пред-

назначенный для действия, обозначенного производящим глаголом". Наличие яркого разговорно-экспрессивного оттенка объясняется присутствием суффикса -лѡ (см. выше), основное значение которого - выражение негативно-уничжительных нюансов. Элемент -ай может иметь двойное объяснение: с одной стороны, он может быть исконно коми элементом (см. выше суффикс -ай), а с другой - элементом, выделившимся в состав суффикса из глагольных основ, заимствованных из русского языка в форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения на -ай: качай - т - ны 'качать'; гуляй - т - ны 'гулять'; встречай - т - ны 'встречать'; купай - т - ч-ны 'купаться' и др.

-АН + -КА. вс. домаланка 'заплата, то, что подлежит пришиванию' < домавны 'залатать, латать'; мнс'с'анка 'умывальник' < мнс'с'ны 'умываться' уйаланка 'плавательный пузырь' < уйавны 'плавать'; гижанка 'то, что подлежит написанию, что надо написать' < гижны 'писать' комаланка 'обувь' < комавны 'обуть'; лл. л'эмаланка 'репейник, чертополох' < л'эмас'ны 'приклеиваться'; рочанка 'русская' < роч 'русский'; шоманка 'щавель' < шом, шома 'кислый'; скр. вожанка 'девочка, которая везде карабкается, лазает' < вожасьны 'лазить, карабкаться, залезать' и др. Это сочетание суффиксов широко распространено в диалектах, особенно в верхнесольском диалекте коми языка. Самым распространенным и продуктивным словообразовательным типом является образование существительного со значением предмета или результата действия от глагольных основ; менее продуктивно присоединение -анка к именным основам. Очевидно, первоначально словообразование проходило по модели: причастие на -ан + суффикс -ка (корталан 'подвязываемый' + ка = корталанка 'подвязка'), а затем, в результате частого употребления таких конструкций, причастный суффикс -ан перешел в состав субстантивирующего суффикса и стал использоваться в словообразовании от неглагольных основ (рочанка 'русская'). Что касается элемента -ка, то он, очевидно, заимствован из русского языка. В литературном языке, а также в ряде других диалектов сочетанию -анка соответствует суффикс -ан, производные которого еще достаточно ясно обнаруживают связь с причастными образованиями (об этом сочетании см. ВСД : 74-75).

-АЧ + -КА, -КО. скр. нджачка 'капризуля, каприза' < нджавны 'капризничать'; пѡриачко 'обманщик, лгунья' < пѡриавны 'обмануть'. Сочетание суффиксов малопродуктивно, рас-

пространено в присытывкарском диалекте коми языка. В литературном языке ему соответствует суффикс -ац, выступающий в этом сочетании в одном из основных значений - агентивном. Суффиксы -ка и -ко (рус.) с их деминутивным значением добавляются для выражения большей экспрессивности разговорной речи.

-ыл' + А. вс. н'игыл'а 'минога'. Суффикс одиночный. Первый элемент -ыл' - непродуктивный, но довольно широко представленный в литературном языке и диалектах суффикс именного словообразования (см. выше суффикс -ал', -ол'...). Происхождение второго элемента неясно. Возможно, он имеет отношение к широко распространенному в словообразовательной системе коми языка суффиксу существительных (куз'а 'длина' < куз' 'длинный'; чойа-вока 'брат с сестрой' < чой 'сестра', вок 'брат'), прилагательных (нюра 'болотистый' < нюр 'болото'), наречий (гораа 'громко' < гора 'громкий'), а также к деминутивным суффиксам нв. -а (мон'а 'сношенька') и вым.их. -ас'с'а (Домнас'с'а 'Домнушка').

-нс' + А. вс. тоднс'а 'знахарь' лит. тодньс < тодны 'знать'; с'бынс'а 'страшилище' < с'быны 'есть'; олнс'а 'дух, живущий в доме, домовый' < овны 'жить' и др. Первый элемент -нс' - причастный суффикс, широко используемый в коми языке в качестве суффикса *nomina agentis*. Элемент -а тот же, что и в сочетании -ыл'а. В сочетании -нс'а основное значение агентивности несет первый элемент, -а же придает конструкции экспрессивность, а также привносит дополнительное значение, ср. тоднс' 'знаток, знающий' и тоднс'а 'знахарь'; с'ойнс' 'едящий, едок' и с'бынс'а 'страшилище'. Сочетание суффиксов -нс'а ныне непродуктивно.

-эн' + А. вс. гривен'а 'жители с. Гривы'; пустошен'а 'жители с. Пустоши'. Суффикс узкодиалектный, употребляется для обозначения определенного коллектива людей по их местожительству или принадлежности. В литературе о суффиксе нет никаких сведений. Очевидно, в этом суффиксе можно выделить элемент -а, как в -ыл'а и -нс'а (интересно отметить, что элемент -а добавляется в состав распространенных суффиксов только в верхнесыольском диалекте) и -эн', рассмотренный выше.

Почти все приведенные нами суффиксы и суффиксальные сочетания относятся к древнейшему слою деривационных элементов коми языка (за исключением суффиксов -гом и -эдз (бдз), офор-

мившихся позже). Большая часть их ныне непродуктивна или даже относится к разряду мертвых. В функциональном плане суффиксы весьма разнообразны. Примечательно, что целый ряд специфически диалектных суффиксов (-ай, -и, -ё, -ёй (-эй), -ук) развились на базе древних диминутивных элементов, что объясняется стремлением народной речи к экспрессивности выражения. В целом же специфически-диалектные суффиксы представляют собой варианты общекоми суффиксов, закрепившиеся в деривационных системах разных диалектов.

2.1. Наличие сильно разветвленной системы вариантных форм суффиксов обусловлено как специфическими особенностями звукового строя диалектов, так и отдельным развитием общекоми формантов в условиях обособленных говоров. В этом плане наиболее характерными являются фонетические чередования, т.е. чередования форм, отличающихся лишь огласовкой и объединенных общим консонантным элементом, словообразовательными возможностями и функциональным значением. Среди алломорфов такого характера можно выделить: а) вариантные суффиксальные морфемы, закрепившиеся исторически в определенных группах слов и не заменяющие друг друга в данном морфологическом контексте. Часто они (или некоторые из них) представляют собой мертвые элементы. Историческими алломорфами являются рассмотренные нами суффиксы -ал', -ёл', -ол', -ыл', -ан', -эн', -ун', -он'; -ар, -ор, -ур, и некоторые другие.

б) вариантные суффиксальные морфемы, свободно заменяющие друг друга в одном и том же морфологическом контексте, абсолютно тождественные в плане содержания и имеющие в своем составе общий опорный консонант. Наиболее часты также чередования в междиалектной плоскости. Это следующие:

- с опорным консонантом -м: скр. сс. кул'ём = вв. нв. кул'эм = печ. уд. кул'ым = вв. вым. кул'им 'нерест лягушки или рыбь'; вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. кнём = вв. иж. кнэм = уд. кным 'живот'; вым. скр. сс. рузём : кага ружём = вв. кага ружим = нв. кага ружым 'пеленка', кага 'ребенок'; нв. тыём 'прядь' = вым. иж. скр. уд. тыым = вв. тыим 'прядь из пеньки при витье драгвы';

- с опорным консонантом -н: вс. вым. лл. нв. скр. сс. уд. вурэн = иж. вурни = вв. вурин 'овечья шерсть'; вс. вым. лл. нв. скр. сс. уд. турэн = иж. турни = вв. турин 'трава';

- с опорным консонантом -к: вв. лл. печ. скр. сс. лудк = вым. вс. нв. уд. лудк 'клоп'; вв. иж. л. печ. скр. сс.

сонік = нв. сѡнык = вс. вым. уд. сѡнѡк = лет. сѡмик 'талый снег';

- с опорным консонантом -р: вс. вым. л. нв. скр. сс. уд. вугыр = уд. вугѡр = вв. вугир 'дремота'; петшѡр повс. = вс. петшыр 'крапива'; сѣтѡр повс. = вс. сѣтыр 'смородина';

- с консонантом -с: нв. уд. ковтыс = вв. ковтіс = печ. колтыс = вым. коотас 'долина реки, прогалина'; вс. скр. кондас = л. кондѡс = вв. кондѣс 'отлитое на время, отбавка'; иж. чйклес = уд. чйкл'ас 'сгиб, напр. ноги';

- с консонантом -д; скр. пыкѡд = вв. пыкид 'участники свадебного пира со стороны жениха';

- с консонантом -в: асыв повс. = уд. асув 'утро'.

Колебания в области гласного звука можно наблюдать в функционировании некоторых суффиксов в пределах одного диалекта, где довольно часто можно обнаружить пары вроде: вв. (Крч.) улук = вв. (Бог.) улік 'дугообразные оглобли в бороне'; вв. (Крч.) ул'им = вв. (Бог.) ул'ем 'слизь рыбы на чешуе'; уд. вѡвдым = уд. (Гл.) вѡвдѡм 'скошенное, но еще не убранное сено, кошенина'; уд. (Гл. Удор.) гежѡм = уд. (Венд.) гежым 1) 'загон, полоса посева, обхватываемая разбрасыванием семян', 2) 'водосточная борозда' и др. Если учесть, что чередования гласных ы/и и о/э в приведенных примерах отражают более глубокое разделение диалектов коми языка на ы-, и-, о-, э- говоры и обнаруживаются не только в сфере деривационных суффиксов (ССКЗД : 459), то варьирование гласных в словообразовательных элементах может быть оформлено как у/ы (и)/ѡ (э)/а, т.е. фактически все гласные звуки коми языка, кроме о, употребление которого в первом слоге вообще ограничено - оказались включенными в ряды чередований.

Широко развитая фонетическая вариантность суффиксального вокализма в диалектах коми языка объясняется историческими причинами. Известно, что огласовки суффиксов в пермских языках возникли из конечного гласного производящей основы, перешедшего в свое время в состав суффиксов (Лыткин 1964:239). Эти гласные древних основ, во-первых, были разного качества, что в соединении с одним и тем же суффиксом давало разные варианты, во-вторых, в конце основ могли оказаться такие гласные звуки, которые в разных диалектах дали разные рефлексy. И, наконец, как известно, гласные основ, перейдя в состав суффиксов, подвергались нивелировке, т.е. унифицировались по определенному, очевидно наиболее распространенному

или удобному в фонетическом отношении, типу. Эта унификация могла иметь в диалектах различные основания и протекать в различных направлениях, что в конечном счете также вело к появлению фонетических вариантов суффиксов. Нам трудно судить, какая из приведенных причин послужила основанием для конкретного чередования, поскольку вокализм непервого слога пермских языков изучен слабо, и в этой области еще много неизвестного.

2.2. Другой тип чередований, характерный для словообразовательных суффиксов существительного в диалектах коми языка, — морфологический — имеет свои истоки в синонимии суффиксов, т.е. в способности суффиксов, различных в плане выражения, вступать в отношения свободного варьирования или взаимозамещаемости. Нельзя сказать, что приведенные ниже формы образованы с помощью вариантных суффиксов, однако как элементы в ряду чередований эти суффиксы получают вариантный характер. Приведем некоторые примеры: вым. печ. скр. сс. уд. вис'ом = вс. лд. вис'ан 'болезнь' < вис'ны 'болеть'; вв. скр. Гачан' = вв. Гачена = вым. Гачуш 'кличка черной коровы с белыми ногами, или наоборот' < гач 'штаны'; кыбод повс. = сс. кышан = нв. кышас 'одежда' < кышавны 'одеть'; нв. дабын 'вилы с тремя развилками' = лд. дэбод 'длинная палка с вилкой на конце для поднятия снопов на скирд' < дэбодны 'бросить, забросить'; скр. дэвгун = уд. дэвэй = сс. дэло 'нытик' < дэвтын, дэвгыны 'хныкать. ныть'; нв. сс. мизуй = уд. мизир 'тихоня, рохля'; л. нв. скр. сс. мудод = печ. мудог 'заваляшка, насыпь' < мудыны 'копать'; вв. сс. нептол = вым. нептас = нв. уд. неков 'ложбина, котловина' и др. То же явление можно обнаружить внутри отдельных диалектов, например: иж. с'ойан = с'ойад 'еда, пища, снедь' < с'ойны 'есть'; печ. гөрбуш = гөрбина 'горбыль'; сс. дэбод = дэбом 'загородка из веток хвой около силков'; уд. (Гл.) малос = (Венд.) малог 'ошупь'; уд. кычан = кычей 'щенок'; уд. (Гл.) тул'ас = тул'алом 'сверток'; уд. (Мез.) тал'га = уд. (Ваш.) тал'ла 'уточка, утопанное место'; сс. шуд'гин = шуд'гач 'левша'; вв. вкен = вв. (Бог.) вкед 'доля, часть' и многие другие.

Мы привели лишь незначительную часть материала, которым располагаем. При более полном охвате производных существительных в диалектах коми языка оказывается, что фактически весь основной фонд суффиксальных элементов так или иначе включен в систему чередований, причем варианты корреляций

могут быть самыми различными: -ан'/-на/-уш; -ыш/-еч/-ис; -ын/-уч/-ич; -ёд/-ан/-ас; -ын/-ёб; -ёб/-тас; -ун/-ё; -ём/-ан; -уй/-ир; -ув/-ей; -ыл/-лей; -ым/-ём/-ог; -тол/-тас-ов; -ым/-ын; -ол/-ис; -ан/-ан'; -ём/-ёд; -ыл/-ыш; -ёд/-ог; -ан'/-ка/-ен'/-ук; -ёб/-ог; -ич/-ыш; -ан/-ыш; -ас/-ёд; -ей/-дй; -уш/-на; -ня/-ка; -ля/-ей; -ан/-ей; -ас/-ог; -от/-ей; -ог/-ёс; -ас/-ыр; -ас/-ог и другие. Большинство из этих суффиксов ныне непродуктивны, поэтому и чередования нерегулярны. Все они относятся к древнейшему пласт пермского словообразовательного фонда (за исключением нескольких заимствований, которые иногда выступают на месте исконно коми суффиксов). Более позднего происхождения суффиксы обычно не чередуются и не имеют вариантов. Известное функциональное совпадение древних суффиксов - наблюдаемое также в других финно-угорских языках - связано, очевидно, с их первоначальной семантической недифференцированностью, с их слишком общей, и поэтому часто тождественной семантикой. Противоречие между многообразием форм суффиксов и широким диапазоном функций каждого из них должно было бы привести к выделению и закреплению за каждой отдельной формой специфических функций. Однако слишком разветвленная сеть вариантных форм, развившихся на базе почти всех древних суффиксов, явилась - как нам кажется - тормозом в развитии этого процесса и в конечном счете привела к утрате суффиксами их былой продуктивности, а в ряде случаев - к их отмиранию.

С о к р а щ е н и я

Бог. = говор с. Богородск; Ваш. = говор Усть-Вачергского с/с; ВВ. = верхневичегодский диалект; ВВД = Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С., Верхневичегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966; Венд. = говор д. Бендинга; вс. = верхнесольский диалект; БСД = Диллина Т.И., Верхнесольский диалект коми языка. Москва, 1976; вым. = вымский диалект; Гл. = говор с. Глотово; ИД = Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976; иж. = ижемский диалект; Крч. = говор с. Керчёмья; КЭСК = Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970; КЭСК доп. = Дополнение к КЭСК. - Коми филология. Труды Института языка, литературы и истории, выпуск восемнадцатый. Сыктывкар, 1975; л. = лузский диалект; лл. = луз-

ско-летский диалект; ЛЛД = Ж и л и н а Т.И., Лузско-летский диалект коми языка. Научный отчет. Сыктывкар, 1968 (Архив Коми филиала АН СССР); мез. = говор на Мезени; нв. = нижевычегодский диалект; НВД = С о р в а ч е в а В.А., Нижневычегодский диалект коми языка. Москва, 1978; Основы 1974 = Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва; Щ = С а х а р о в а М.А., С е л ь к о в Н.Н., Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976; печ. = печорский диалект; СД = Ж и л и н а Т.И., Б а р а к с а н о в Г.Г., Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. Москва, 1971; скр. = присыктывкарский диалект; ССД = К о л е г о в а Н.А., Среднесысольский диалект коми языка. Научный отчет. Сыктывкар, 1971 (Архив Коми филиала АН СССР); сс. = среднесысольский диалект; ССКЗД = Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961; УД = С о р в а ч е в а В.А., Удорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1972 (Архив Коми филиала АН СССР); уд. = удорский диалект; Удор. = говор д. Удор.

Л и т е р а т у р а

- Г а л к и н И.С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, часть II, Йошкар-Ола.
- К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н А.С. 1967, О грамматизации самостоятельных слов (на материале пермских языков). - Вопросы финно-угорского языкознания, выпуск IV, Ижевск.
- Л ы т к и н В.И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- 1977, Историческая морфология коми языка, Пермь - Сыктывкар.
- С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Ц ы г а н к и н Д.В. 1976, Суффиксальное словообразование имен существительных в диалектах эрзянского языка. - *Fenno-ugristica* 3, Tartu, 86-106.
- 1977, Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование). (Дис. на соиск. уч. степ. док. наук.)
- Г у ö г к е, J. 1934, Die Wortbildungslehre des Uralischen, Tartu.

K ö v e s i, M. 1965, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest.
L e h t i s a l o, T. 1936, Über die primären ururalischen
Ableitungssuffixe, Helsinki (SUST, LXXII).

G. V. F e d j u n j o v a
(Syktyvkar)

EIGENARTIGE SUFFIXE DES SUBSTANTIVS IN DEN DIALEKTEN
DER KOMI-SYRJÄNISCHEN SPRACHE UND WORTBILDUNGSVARIATION

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Frage der dialektischen Wortbildung der komi Sprache sind bis heute schlecht untersucht. Unterdessen ist in den Dialekten eine Menge eigenartiger Suffixe und Suffixkombinationen zu treffen, die für Forscher von Interesse sein kann. Im vorliegenden Beitrag werden einige von denen, und nämlich -aj, -ak, -le, -e, -uk, -anka, -is'a, -il'a analysiert. Die Natur der gegebenen Elemente wird im synchronischen wie auch historischen Plan beschreiben. Der Autor unterscheidet ein solches Merkmal der mundartlichen Suffixe wie Variation. Unter Variation versteht der Autor die Möglichkeit, die Suffixe im Rahmen eines und desselben morphologischen Kontextes ohne die Veränderung des letzteren zu wechseln. Es werden a) das phonetische Wechseln, das seine Grundlage im Vokalwechsel innerhalb der Suffixe erhält (z. B. -em, -im, -im, -um, -am) und b) morphologisches, das auf der Synonymie der Suffixe gründet (z. B. -ed ~ -an ~ -as), unterschieden. Beide Wechseltypen werden sowohl zwischen Mundarten, als auch innerhalb deren beobachtet. Überwältigende Mehrheiten der untersuchten Suffixe gehört zu der ältesten Schicht der permischen Wortbildung und bildet in der gegenwärtigen Sprache keine produktiven Derivationstypen.

H. H e i n s o o
(Tartu)

VADJALASTE TERAVILJAKASVATUSE ALAST SÕNAVARA
JA KOMBESTIKKU

1. P õ l d

Põllumaa nimetused nurmi ja pelto on erineva tähendusvarjundiga. Nad tähistavad ühelt poolt põldu üldse, teiselt poolt aga eraldi mingit kindlat põlluosa. Mati külas ja naaberkülades on üldisema tähendusega sõna nurmi, pelto aga märgib väiksemat maatükki (Ränk 1960 : 88). pelto on sarka M 'Põld on sarg.' nurmeza pelloD on jagettu tōž arvottā Lii 'Nurmes on põllud jagatud ka liisu järgi.' Sageli oli vana-de külapõldude nimetuste üheks osaks -nurmi. Näiteks pihla-ganurmi, taraperänurmi, roojanurmi, kõrpõnurmi ja ainult laddapõlto. Soikkolas ja Ingerimaal esinesid pelto-lõpulisid kohanimed (Ränk 1960 : 88). pelto, se on soikkolaz, meil on nurmi, vadjalaisil on nurmi Lii 'Põld, see on Soikkolas, meil on nurm, vadjalastel on nurm.' Jõgõperä külä ümbruses kasutatakse aga nii pelto kui ka nurmi kogu põllumaa tähenduses.

Põllumaad jagati liisu viskamisega. arpa, pelloD on jagettu arvottā. jeka talol eli ema merkki arvol Lii 'Liisk, põllud on jagatud liisu järgi. Igal talul oli oma märk liisupulgal.' Nn. nõõrimaa puhul mõõdeti peremehele nõõri abil pikk kitsas põlluriba sarka (Ränk 1960 : 90). sarka on pelto Lii 'Sarg on põld.' Mõnes külas esines veel nimetus leuto. elivat pienet sargad / näit juelti leutoD Pum 'Olid väikesed sargad. Neid nimetati leutoD' (Ariste K).

Valdavaks oli põldude kolmeosaline jaotus. rüisnurmi eli keikilla ühes paikkā. jeka peremehell eli ema sarka ...

tein nurmi eli teukovilla alla... ühez nurmez eli i lina M
(VE XIII 160(45)) 'Rukkipeöld oli kõigil ühes kohas. Igal
peremehel oli oma sarg... Teine peöld oli suvivilja all ...
Ühel peöllul oli ka lina.'

2. Põllumaa ette- valmistamisest

Maaviljeluse algaastail tehti põllumaad tule abil. Tä-
napäeva keelejuhid oskavad sellest vähe rääkida. meill ep
peletettu mäta. kapusmäta peletetti Lii 'Meil ei põletatud
maad. Kapsamaad põletati.' ütta mäta soikkolas tehti Luu

'Uut maad tehti Soikkolas.' G. Ränga ja P. Ariste materja-
lides esineb põletatud maa tähistamiseks mitu sõna: serto
'alemaa', čütüz 'kütis' Itsäpäiväs robio 'uudismaal põleta-
tav risu', Volkovitsa külas vene laen karčaka 'kütis' (Ränk
1960 : 88). mecca jürina revitti vällä. sis kane nöret püt

keik peletetti. sis i kucutti serto... M (VE XII 276(7))

'Mets juurtega rebiti välja. Siis need noored puud kõik põ-
letati. Siis kutsutigi serto...' Kütisepeöld oli kasutusel

üks kord, hiljem läks maa võsa alla. Laasimiskirvega (kasu-
ri) lõigati võsa, mättapind purustati maakirvega (Itš res-
sa) (Ränk 1960 : 88). ku.püa le.ikkäB / i pa:nep.ku:vuo pä:-
lè / ... a si.sü.täp.pe.lemä. / ... si.s kö.käkä ko.kiB/..
si.z ä.essäB / a si.s.tšü.lväB e.zrā. /tšü.tühse rü.iä me-il
ep.tšü.lvettü (Mägiste 1956 : 63) 'Lõigatakse haakood ja

pannakse kood maale... aga siis süüdatakse põlema... Siis
aga kõblatakse kõplaga... siis äestatakse, aga siis külva-
takse oder. Kütisemaale meil rukist ei külvatud.'

Maa künti esimest korda viljalõikuse järel. Kesapeöldu
künti ja väetati esimest korda enne jaanipäeva, teist korda
künti enne külvi (Ränk 1960 : 90). mäta čünnettü. lauttaz
lõvvä kõrma valoapgökä, sarkä päle temmatti valo päle Lii

'Maa künti. Laudas lüüakse sõnnikuhanguga koorem, põllule
tõmmati sõnnik peale.' kertamä, piäB mennä nurmē kertamä Luu

'Kordama, tuleb minna nurme kordama /küntut äestama./' plü-

gākā čūnnād. čūnnimmā ja keezimmā mū. puizeD i rautēizeD. pū-
-hez māmunia vartē. hezettī Luu 'Adraga kūnnad. Kūndsime ja
 hestasime /meie/. Puised ja raudsed. Puuške kartulite jaoks.
 keestati.' pū-adrad ja eetsad eļtī rautēizeD Lii 'Puoadrad ja
 otsad olid raudsed.'

3. K U L V

Kevadkūlv algas aprillīs kūlvipāeval (tšūlvū-pāivā).
 Sellele pāevale ei vastanud mingi kindel kalendripāev. tše-
vālā ku māta mō eļi tin, niku māmālikō verkko, sitā luget-
tī tšūlvūpāivā 'Kevadel, kui maas /=maad mōōda/ oli lima,
 nagu āmblikuvōrk, seda pesti /=loeti/ kūlvipāevaks' (Ariste
 1969 : 65). kagrā čūlvettī ain keļmeē pāivā ēs čevād mikkū-
lā M (VE IX 3(2)) 'Kaer kūlvati aina kolm pāeva enne keva-
 dist nigulapāeva.' Paras odrakūlvi aeg oli, kui toomingas
 ōitses vōi latikas kudes (Rānk 21960 : 91). čūlvettī vehnā
 (nissua), vīmine ezrā čūlvettī, kui mā sōjēneB Luu 'Kūlvati
 nisu (nisu), viimasena otra kūlvati, kui maa soojeneb.' ez-
ra grētīnākā ūheš čūlvettī. kleiverīkā tōž Lii 'Otra kūlva-
 ti koos tatrāga. Ristikuga ka.' Rukist hakati kūlvama paas-
 pāeva (spāssa 14.08.) paiku vōi rukkimaarjapāeval (28.08)
 (Ariste 1969 : 109). rūissā algettī čūlvā, eļi teine mārja
 Lii 'Rukist hakati kūlvama, oli teine maarja.' mēz-elājēD
ain čūlvettī Luu 'Mehed alati kūlvasid.'

Kūlvatavad seemned seisid puust, tohust, juurtest vōi
 ōlgedest tehtud kūlimitis. jūrīs tehtī čūlvivakkeļi. petājā
jūrēkā emmeltī... eļgessa tōž tehtī Lii 'Juurtest tehti kū-
 limite. Pedaja juurega ōmmeldi... Ōlest ka tehti.'

Juhtus ka, et kūlvamiseks puudus seeme. Sellisel juhul
 sai peremees magasiadast laenu. villāmagazi, se eļi enne
aikā. sinne pantī sūčūzē villā... čevvāssā, čēļ eb eļlut
sēmentā, magazista annettī. sis se čūlvāB i sūčūzē mahsi sen
tagaZ Lii 'Viljamagasi, see oli vanal ajal. Sinna pandi si-
 gisel vili... Kevadel, kellel ei olnud seemet, magasinist an-
 ti. Siis see kūlvab ja sūgisel maksis selle tagasi.'

Saaki püüti suurendada jumalasõna abil. meill_eli pappi čulaz. tälle vetti keikkilaisa villä. sis_pappi keik ne siunaz. sis piho pantī sinne sekkä, ku peremēz meni sinne pellolē čulvämä, sis teči rissih ette: siunā minū villä ja minū peltoa, keikki ezassi ja keikki onnessi Lii 'Meil oli papp külas. Talle veeti igasugust vilja. Siis papp kõik need õnnistas. Siis pandi peo sinna sekka. Kui peremees läks sinna põllule külvama, siis tegi risti ette: "Õnnista minu vilja ja põldu, kõik osaks ja kõik õnneks."

4. V i l j a l ä i k u s

Ainsaks viljaläikuvahendiks oli vadjalastel veel Teise maailmasõja ajal sirp. sirpikā nitetti villä Lii 'Sirbiga lõigati vilja.' Lõigatud viili seoti vihkudesse. sittuaz vihgod_vizi piihpä. ezrā_vihgot_siomma tšūmmenikkolailē M Vihud seotakse viiest peost. Odravihud seome kümnikutesse /kūme peotāit kokku/.' Suvivilja vihud kuivasid viisikutes. teukovillā Lii, teukoleipä M, teuko Pum 'suvivilil'. teukovillā pietti vizikkoil. kaks vihkua pantī vassatussā, teizet kaks pantī ettsei vassā i viddez vihko pāvihgoš Kal (VE VII 92(21))

'Suvivilja hoiti viisikutes kuhjades. Kaks vihku pandi vastakuti, teised kaks pandi otsade vastu ja viies vihk peavihuks.' Kui vihud olid mõned päevad viisikutes kuivanud, siis nad lahutati ja moodustati suuremad kuhjad. kuilas = kuhilas, vihgot_pantī kuhilāsē Lii 'Kuhi... vihud pandi kuhja /hakkil/.' einākuhilā ei ellud, villā kuhilād elivad Luu 'Heinahakke ei olnud, viljahakid olid.' Viljakuhjadel olid erinevad nimetused: naburikko 'naber', reukko 'rõuk', kāpen 'väike odra-või kaerakuhi'. Kõik need olid koonusekujulised. naburikko on üm- märkein, kuhjā mōdā Lii 'Naber on ümārgune, kuhja moodi.' vihgot_pantī reukko Lii 'Vihud pandi rõuku.' Suviviljast moodustati veel pikki rivisid, asetades vihud paarikaupa üksteise vastu. Vahel pandi latvadele toeks ridvad. Selliseid kuhje kutsuti venepäraselt skirda. kagrad_ezrat kirdalla Luu 'Kaerad ja odrad on kuhjas /rõugus/.' Tundmatud polnud ka kār-

bised - retelpuut, retelit, arkki, kozlat, aart või aita (Ränk 1960 : 94 - 95).

Viljalõikusega seotud kombestikku on keelejuhtide mälus säilinud vähe. kuz nitti, sinne vizgattī leivāpala Lii 'Kus lõikas, sinna visati leivapala.' kui mentī nittāmā, sis taz algettī lukkā; siunā jumala nūt meit ja meije viljā, meille rohkūpi tulleis Lii 'Kui mindi lõikama, siis hakati jälle lugema: "Õnnista, Jumal, nüüd meid ja meie vilja, (et) meile rohkem tuleks.' meill_eli sitāvīsi, ku mentī rūis nittāmā, se eli esimein nittamine, siz leikattī leivālt kazvo kannikkē, vetettī kās ja sargā eccaz i issūstī mālē, sis tehtī rissīā ette ja pantī kannikkē rüccēsē ja siz algettī nittā, vihkoi tekkā. se leipā vetettī poiz ja sargā sūtī Lii 'Meil oli sedaviisi, et kui mindi rukist lõikama, see oli esimene lõikus, siis lõigati leivalt kasvukannikas, võeti kaasa ja sarga otsal istuti maha, siis tehti risti ette ja pandi kannikas rukisse ja siis hakati lõikama, vihku tegema. See leib võeti välja ja põllul söödi.' kui lepetettī nittāmin, meil_emā senē keik nitti, sinne eli jo pannu leivā_palā vizgannu sūmmē, sis kui senē keik lepetettī, sis senē leivā_palā vetti, siz i issūstī ja murttī leivā_palā Lii 'Kui lõpetati lõikamine, meil ema selle kõik lõikas, sinna oli ju pannud leivapala visanud sisse, siis kui selle kõik lõpetas, siis selle leivapala võttis, siis istuti maha ja murti leivapala.'

5. V i l j a p e k s

Vilja peksti rehes. kahel-keļmel taloī eli ūhtē rīgā. rīgaza on alaparred ja ūlāparred Lii 'Kahel-kolmel talul oli kokku rehi. Rehetoas on alumised parred ja ūlemised parred.' rīgā veitettī, ahetttī rīgā, primuzloī tapettī Luu 'Rehte veeti, kuivatati rehes, kootidega peksti.'

Esimeseks tööks oli vihkude rabamine vastu rabamisruumi seina, vastu tünni või spetsiaalset peksupinki (jārcū, staqka, karā). Pekstud vihud moodustasid ūhe koominamā (Ränk 1960 : 98-99). rīgā on, kuhē ahetā vihgot, kōminas_tapetā primuzloikā Lii 'Rehi on, kuhu ahetakse vihud, rehealuses

pekstakse kootidega.' siz lagottās vihgot kuominā mālēg rait-
tīsēg Pum (Ariste K) 'Siis laotatakse vihud rehealusesse la-
demesse.' teizeļ päivāļ tapetā primuzloikā. primuzloīļ ta-
pettī Lii 'Teisel päeval pekstakse kootidega. Kootidega peks-
ti.' epzeļ tapettī meil kagraD i ezraD Lii 'Hobusega peksti
meil kaerad ja odrad.' Lühikest aega enne peksumasina kasu-
tusele võtmist kasutati reherulli - pelgetuzrulla. Sellega
peksti vaid kaeru (Ränk 1960 : 100). tapetā, perrā puhasse-
mizē jĀB akana Luu 'Pekstakse, peale puhastamise jĀB agan.'
Pärast pannakse vili, milles on veel aganaid ja tolmu, hun-
nikusse, mida Jõgõperäs ja selle ümbruses kutsuti pahmaZ või
vizgehahmaZ. Kokku kogutud vilja hakati tuulama (Ränk 1960:
101). Rukist tuulati spetsiaalse labida abil. puin libic mo-
kom, rūiz vizgattī libicalla Lii 'Puulabidas oli selline, ru-
kis visati labidaga.' libicākā vizgattī tūlgī vassā Luu 'La-
bidaga visati vastu tuult.' Tuulamisel oli abiks ka kobri, pi-
ka varrega puulabidas. villā kobrikā on üvā vizgata Luu 'Vil-
ja on k-ga hea visata.' Eestis täitis sama ülesannet väike
puukühvel - viskel. Agana- ja kõlkasegust vilja kühveldati
mitu korda läbi hõreda ja seejärel läbi tiheda sarja. grōrat-
ti, grōxotti või sigla 'sari' (Ränk 1960 :103).

Puhast vilja hoiti aidas. rattiz oiettī villā Lii 'Ai-
das hoiti vilja.' akanikos piettī akanā Lii 'Aganikus peeti
aganaid.'

6. S õ n a v a r a p ä r i t o l u s t

Käsitletud leksikast kuulub suurem osa põllundusliku sõ-
navara raudvarra, väiksem osa ilmneb antud tähenduses vaid
kontekstis (stanka, karu, jĀrōū 'peksupink', retelid 'kärbi-
sed', ķerrata 'korrata, korduskündi teha', sigla 'sõel, sa-
ri'),

Vaieldav on küsimus, millal läänemeresoomlased hakkasid
tegelema põllundusega. Y. H. Toivonen (1929 : 238) väidab,
et sellega tegeldi juba soome-ugri ühisperioodil. P. Ariste
(1955 : 199) usub, et põhielatusalaks sai põllundus I aas-
tatuhandel e. m. a., s. o. läänemeresoome-volga ühisperioo-
dil. Igatahes on vajja keeles soome-ugri ühiskeelest pärine-

vaid põllunduslikke sõnu vähe. Maastikulistest sõnadest mä (SKES : 351) 'maa', nurmi (SKES : 403), 'põld', sarka (SKES : 976) 'sarg', čütuz (SKES : 976) 'kütis' (tuletusliite -üz abil vanast soome-ugri tüvest), tööriistade nimetustest kök-ka (SKES : 239) 'kõblas', teravilja puudutavatest sõnadest elči (Toivonen 1928 : 237) 'õlg', teuko (SKES : 1365) 'su-vilvili' (antud tähendusvarjund on hilistekkeline), tappä (SKES : 1230) 'peksta vilja' (onomatopoeetilise algupäraga), ahtä (SKES : 7) 'ahta, kuivama panna'. Antud sõnad on kas üldisema tähendusega või hiljem konkreetse põllundusliku tähenduse omandanud. Enamikus läänemeresoome keeltes ja mõnir-
gates sugulaskeeltes esinevad genuinsetest sõnadest čüntä (SKES : 255) 'künda', čülvä (SKES : 254) 'külvata', piho (SKES : 585) 'peo', kobri (SKES : 226) 'tuulamislabidas', li-bic (SKES : 852) 'tuulamislabidas', parsi (SKES : 456), pel-getuz (SKES : 595) 'pahmas', pahmaz (SKES : 456) 'pahmas', naburikko 'naber', ratiž (SKES : 743) 'ait', nittä (SKES : 379) 'vilja lõigata'. Sel perioodil ilmus keelde juba hulk põllunduslikke põhimõisteid, ehkki ka siin võib esineda lae-
ne. Näiteks nittä sõna on peetud ka germaani laenuks (SKES : 379).

Kokkupuutes baltlastega hakkas põllundus arenema. Kasutusele võeti uusi kultuure, põllutööriistu, keelde tulid laenud äez (Ariste 1955 : 200) 'äke', rulla (SKES : 859) 'põllurull, libistaja', kerrata (SKES : 185) 'korrata, kor-
dusküнди teha', vako (Kalima 1936 : 185) 'vagu', arto (SKES : 3) 'viljakuivatuse sard'. Germaanlastelt on saadud laenud adra (SKES : 29) 'ader', sigla (Joki 1973 : 156) 'sari', pel-to (SKES : 516) 'põld', leutto (Ariste 1940 : 23) 'väike põllutükk', ? raitti (SKES : 721) 'viljalade', vihko (FUF XIII : 471) 'vihk', akana (SKES : 13) 'agan', ? kuhilas, kulas (SKES : 231) 'hakk'. Vaieldav on teraviljade nimetus-
te päritolu. Enamasti on ebaselge nende kuulumine kas balti või germaani laenude hulka. Nisu (vehnä, nisu) on vana kül-
tuurvili ja võis soomeugrilaste seas olla tuntud juba ühis-
keele ajal (Ariste 1955 : 196). Y. H. Toivonen (1928 : 239) peab nimetust nisu laenuks, ehkki ei oska anda etümoloogiat. Sarnane sõnakuju esineb ka kaugmates sugulaskeeltes. Sama ebaselge on nimetuse vehnä päritolu. Sõna ezra on peetud in-
doeuroopa või balti laenuks (SKES : 420, Joki 1973 : 299).

Samuti on selgusetu sõna rüüz päritolu. A. Ahlqvist peab seda juba uurialaegseks laenuks, J. Kalima (1936) sõna balti laenuna ei esita, küll on aga vastav seisukoht ära toodud mujal (SKES : 856). G. Collinder (1932 : 20) väidab sõnal olevat germaani algupära. Nimetust kagra 'kaer' peetakse üksmeelselt germaani laenuks (Ahlqvist 1875 : 37, SKES : 186).

Slaavi laenude rühm on uuem. Tööriistadest kuuluvad sinna kasuri (Kalima 1952 : 96) 'võsakirves', reza~ressa 'viljader', grõxotti 'sari', primuzla (SKES : 816) 'koot', plüga 'ader', kütist tähistav sõna karčaka, teravilja nimetus grätina 'tatar', viljakuivatussõnadest skirda (SKES : 129) 'piklik viljarõuk', kozlad 'kärbised', rätü (SKES : 58) 'viljalade', kõmina (Kalima 1952 : 53) 'rehi, rehealune', rīga (Kalima 1952 : 51) 'rehi'. Vadjalased tunnevad ka vana läänemeresoomelist nimetust rihi. Fjodor Tumanski kirjutab XVIII sajandil oma Peterburi kubermangu kirjelduses vadjalaste kohta: "Neil polnud oma keeles ilmekat nimetust, et öelda "elumaja", vaid elumaja ja paika, kuhu veetakse vili, nimetatakse ühteviisi rihi (Üpik 1970 : 86).

Vene keelega esineb vadja keelel ka vastupidine side. Vene dialektidesse on läinud vadja sõna parsi, vrd. v парсель (Kalima 1919 : 181).

Enamik vene laene on ühised teiste läänemeresoome keeltega, osa on aga hilisemad ja omased ainult vadjalastele (plüga, grõxotti, kozlad). Vahel esineb vene laen paralleelselt vanemate laenude või genuinsete sõnadega (plüga - ad-ra, skirda - kuhja, karčaka - čütüz).

Osa eelpool toodud sõnavarast on tänapäeval käibelt kadunud ja unustatud, sest nähtused, mida nad tähistavad, on ajalukku vajunud (näiteks kütise- ja alemaa tegemist puudutav leksika), osa on aga samal põhjusel kadumas (viljapeksu-alane). Ainult ligi pool kuulub veel põllunduslikku käibesõnavarasse.

L ü h e n d i d

Ariste K = P. Ariste sõnavarakogu ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudis, FUF XIII = Setälä, Itš = Itšpäivä, Kal = Kallivere, Lii = Liivtsülä, Luu = Luuditsa, M = Mati, Pum = Pummala, SKES = Suomen kielen etymologinen sanakirja, v = vene, VE = P. Ariste erakogu.

Kirjandus

- A h l q v i s t , A. 1875, Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen, Helsingfors.
- A r i s t e , P. 1940, Etümoloogilisi märkmeid. I - Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis B 49 : 1. 1942 /1942/, Tartu.
- A r i s t e , P. 1955, Vanimast läänemereelaste põllundusest keeleliste andmete põhjal. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 38, Tallinn.
- A r i s t e , P. 1969, Vadja rahvakalender, Tallinn.
- C o l l i n d e r , B. 1932, Die urgermanischen Lehnwörter im Finnischen, Uppsala-Leipzig.
- J o k i , A. 1973, Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. MSFOu 151, Helsinki.
- K a l i m a , J. 1919, Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. MSFOu XLIV, Helsinki.
- K a l i m a , J. 1936, Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. SKST 202, Helsinki.
- K a l i m a , J. 1952, Slaavilaisperäinen sanastomme. SKST 243, Helsinki.
- M ä g i s t e , J. 1956, Woten erzählen. Wotische Sprachproben. MSFOu 118, Helsinki.
- R ä n k , G. 1960, Vatjalaiset. SKST 267, Helsinki.
- S e t ä l ä , E. N. 1913, Ältere Bestandteile in den ostseefinnischen sprachen, Helsinki.
- S u o m e n k i e l e n e t y m o l o g i n e n s a n a k i r j a I - VI, Lexica Societatis Fenno-ugricae XII, 1 - XII, 6. Helsinki, 1955, 1958, 1962, 1969, 1975, 1978.
- T o i v o n e n , Y. H. 1928, Über alter und entwicklung des ackerbaus bei den finnisch-ugrischen völkern. - MSFOu LVIII, Helsinki.
- Ö p i k , E. 1970. Vadjalastest ja isuritest XVIII sajandi lõpul, Tallinn.

Х. Хейнсоо
(Тарту)

ПОЛЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ОБЫЧАИ В ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме

В водском полеводческом быту имели распространения из зерновых культур рожь, овес, ячмень, пшеница и греча. Из описываемых слов имеют большинство прямое полеводческое применение, а некоторые употребляются и в других значениях.

Половина данной лексики в активном применении и в наше время, а часть из них означает историю полеводства.

Рядом с коренными словами имеются в полеводческой терминологии и много названия балтийского, германского и славянского происхождения. Происхождение названия основных зерновых культур не ясно.

А. Куклин
(Тарту)

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
МАРИЙСКИХ ГОВОРОВ ПРИУРАЛЬЯ

По научно-исследовательским планам кафедры финно-угорских языков Тартуского государственного университета и сектора языка Марийского научно-исследовательского института в 1980 году продолжалась работа по изучению марийских диалектов, распространенных на территории Свердловской области /Куклин 1979 : 148-166/. В экспедиции участвовали трое: руководитель экспедиции - аспирант Тартуского университета А. Куклин, лаборанты - студенты марийского отделения историко-филологического факультета Марийского государственного университета А. Иванаев, О. Сергеев. Местами полевых работ экспедиционного отряда были избраны Артинский и Ачитский районы, в пределах которого распространены красноуфимский, кунгурский говоры марийского языка.

Задача экспедиции 1980 года - собрать материалы по красноуфимскому и кунгурскому говорам, наметить черты сходства и различия между этими говорами, уточнить границы распространения красноуфимского говора. Опорными пунктами изучения указанных говоров были выбраны деревни Малые Карзи Артинского района, деревни Верхний Цотам и Марийские Карши Ачитского района.

Малые Карзи находится в крайней южной части Артинского района, расположенного в пределах Предуралья. В диалектологическом отношении этот район относится к числу наименее изученных. Это обстоятельство и центральное положение деревни Малые Карзи по отношению к другим марийским селениям района послужили причиной того, что именно эта деревня была избрана в качестве опорного пункта исследования. Опираясь на рассказы информантов, можно установить приблизительную дату основания деревни (середина XVIII века). Первым поселенцем был некий Иванай, поэтому неофициальным названием деревни является iʒʒana.l или iʒʒana.jkoso. В настоящее время в этом населенном пункте марийцы живут совместно с русскими. Малые Карзи является центральной усадьбой совхоза и центром

сельского совета. Кроме того, здесь имеется средняя школа, где учатся дети не только этого населенного пункта, но и близлежащих деревень (дд. Байбулда, Ильчигулово). Обучение в средней школе до 1960 года велось на марийском и русском языках. Родной (марийский) язык изучался как учебный предмет. В настоящее время обучение ведется только на русском языке.

Сами марийцы этой деревни себя считают кунгурскими. Вместе с этим следует отметить, что в силу территориальных условий и тесного языкового контакта с красноуфимскими марийцами их язык в области фонетики приобрел черты красноуфимского говора, сохранив в то же время ряд лексических единиц, характерных для кунгурской диалектной разновидности, что может служить критерием для отнесения его к говору переходного типа. Для иллюстрации языковых особенностей, присутствующих для обоих говоров, служат примеры: paíi.n, palá.n, кунг. palunšu.ðo < рус. по́лынь, ср. КУ, марш arámju.ðo 'по́лынь' < булг. (др. -чув.) яз.: *arǎmǎ 'синеватая по́лынь' /Гордеев 1979 : 155/; kürcü.k, кунг. kü.pöšk 'подушка' < тат. күпчек 'маленькая подушечка'; ср. КУ kürcü.k, mände.r < тат. мендәр 'подушка'; kö.zíšk, кунг. çurio.ñžamo, kö.zíšk, марш çurio.ñçamo 'зеркало', ср. КУ küzyö. < тат. көзге 'зеркало', КУ kö.zíšk < тат. күзлек 'очки'; tuye.s 'так же', ср. КУ tuye.yo.i 'так', кунг. туyo.k 'так же'. Что касается частицы tuye.s с вариантами tuye.yo.i (koj), туyo.k, то речи она придает утвердительно-усилительный оттенок.

Спорадически попадают также в речь жителей д. М. Карзи параллельные формы, причем первые из них сохраняют местную форму, вторые переформируются по красноуфимской норме. Так, на месте ожидаемого фрикативного ž иногда выступает палатализованный согласный ẓ̌, что, очевидно, связано с воздействием территориально соприкасающегося красноуфимского говора; например: кууза.i // кууẓ̌ä.i 'дядя'; iza.i // iẓ̌ä.i 'старший брат, младший дядя по отцу (моложе отца)'; гоyaža. // гоyẓ̌ä. < рус. рогожа.

В некоторых словах после щелевого ä выступает гласный a или переднерядный ǟ: opäa. // opää. 'дверь', puräa. // purää. 'гроздь', okäa. // okää. 'деньги, денежный'. В этих словах ǟ мог развиться из первоначального a под воздействием переднеязычного и мягкого согласного ä. Если переход a > ǟ можно объяснить непосредственной причиной внутреннего развития, то

одновременное изменение $\underline{z} > \underline{z}'$, $\underline{a} > \underline{a}'$ оказывается независимым от каких бы то ни было прямых импульсов внутреннего характера и должно объясняться как результат внешнего воздействия, т.е. как сильное влияние красноуфимского говора, слова которого сохранили свой фонетический облик.

В переходном говоре, как и в красноуфимском, редицированный \underline{a} проявляется в основном под действием гармонии гласных в непервых слогах после $\underline{ü}$, $\underline{ä}$, \underline{i} , \underline{o} , функционируя как факультативный вариант фонемы $\underline{ä}$, например: $\underline{ü}\cdot\underline{d}\underline{a}\underline{g}\underline{ä}\underline{m}$ 'девушку', $\underline{ü}\underline{b}\underline{ä}\underline{g}\underline{ä}\underline{m}\underline{ä}$ 'женщина', $\underline{k}\underline{i}\underline{k}\underline{ä}\underline{m}\underline{e}$ 'запряженный, упряжной (о лошади)', $\underline{ä}\underline{a}\underline{n}\underline{ä}\underline{k}$ 'вилы', $\underline{ü}\cdot\underline{l}\underline{ä}\underline{ä}$ 'низкий'. Наряду с этим наблюдаются случаи сохранения гласного $\underline{ü}$ перед сонантами \underline{r} , \underline{l} , например: $\underline{ü}\underline{b}\underline{ü}\cdot\underline{r}\underline{z}\underline{o}$ 'его (её) дочь'. ср. $\underline{ü}\cdot\underline{d}\underline{a}\underline{g}\underline{ä}\underline{m}$ 'девушку'; $\underline{ü}\underline{l}\underline{ü}\cdot\underline{l}\underline{z}\underline{o}$ 'тот, который снизу', ср.: $\underline{ü}\cdot\underline{l}\underline{ä}\underline{ä}$ 'низкий'. Огласовка конечного открытого слога в первых словах обусловливается палатально-лабиальной гармонией гласных. Последний слог в них образован при помощи открытого гласного \underline{o} (- $\underline{z}\underline{o}$ - суф. притяжательности), который в ауслaute слов, имеющих общефинно-угорское происхождение, является безударным: $\underline{t}\underline{ü}\cdot\underline{r}\underline{p}\underline{o}$ 'губа, губы', $\underline{l}\underline{o}\cdot\underline{l}\underline{p}\underline{o}$ 'ольха'. Переднерядный $\underline{ü}$, находящийся в ударном положении, сохраняет свое былое качество. Подобные случаи можно охарактеризовать как явление полногласия. Противоречат этой закономерности примеры, в которых ударение перекочевывает на ауслautный гласный \underline{o} : $\underline{k}\underline{ü}\underline{t}\underline{o}$. 'стадо' < тат. $\underline{k}\underline{e}\underline{t}\underline{ü}$ 'стадо'; $\underline{n}\underline{o}\underline{r}\underline{t}\underline{m}\underline{o}$. 'икра (рыбья)', $\underline{k}\underline{o}\underline{r}\underline{y}\underline{o}$. 'нутро, внутренность', $\underline{s}\underline{ü}\underline{r}\underline{t}\underline{o}$. 'нить, нитка, нитки'.

Такие случаи наблюдаются в изолированно взятых словах, которые произносятся с интонацией перечисления. Одним из факторов перемещения ударения к концу слова явилось интенсивное воздействие тюркских языков. Как известно, в башкирском и татарском языках ударение всегда падает на последний слог слова /Шербак 1970 : II4-II5/. Не исключена возможность, что на процесс перемещения ударения на последний слог оказал влияние красноуфимский говор. Сравните примеры: КУ $\underline{k}\underline{ü}\underline{t}\underline{ü}$. 'стадо', $\underline{n}\underline{o}\underline{r}\underline{t}\underline{m}\underline{o}$. 'икра', $\underline{k}\underline{o}\underline{r}\underline{y}\underline{o}$. 'нутро, внутренность', $\underline{s}\underline{ü}\underline{r}\underline{t}\underline{o}$. 'нить, нитка, нитки' /МДЭ 1977, № 177; 1978, № 171/. В кунгурском говоре, по наблюдениям Е.И. Коведяевой, есть тенденция ставить ударение на одном из первых слогов, что сохраняется и в том случае, если даже в последнем слоге изолированно взятых слов выступают "сильные" гласные \underline{e} (в закрытом слоге), \underline{a} /Коведяева 1970 : 84/.

В отличие от кунгурского говора в переходном говоре нами не обнаружены следы какуминального согласного ç.

Выбор деревень Верхний Потам и Марийские Карши в качестве опорного пункта исследования диктовался тем, что в рукописном фонде МарНИИ имеются материалы, собранные в этих населенных пунктах. Следует при этом отметить, что зафиксированные участниками предыдущих экспедиций языковые факты нуждаются в проверке. Среди недостатков записей нужно указать также на неточное определение значений слов, во многих случаях толкования слов неопределенны, расплывчаты. Поэтому мы сочли необходимым проверить в первую очередь эти материалы и продолжить наблюдения над кунгурским говором, чтобы уточнить степень расхождения его от красноуфимского говора.

Экспедиция, изучая ареалы распространения кунгурского и красноуфимского говоров, выявила в Артинском районе следующие селения с коренным марийским населением.

I. д. Андрейково (andra.1), 2. д. Афонасково (oranas.1), 3. д. Багышково (bağışa.1), 4. д. Байбулда (baıbo.1bo), 5. с. Большие Карзи (kuıu. karza.), 6. д. Верхний Бардым (küşü.1 parđs.m), 7. с. Курки (kürke.đe), 8. д. Малые Карзи (işana.1), 9. с. Малая Тавра (äkä. tağra.), 10. д. Нижний Бардым (ülü.1 parđs.m), 11. д. Пантелейково (marı. artı.). Ачитский район, включающий марийские населенные пункты: I. д. Алап (ala.p), 2. д. Артемейкова (utja.1), 3. д. Верхний Потам (pata.m miša.ş), 4. д. Ильята (arı.), 5. д. Марийские Карши (marı. karşı.), 6. д. Нижний Потам (ülü.1 pata.m), 7. д. Осыль (o.şşp), 8. д. Поедуги. В деревне Поедуги проживает совместно с русскими незначительное количество марийцев. Марийцы недавно переселились сюда из деревни işşanyala. Башкирской АССР.

Следует обратить внимание, что экспедиция 1960 года, стремившая охватить большее число неселенных пунктов Свердловской области, в Ачитском районе выявила только 4 деревни с коренным марийским населением (Верхний Потам, Нижний Потам, Артемейково и Марийские Карши).

На территории Ачитского района в основном распространен кунгурский говор. На основе предварительного изучения собранного материала можно отметить следующие фонетические особенности кунгурского говора, отличающие его от красноуфимского.

В о к а л и з м

Система гласных кунгурского говора, как и марийского литературного языка, представлена 8 гласными фонемами: а, о, и, э, і, е, ө, ü. Вокализм красноуфимского говора включает в себя дополнительный гласный переднего ряда, нижнего подъема ä /Куклин 1979 : 159-163/. В кунгурском говоре, по-видимому, гласный ä с самого начала отсутствовал. Этот говор не мог получить благоприятные условия для вторичного развития переднерядного ä и в процессе языковых контактов, так как ближайшими соседями кунгурских мари (Ачитский район Свердловской области и Суксунский район Пермской области) оказалось в основном русское население /Коведяева 1970 : 86/. В русском языке имеется лишь оттенок фонемы а, приближающийся к марийскому ä, в позиции между мягкими согласными: мять, пять, дядя, тятя [м'ят' п'ят', д'ад'әе, т'ят'әе] /Грузов 1960 : 49, Матусевич 1976 : 74/. Анализ одних и тех же слов показывает, что переднерядному ä КУ говора во всех случаях соответствует гласный а кунгурского говора: в аялауте - ала·, ама·л, ага·м; КУ älä·, ämä·л, ägä·м; частица неопределенная; повод, причина; напрасно, зря, попусту, без пользы. В иялауте: ümbä·л, küβä·r, kal, uätara·ä; КУ ümbä·л, küβä·r, käl, üätara·ä; сливки, сметана; пол; сила, мощь; дополнять, дополнить что-л. чем-л., прибавлять, прибавить что-л. к чему-л. В ауслауте: ajä·, päjä·, üasa·, üargä·, opä·; КУ ajä·, päjä·, üasa·, üargä·, opä·; ребенок, дитя; хлеб (в детской речи); колобок; масленица; дверь.

Другой не менее важной отличительной чертой кунгурского говора от красноуфимского является отсутствие в нем переднерядного э. В красноуфимском, как и в других восточномарийских говорах, нелабиализованный гласный переднего ряда, среднего подъема э проявляется в основном под действием гармонии гласных и функционирует как факультативный вариант редуцированного гласного э̄ /Куклин, 1979 : 231/.

В некоторых словах в позиции первого слога на месте красноуфимского э̄ в кунгурском говоре употребляется гласный і : іе·, КУ š·іе было (Зл.ед.ч. прош.очев.вр. от глагола шлэв 'быть'); ti·үәде, КУ tš·үәде 'мелкий, мелочь'; kic·kəga·ä, КУ kšckšga·ä 'кричать, окрикивать, окликать кого-л.; раскричаться'.

В ряде случаев на месте гласного э марийского литературного языка и лугового наречия в красноуфимском, как и в кунгурском, прибельском, кильмезском и близком ему малмыжском говорах восточного наречия, выступает узкий палатальный і, возникший в результате делабиализации финно-угорского огубленного *ü. Гласный і, восходящий к ф. -у. *ü, в горном и северо-западном наречиях перешел в э, в луговом произошла нейтрализация его с э̂; ср. одни и те же слова: КУ, прибель, kiśka·ä /Исанбаев 1979 : 183/, кунг., кильм., малм. kiśka·ä, марГ, марСЗ kə·skää /Иванов, Тужаров 1971/, марГ käśka·ä 'запрягать, запрячь'; КУ, кунг., прибель. ci·ze, кильм., малм. ci·ze, марГ, марСЗ сэзе, марГ с̄ä·ze 'женская грудь; сосок; соски у животных'; КУ, прибель., кунг., кильм., малм. kiñerβu·j, марГ kəñerβu·rβä, марСЗ kəñe·rβu·j, марГ kəñerβu·j 'локоть'.

В отдельных словах красноуфимского, кунгурского, прибельского и некоторых говорах СЗ наречия сохраняется финно-угорский гласный і, который в диалектах лугового наречия и отчасти малмыжского говора развился в э̂. Например: КУ, кунг., прибель. pi·zle, яр. pi·zli, шар. pi·ziälmä, марГ päzä·lmä, марГ pä·zle, малм. päzle 'рябина' /Куклин 1979 : 226-232/. По мнению Н.И. Исанбаева, в приведенных словах прибельского говора следует видеть сужение э̂ в і /Исанбаев 1979 : 182-183/. Он пришел к такому выводу на основе сравнения с марийским литературным языком. Однако факты других восточных говоров и данные родственных языков показывают на сохранность древнемарийского і в этом говоре, а в моркинско-сернурском говоре, который лег в основу марийского литературного языка, его редукцию.

Интересной особенностью кунгурского говора, как и красноуфимского, является употребление огубленных гласных верхнего подъема ü, u в позиции второго слога на месте редуцированного э̂ марийского литературного языка. Такая картина наблюдается в ряде слов исконно марийской и заимствованной лексики: кунг., КУ üškü·ž, мар. лит. ү·шкыж 'бык'; кунг., КУ kürβü·k, мар. лит. кү·пчык 'подушка'; кунг., КУ kümi·ž, мар. лит. кү·мыж 'блюдо (деревянное, глиняное)'; кунг., КУ mušku·pβo, мар. лит. му·шкындо 'кулак'; кунг., КУ kurnu·ž, мар. лит. ку·рныж 'коршун'. В единичных случаях аналогичное явление встречается и в позиции первого слога; кунг., КУ mušku·lo, мар. лит. мы·скыле 'издевайся, насмехайся над кем-

чем-л.'. Е.И. Коведяева, исследовавшая проблему акцентуации марийского языка, охарактеризовала эту особенность как явление полногласия. По ее мнению, явление полногласия соблюдается "под влиянием ударного губного гласного у (u) в первом слоге, во втором слоге вместо краткого н, наблюдаемого в луговом наречии, образуется губной же гласный у и ударение переносится на него" /Коведяева 1970 : 85/.

К о н с о н а н т и з м

Консонантизм кунгурского говора характеризуется наличием 22 согласных фонем: β, γ, δ, ž, z, ž, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ, ɟ. Вместе с иноязычными лексическими элементами в рассматриваемый говор вошли также согласные β, f, h, ç, которые в области консонантизма занимают неодинаковое положение. В отличие от красноуфимского говора в кунгурском наличествует твердая аффриката ç, которая бытует также в калтасинском, елабужском, частично бирском диалектах восточного наречия и большепаратско-петъяльском подговоре лугового наречия /Грузов 1969 : 1964/. Например: ɟɟe·çe 'погода'; ke·çe 'день', солнце'; koçka·ǰ 'кушать, есть что-л., питаться чем-л.'; ku·ço 'лови, держи'; šica·ǰ 'конец'; šica·ǰ 'хлестать кого-л.'; no·çko 'мокрый, сырой, мокрота, сырость'; re·çe 'ограда, изгородь'; roça·ǰ 'отпереть, открыть что-л.'; roçka·ǰ 'трясти, вытрясти что-л.; стряхивать, отряхивать'; ri·ço 'олень'; riça·l 'ружье'; roç 'хвост'; ta·çe 'сегодня'; šia·ǰ 'надевать, надеть что-л.; одеваться, одеться'; šira 'лучина'. Однако в речи молодого поколения в указанных словах вместо твердой глухой аффрикаты ç употребляется близкая ей по артикуляции палатальный согласный ç. Причиной нейтрализации противопоставления аффрикат по твердости - мягкости является воздействие местных русских говоров, поддерживаемое влиянием русского литературного языка, т.к. преподавание в школах ведется на русском языке. В русском литературном языке имеется только аффриката [ч].

Жители деревень Верхний Потам, Марийские Карши в своей речи употребляют звонкие аффрикаты ç, ç. По данным материалов диалектологической экспедиции, такое произношение встречается лишь позиционно: после переднеязычного сонанта ɟ - ç, после среднеязычного ɟ - ç. Например, в словах ç: no·niçak,

мар. лит. но·нчык 'тесто'; онѣ·ѣ, мар. лит. онча·ш 'смотреть'; онѣрү 'клык', мар. лит. ончипү·й 'резни'; рү·нѣ
 мар. лит. пү·нчö 'сосна'; ѣнѣ·а, мар. лит. шанча·ш 'щепка'.
 $\frac{1}{2}$: ѣолүе·нѣ, мар. лит. волге·нче 'молния'; кенѣ·гра·к,
 КУ кенѣ·гра·к 'кенга или кенга, мн. кенги'; конѣ·ѣ, мар.
 лит. конча·ш 'являться, явиться (во сне)'; күнѣ·ѣ мар.
 лит. күнча·ш 'копать'; шо·нѣ·а, мар. лит. монча· 'баня';
о·нѣ·ѣ, мар. лит. о·нчыл 'передняя часть чего-л.'; о·нѣ·ѣлно
 мар. лит. о·нчылно 'впереди'; ѣнѣ·ѣ, мар. лит. шанча·ш
 'знать, знавать'; ѣнѣ·а, мар. лит. шанча· 'сидят', 'зна-
 ет'; тренѣ·а, мар. лит. тренча· 'дрань, дранка'; түнѣ·а,
 мар. лит. түнч·а 'мир, вселенная'; унѣ·ѣлно, мар. лит. унчылн
 'вниз головой'; ѣонѣ·л, мар. лит. шанча·л 'соль'; ѣонѣ·а
ла·ѣ, мар. лит. шанчала·ш 'ржать, заржать'; ѣи·нѣ, мар.
 лит. чи·нче 'блестки, блёстка'; сүнѣ·а, мар. лит. чнча·
 'прыщ'.

Звуки $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ в приведенных примерах нельзя считать отдельными фонемами, а следует рассматривать как варианты фонем $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, возникшие при частичной прогрессивной ассимиляции.

Хотелось бы особо остановиться на согласном в. Его произношение носителями говора не отличается от других диалектов, по артикуляции это билабиальный смичный звонкий звук. Употребление согласного в в ряде слов исконно марийской лексики дистрибутивно ограничено. Он встречается лишь после смичного носового сонанта ш в сочетании mb: олѣмба·л 'лавка для сидения'; омба·л 'скамья (вдоль стены)'; ко·мбо 'гусь', ло·мбо 'черемуха'; үмба·лне 'наверху, на поверхности'; ѣисамба·лне 'на сеновале' (ѣиса· 'хлев' < др. -чув. вите 'хлев' + үмба·лне 'на поверхности'). Появление звука в в приведенных примерах связано с явлением прогрессивной ассимиляции. Исключение составляет северо-западное наречие, где "невозможно употребление звонких согласных после носовых сонорных ш, н, н'" (Иванов, Тужаров 1970 : 72/. Сравните некоторые соответствующие слова СЗ наречия: кампы 'гусь'; лампы 'черемуха'; үмпәлнн 'наверху, на поверхности'. Данные других родственных языков показывают, что первоначально в рассматриваемом сочетании выступал билабиальный глухой смичный р, который под влиянием сонанта ш озвончился. Например: мар. ло·мбо, удм., коми лѣом·пу (пу 'дерево') < *беме 'черемуха' / Основы 1974 : 404/.

В марийском языке -р- > -в- под ассимилятивным влиянием

предшествующего -м-. Расширение *и > о произошло в ранний древнемарийский период, т.к. марийскому о в родственных языках соответствует и (или ü), например: морд. куз фин. kuusi, эст. kuusk, мар. коз 'ель'; морд. кулямс, фин. kuul-la, эст. kuulma, мар. kola-ä 'слышать'.

Мар. kombäla-ä 'клясть снопы в ряд (для сушки перед молотью)', марл. комплэм 'кладу боровком снопы' /Васильев 1926 : 73/, т.е. 'длинной копной'; äu-mba 'ботало', фин. sovpa 'кружок лыжной палки'; oiämba-l 'лавка для сидения', om-ba-l 'скамья (вдоль стены)', манс. päl 'скамейка'. Аналогичное явление наблюдается в словах iämba-ä 'огород' (i-ääm 'гумно', pe-äe 'изгородь'), urembe-äe 'палисадник' (ure-m 'улица', pe-äe 'изгородь'), где появление звонкого ь связано с влиянием сонанта м конца предшествующего слова.

В русских словах, пришедших в марийский язык, вместе с новыми понятиями, согласный ь языка-источника после м в сочетании мь, как правило, удерживается. Например: комба-йн < рус. комбайн; kombina-t < рус. комбинат; ta-mbe < рус. дамба. В то же время в диалектах марийского языка наблюдаются случаи произношения ь на месте русского р (п) в сочетании мр (мп): la-mbe < рус. дампа; kambre-ä < рус. компрес; koble-kt < рус. комплект; kambo-t < рус. компот. Приведенные слова подвергались фонетической ассимиляции по законам марийского языка. В старых русских лексических заимствованиях, вошедших устным путем анлаутный рус. ь (б) замещался билабиальным глухим смычным р: реске < рус. бочка; рау-г < рус. багор; pre-tnik < рус. брелень; romazi- < рус. бума-зая; po-tñäk < рус. ботик. Мена ь (б) на р представляет собой своеобразную черту древнемарийского языка, унаследованную от финно-угорского языка - основы, для которого звонкие смычные в начале слова не были характерными. Этой закономерности следуют также заимствования из татарского и башкирского языков. Например: марл rega-ä < чув. пер 'бить, ударить'; кунг. parkala-ä 'бить' < тат., башк. бэру 'ударить, бить, колотить', марл, В pi-re, марСЗ, Г pi-ra 'волк' < тат., башк. буре 'волк, волчий'; марл, В, Г pa-za-g < тат., башк. базар. Кроме рассмотренных случаев замещения, встречаются и другие виды соответствия, например: передача русского и татарского ь марийским β. Такое соответствие наблюдается как в анлауте, так и в инлауте.

В анлауте: βo-äko < рус. бочка; βoiñi-se, βoiñica- <

рус. больница; βint < рус. бинт; βerβa.nke < рус. берданка; кунг. βürye.ncβk 'свадебное покрывало невесты' < тат. βаркәнчек 'покрывало', 'фата'. Замещение иноязычного β марийским β, по мнению Л.П. Грузова, носит устойчивый характер, т.к. β и β в марийском языке представляют собой оттенки одной фонемы /Грузов 1969 : 179/.

В инялауте: кунг. βoɪβila.ǰ < рус. долбить; turβa. < рус. труба; ke.βət < тат. кәбәт 'лавка, ларек, магазин'; jaββya.ǰ < тат., башк. ябыгу 'худеть'. Такая реализация чаще наблюдается в интервокальном положении и после сонантов ɾ, ɭ, под воздействием которых происходит ослабление смычки и согласный β превращается в оттенок фонемы β, приобретая при этом ее щелевой характер.

Современные иноязычные заимствования, обозначающие новые реалии с соответствующими их номинациями, понятия терминологического характера, а также лексические проникновения, конкурирующие с исконно марийскими словами или лексемами, вошедшими в ранний период из тюркских языков, усваиваются по нормам произношения их в языке-источнике. Определенную роль при этом играют учебный процесс, радио- и телепередачи и т.д. Поэтому многие слова, пришедшие в марийский язык в последние годы, сохраняют согласный β языка-источника: кунг. βa.nye < рус. банка; кунг. βarβa. < рус. бордовый; кунг. βlesna. < рус. блесна; βloknɔ.t < рус. блокнот; βaya.ǰ < рус. багаж; βale.t < рус. бадет. Все это еще раз свидетельствует о том, что характер языковых процессов способствовал перестройке существующей фонологической системы марийского языка, так как импульс, вызвавший данное звуковое изменение, был обусловлен воздействиями внутренних факторов и подхвачен потоками заимствований и проникновений, которые расширили границу употребления согласного β превратив его в самостоятельную фонему.

Согласные f, h, c по частотности проявления дистрибутивно ограничены как в красноуфимском, так и кунгурском говорах. Диалектологические материалы показывают, что они в большинстве случаев употребляются в одних и тех же словах иноязычного происхождения: asfa.ɪt 'асфальт', fami.ɪe 'фамилия', futβo.l 'футбол'; βuha.lter 'бухгалтер', kolho.znik 'колхозник', hi.mi 'химия', hiru.rk 'хирург'; βakci.n 'вакцина', motoci.kəl 'мотоцикл', reβolu.co, reβolu.tso 'революция'.

Фонологическую самостоятельность получили в процессе звуковой эволюции относительно недавно.

Таковы основные фонетические отличия красноуфимского от переходного и кунгурского говоров.

С о к р а щ е н и я

башк. = башкирский язык, булг. = болгарский язык, доперм. = допермский язык, др.-чув. = древнечувашский язык, кильм. = кильмезский говор марийского языка, коми = коми язык ку = красноуфимский говор марийского языка, кунг. = кунгурский говор марийского языка, малм. = малмыжский говор марийского языка, марВ = восточное наречие марийского языка, марГ = горное наречие марийского языка, марЛ = луговое наречие марийского языка, мар. лит. = марийский литературный язык, марСЗ = северо-западное наречие марийского языка, морд. = мордовский язык, общеп. = общепермский язык, прибель. = прибельский говор марийского языка, рус. = русский язык, тат. = татарский язык, удм. = удмуртский язык. фин. = финский язык, ф.-у. = финно-угорские языки, чув. = чувашский язык, шар. = шарангский говор марийского языка, эст. = эстонский язык, яр. = яранский говор марийского языка.

Л и т е р а т у р а

- В а с и л ь е в В.М. 1926, Марий мутэр. Тўрлõ вэрэ ильшэ марийн мутшым таястарен нэргэлэмэ кнага, Москва.
- Г р у з о в Л.П. 1960, Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола.
1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола.
- Г о р д е е в Ф.И. 1979, Этимологический словарь марийского языка, ч. I, А-Б. Йошкар-Ола.
- И в а н о в И.Г., Т у ж а р о в Г.М. 1970, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола.
1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.
- И с а н б а е в Н.И. 1979. Некоторые фонетические особенности прибельского говора марийского языка (по итогам диалектологической экспедиции 1976 года). - Вопросы ма-

рийского языка. Вопросы истории и диалектологии, Йошкар-Ола.

К о в е д я е в а Е.И. 1970, Проблемы акцентуации марийского языка, Москва.

К у к л и н А.Н. 1979, Гласный *ä* в красноуфимском говоре марийского языка. - СФУ. № 3.

1979, Гласный *i* в красноуфимском говоре марийского языка. - СФУ. № 4.

1979, Из истории изучения красноуфимского говора марийского языка. - Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии, Йошкар-Ола.

М а т у с е в и ч М.И. 1976, Современный русский язык. Фонетика, Москва.

МДЭ 1977, № 177 - Ку克林 А.Н. Материалы диалектологической экспедиции в д. Сарсы, Большая Тавра Красноуфимского района Свердловской области. 1977.

МДЭ 1978, № 171 - Ку克林 А.Н. Материалы диалектологической экспедиции в д. Юва Красноуфимского района Свердловской области. 1978.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва, 1974.

Щ е р б а к А.М. 1970, Сравнительная фонетика тюркских языков, Ленинград.

A. K u k l i n
(Tartu)

PHONETIC PECULIARITIES OF SOME
MARI DIALECTS OF THE SUBURALS

S u m m a r y

There are several Mari dialects distinguished among the population of the suburals, the Krasnoufimsk and the Kungur being the ones with the largest number of speakers. Between the two dialects lies an intermediate one which comprises features of both. In the examples, ku^hužä.j // ku^huza.j 'uncle', royaižä // royaiza. Russ. ПОРОЖА 'matting', the first variant coincides with the Krasnoufimsk dialect form, the second one with the Kungur dialect form. As a result of territorial and linguistic contacts with speakers of the Krasnoufimsk dialect the consonants č and č̣ in the intermediate one have become neutralized: KU, Intern. pe.če, Kung. pe.če 'fence'. Consonants of the Kungur dialect differ from those of the KU by the presence of the cacuminal č̣; vowels by the absence of ä: Kung. ke.če, KU ke.če 'day, sun'; Kung. ama.l, KU ämä.l 'reason'; Kung. küsa.r, KU küsä.r 'floor'; Kung. opša., KU opšä. 'door'.

In the paper the author treats the Kung. ẓ̌, ẓ̣̌, as variants of the affricates č̣, č̣̣: Kung. nö.nžsk, Mar. nö.nčək (НО-НЧЫК) 'paste'; Kung. šinža., Mar. šinča. (шинча.) 'sits, knows'. The occurrence of the occlusive h is analysed in native and borrowed words. In the paper a summary is given of observations of the consonants f, h, ç.

В. Кузнецов
(Марту)

АНТРОПОИКОНИМЫ БАССЕЙНА РЕКИ ИЛЕТЬ
МАРИЙСКОЙ АССР

Отантропонимные географические названия (антропотопонимы) представляют собой весьма интересную, но, к сожалению, не изученную часть марийской топонимии. Факты современных топонимических исследований показывают, что способ географической номинации у разных народов разный. Что касается количества антропотопонимов, то они во многом зависят от того, носитель какого языка участвовал в процессе наименования того или иного географического объекта определенной территории. Так, например, населенные пункты Коми АССР с названиями, в основе которых лежит собственное имя, составляют среди других топонимов около 20% /Белицер 1973 : 304/. Нельзя не отметить также, что из всех 6300 названий населенных пунктов Горьковской области ойконимы с суффиксами -ов, -ин насчитываются до 2400 /Никонов 1971 : 169/. Известно, суффиксы -ов /-ово/, -ин /-ино/ выступают, в основном, в отантропонимных русских названиях местностей. Распространенность русских топонимов, связанных с антропонимами, подтверждает анализ названий населенных пунктов Бокситогорского района Ленинградской области (в число отантропонимных ойконимов мы включили только такие названия, в основе которых лежат этимологически прозрачные названия-антропонимы): из 282 ойконимов 134 является отантропонимными /АТД 1973/. В ойконимии Мордовской АССР названия антропонимы составляют около 52,4%: в "Топонимическом словаре Мордовской АССР" /Инжеватов 1979/ из 1415 названий 741 отмечен как антропоойконим.

В предлагаемой статье рассматриваются отантропонимные ойконимы бассейна р. Илеть, на территории которого расположены следующие административные районы Марийской АССР: Волжский, Звениговский (кроме одного сельсовета), Моркинский, и отчасти Куженерский, Маритурекский, Параньганский, Советский.

В исследуемом регионе, по данным Административно-территориального деления Марийской АССР 1969 года, 495 населенных пунктов с разными названиями. Из них 82 является отантропо-

нимыми, что составляет 16%. Анализу подвергались только марийские названия деревень. Параллельно употребляемые официальные наименования, в основе которых выступают личные имена (например, мар. Улылсола < Улыл 'нижний' + сола 'деревня' - оф. Чапейкино < Чапей/Чапай/ - личн. имя + ка + оно; мар. Кокласола < кокла 'средний' + сола - оф. Данилкино < Данила/Танила/ - личн. имя + ка + ино; мар. Шургьял < шурго уст. 'лиственный лес', 'лес' + ял 'деревня' - оф. Янситово < Янсит - личн. имя + ово) в работе не рассматривались (таких всего 12).

По морфологической структуре антропонимы исследуемого региона представляют собой три типа: 1. аффиксально не оформленный (абсолютный), 2. аффиксально оформленный (суффиксальный), 3. названия-композицы (формантный).

1. Ойконимы первого типа включают в себя только один антропоним. Следует отметить, что названия такого типа не имеют широкого распространения и составляют всего около 12,3%. Возможно, в таких топонимах раньше выступали отдельные местные географические термины, но позже вышли из употребления и исчезли: дд. Исмаил /Т., М.-Турек./, Карай /М., Волж./, Мамай /М., М.-Турек./, Муканай /М., Морк./, Паймыр /М., Морк./, Токози /М., Волж./, Упак /М., Морк./, Чопак /М., Морк./, Ямбатыр /М., Морк./, Янгуш /М., Морк./.

Названия населенных пунктов суффиксального типа включают в состав ойконимов кроме личных имен производящие суффиксы. Среди них встречается только один топоним, образованный при помощи марийского посессивного суффикса -н: д. Чижкан /М., Морк./ < Чижка / Тижка /+ н. В остальных ойконимах такого типа выступают топонимические суффиксы русского происхождения -ево, -ово, -ино, -ка, -ск/-ский/: дд. Альмаметьево /Т., Морк./, Борисово /М., Звен./, Зяблицово /Р., М.-Турек./, Митюково /М., Звен./, Бусыгино /Р., Паран./, Гайфуллин /Т., Паран./, Елагино /М., Волж./, Кирино /Р., М.-Турек./, Папанино /М., Морк./, Сер-

В скобках первой буквой обозначен национальный состав: М. = марийцы, М.-Р. = марийско-русский, М.Т. = марийско-татарский, Р. = русский, Р.-Т. = русско-татарский, Т. = татарский; далее идет сокращенное название районов, куда входят населенные пункты: Волж. = Волжский, Звен. = Звениговский, Куж. = Куженерский, Морк. = Моркинский, М.-Турек. = Маритурекский, Паран. = Параньгинский.

гушкино /М., Звен./, Токсаркино /М., Морк./, Халтурино /М., Куж./, Александровка /Р., Волж./, Алексеевка /Р., Морк./, Лебедевка /Р., Морк./, Орловка /Р., Паран./, Панайка /М., Морк./, Смирновка /Р., Паран./, Симоновск /, х. Алексеевский /М., Волж./, дл. Карапейкинский /Р., Звеч./, д. Михеевский /Р., Паран./, в. Николаевский /М., Звен./, поч. Павловский /М., Морк./, в. Тимофеевский /М., Звен./.

Всего суффиксальных антропонимов 26, что составляет около 32%.

Наиболее характерно для марийских топонимов формантное образование географических названий. В таких названиях-композициях в качестве топоформантов выступает местный географический термин. В рассматриваемом бассейне ойконимы такого типа 44 или 54,3%. Сюда относятся антропонимы со следующими формантами: -беляк: дл. Апшакбеляк /М., Звен./, Арзбеляк /М., Звен./, Кербеляк /М., Звен./, Эсмекплак = Эсмекбеляк /М., Звен./, Янашбеляк /М., Звен./; Порашплак = Порашбеляк, ср. оф. Парашбеляк /М., Волж./; -кутыр: д. Изоткин кутыр /М., Звен./; -нур: дл. Айбакнур /М., Морк./, Османур /М., Морк./, Сабанур /Р., Паран./, Чавайнур /М., Морк./;

-полко: д. Метриполко /М., Звен./;

-починга: дл. Сидыр починга /М., Паран./, Эльтемыр починга /М., Паран./;

-сола: дл. Алсола /М., Морк./, Аниссола /М., Звен./, Бакутсола /М., Волж./, Вилььпсола /М., Звен./, Елесола /М., Звен./, Йогорсола /М., Морк./, Ивансола /М., Волж./, Кытнисола /М., Волж./, Макарсола /М., Морк./, Миклансола /М., Морк./, Ондропсола /М., Паран./, Осыпсола /М., Морк./, Пашкансола /М., Морк./, Шолатсола /М., Волж./, Семисола /М., Морк./, Тойметсола /М., Морк./, Торгансола /М., Звен./, Тошметсола /М., Морк./, Учымсола /М., Волж./, Чапайсола /М., Волж./, Чингансола /М., Звен./, Филиппсола = мар. Пилипсола /Р., Звен./, Яксола /М., Морк./, Янгетсола /М., Паран./;

-шүргө: д. Акпаршүргө /М., Морк./;
-эбер: дд. Полатэбер /М., Волж./, Текте-
эбер /Р., Паран./, Элекэбер /М., Морк./;
-ял: дд. Степаньял /М., Звен./, Осиял /М.,
Паран./.

По времени возникновения все отантропонимные ойконимы бассейна р. Илеть можно разбить на 4 группы: древнейшие, древние, поздние, позднейшие. Хотя такая классификация является чисто условной, она поможет показать этапы отантропонимного топонимообразования. Каждый этап, как показывает анализ, соответствует определенному типу поселения или историческому условию жизни марийского народа.

К древнейшему пласту мы относим такие антропоойконимы, которые возникли в период разложения родового строя и появления классового общества. К сожалению, поселения этого периода специально археологами не изучались и нет никаких письменных источников о марийских поселениях того времени. До этого же, как говорят факты археологии, марийцы жили сообща в укрепленных городищах или вблизи временных городищ-убежищ /Архипов 1976 : 142-149/. К концу I и началу II тысячелетия н.э. возникают территориальные общины, где люди объединяются по принципу соседства, а не родства /Архипов 1976 : 154/. В это время, можно полагать, появились топонимы с формантом -беляк. Как правило, ойконимы с указанным топоформантом являются отантропонимными. В исследуемом бассейне их шесть (всего ойконимов с этим компонентом на территории Марийской республики 28). Вопрос о происхождении этого форманта затронут многими исследователями марийского языка /Шенгитов 1957 : 87; Галкин 1964 : 62-64, 1967 : 204, Гордеев 1967 : 183, 191, 1975 : 44-46, 1979 : 213; Исанбаев 1980 : 9/. Не затрагивая историографию данного вопроса мы остановимся на предположении Гордеева Ф.И., который топоформант -беляк рассматривает на одном уровне с морд. беляк - обозначение территориального участка, на площади которого расположен ряд деревень; удм. облак 'род, родовая группа, более обширная, чем семья', обляк 'сосед, в отдаленном прошлом родственники, члены одного рода' /Гордеев 1979 : 213/. В эти языки (в марийском языке параллельно рассматривается показатель множественного числа), по предположению Попова А.И., это слово вошло из монгольского языка, как военно-административный термин /Попов 1972 : 137-140/. Боль-

шинство исследователей марийского языка топонимический суффикс -беляк и показатель множественности по происхождению считают чувашскими (древнебулгарскими). В данной статье не ставилась цель показать историю развития топонимического суффикса -беляк; она требует специального исследования. Но следует заострить внимание на чувашском /уст./ палăк 'памятник', палă/паллă 'знак, примета, показатель, обозначение' /ср. мар. пале 'метка, знак'-позднее чувашск. заимств./ . В письменных текстах надмогильных плит зафиксирован вариант balük 'надмогильный знак, памятник'. Венгерским языком это слово заимствовано в виде bélyek 'мерка, знак, клеймо' /Хахимзянов 1978: 82-83/. Можно полагать, что первоначально в мар. языке оно употреблялось в значении 'родовая тамга, знак'. Позднее рассматриваемое слово, присоединившись к личному имени, начало вместе с ним употребляться в номинации отдельных поселений: дд. Апшакбеляк < Апшак /Гордеев 1979 : 142/¹ + беляк, Арзобеляк < Арза /Гордеев 1979 : 142/, Арз- ср. Арзабай, Арзекей, Арземес /Черных 1978 : 85/ + беляк, Керобеляк < Керей /Черных 1978 : 91/ + беляк, Порашпак < Пораш /Черных 1978 : 100/ + пак < беляк, Эсмекпак < Эсмек /Черных 1978 : 112/ + пак < беляк, Янашбеляк < Янаш /Черных 1978 : 112, СЛН : 268/ + беляк.

В дальнейшем общины, с появлением пашенного орудия труда, начинают распадаться на отдельные хозяйства и малые семьи. Вероятно, в этот период начали возникать семейно-родовые поселения - и л е м ы /идем 'селище, жилье, усадьба' < мар. илаш 'жить', ср. фин. elää, эст. elama, морд. эрамс, венг. élni 'жизнь' + эм /орф. ем/ - суффикс, образующий имя существительное от глагольных основ. Названия, образованные по конструкции собственные имена /СИ/ + идем, в марийской ойконимике не сохранились, они встречаются частично лишь в микро-топонимах: Эшпалемнур > Эшпай - личн. имя + идем + нур 'поле, поляна'; ср. эст. пуга 'поляна', фин. пуга 'лужайка'. Возможно, в свою очередь отдельные и л е м ы объединились в территориальные группы, которые Козлова К.И. трактует как 'земляческие объединения' /Козлова 1967 : 112, 1978 : 124/. Следы подобных объединений остались в таких топонимических названиях, как Кокшамары - марийцы по реке Кокшаге, Шудбемари - марийцы по реке

¹ В скобках указаны источники, где зафиксировано древнемарийское личное имя.

Шуды (мар. Шўдõ) и т.д.

К этой группе можно отнести также названия, в основе которых лежит только один антропоним (абсолютные антропооиконимы). Деревень с такими названиями на территории бассейна р. Илеть десять: в восьми из них живут марийцы, в одной — татары (д. Исмаил — название дано по имени первопоселенца татарина — возникла позже), а одна деревня представлена со смешанным марийско-татарским населением.

дд. Карай /Черных 1978 : 91, СЛИ : 266/, Мамай /Черных 1978 : 94/, Муканай, ср. Мукай /Черных 1978 : 96/, Токози /Черных 1978 : 106/, Паймыр /Черных 1978 : 99/, Упа к > О пак /Черных 1978 : 96/, Чо пак /Черных 1978 : 110/, Ямбатыр /Черных 1978 : 114/, Янгуш, ср. Янгыш /Черных 1978 : 115/. Можно предположить, приведенные ойконимы представляли в древности конструкцию СИ + илем, последний компонент в которой после укрупнения поселений утратил свое семантическое значение и исчез.

В одном названии деревни, относящееся к этой группе, выступает марийский possessивный суффикс -н: д. Чиска н < Чиска /Черных 1978 : 109/ + н.

В это же время появились ойконимы с формантами -нур, -энер, -шўргõ. Все указанные форманты употреблялись или употребляются в марийском языке как местные географические термины: нур 'поле, поляна', энер 'река', шўргõ 'лиственный лес, лес'. дд. Айбакнур < Айбак /Гордеев 1979 : 61, Черных 1978 : 83/ + нур, Осканур < Оска /Черных 1978 : 98/ + нур, Сабанур < Саба — русская адаптация мар. Сава /Черных 1978 : 102, СЛИ : 268/ + нур, Чавайнур Чавай /Черных 1978 : 109/ + нур, Полатэңгер < Полат /Черных 1978 : 101/ + энер, Тектеэңгер < Текте, ср. Тектывай, Тектыган /Черных 1978 : 105/ + энер, Элекэңгер < Элек /Черных 1978 : 112/ + энер, Акпарсшўргõ < Акпарс /Гордеев : 1979:67, Черных 1978 : 83/ + шўргõ.

В таких отантропонимных названиях местные географические термины не только указывают на имена владельцев поселения (илема), но и сами помогают описывать географическое местонахождение населенных пунктов. Название-описание или название-ориентировка особенно характерны поселениям, которые начали появляться в конце XVII-XVIII веков. В этот период от-

дельные илемы начали концентрироваться в одно место. Письменные памятники того времени говорят о небольших селениях марийцев с 10-20 дворами и нередко состоящих из 2-3 домов - следы семейно-родового поселения (разрядка наша - В.К.), которые обычно располагались по берегам рек или близ ручьев и ключей /Крюкова 1956 : 105-107, Архипов 1976 : 160/. Не случайно, во многих ойконимах бассейна р. Иеть содержатся конкретные или абстрактные названия реки, а также других водоемов, например: дд. Э н е р ъ м б а л < энер 'река' + ѣмбал 'верх, поверхность; верхний', Э н е р м у ч а ш < энер + мучаш 'исток' (досл. 'конец'), П а м а ш э н е р < памаш 'родник, ключ' + энер, П е з м у ч а ш < Пез - название реки + мучаш, Ш о р д ъ р < шор 'болото' + түр 'край' и т.д. Следует отметить, что эти укрупненные селения не имели еще определенной упорядоченности и постройки располагались бессистемно /Крюкова 1956 : 106-107, Селеев 1975 : 110-111, Симонов 1976 : 134-135/. Но они отличались от илемов по численности дворов и разнообразию родов. Очевидно, такие селения марийцы начали называть другим словом. Для этого они заимствовали из чувашского языка ял 'деревня'. На чувашское происхождение этого слова в марийском языке указал М. Ряснен /Ряснен 1920 : 129/. Оно употребляется в качестве номенклатурного термина в марийском литературном языке и часто встречается в топонимобразовании. На территории исследуемого бассейна географические названия деревень с формантом -ял зафиксированы 41 раз, например: дд. Н у р ь я л < нур 'поле, поляна' + ял, П о т ь я л < Пот - название реки + ял, Ч о д ы р а я л < чодыра 'лес' + ял и т.д., два из них являются отантропонимными: дд. С т е п а н ь я л < Степан - имя основателя + ял, О с и я л < Оси - имя основателя + ял. Это наводит на мысль, что аналогичные отантропонимные ойконимообразования для данного периода не были характерными.

В эту же группу следует включить несколько ойконимов, образованных посредством русских аффиксов. Названия населенных пунктов такого типа связаны с древней административно-территориальной единицей - волостью, которая в Марийском крае существовала издавна. Они представляли еще родоплеменную группировку и назывались, вероятно, по имени своего князька, родового старейшины или по географическому положению /Айплатов 1967 : 146/. И это, очевидно, нашло отражение в канцелярских

документах того времени. Так, например, к марийскому имени старейшины могли присоединяться русские посессивные суффиксы **-ов**, **-ин**, или субстантивирующий формант **-ка**. Со временем 'канцелярские' имена закрепились в названиях марийских населенных пунктов: дд. Елагино < Елай /Черных 1978 : 88/ + ка + ино, Токсаркино < Токсар, ср. Токсир /Черных 1978 : 106/ + ка + ино, Панайка < Панай /Черных 1978 : 99/ + ка, Борисово < Борис = Порис /Черных 1978 : 102, СЛИ : 267/ + ово, Митюково < Мичу /Черных 1978 : 96, СЛИ : 267/ + ово. Не исключено, что из указанных названий последние два появились позже.

Поздний этап отантропонимного образования ойконимов охватывает конец XVIII и первую половину XIX вв. В этот период начинает изменяться планировка марийских деревень, появляются селения с упорядоченной застройкой, выравниваются улицы /Симонов 1976 : 134-144/. Этому способствовали и правительственные директивы. Так, например, в тридцатых годах XIX века администрация издала циркуляр (в целях борьбы с деревенскими пожарами, причинами которых являлась скученность) о застройки деревень с прямыми улицами /Крюкова 1956 : 108/. Упорядоченные селения марийцы стали называть русским по происхождению словом сола, которое активно включилось с конца XVIII - начала XIX вв. в новое топонимобразование. В настоящее время из всех ойконимов Марийской АССР названия населенных пунктов с указанным топоформантом составляют 20% /Кузнецов 1978 : 29/.

Поздний этап характеризуется обилием отантропонимных названий: из 38 ойконимов с формантом -сола бассейна р. Иеть в 26 (примерно 70%) фигурируется имя основателя деревни с упорядоченной застройкой. дд. Алсола (оф. Алдышка) < Алдушка - собст. имя, заимствованное из русск. /Гордеев 1979 : 86, Черных 1978 : 84/ + сола, Аниссола < Анис /Гордеев 1979 : 115, Черных : 85/ + сола, Бакутсола < Бакут /Гордеев 1979 : 190/ + сола, Вильпосола < Вильп /Черных 1978 : 87, СЛИ : 265/ + сола Елессола < Елей /Черных 1978 : 88/ + сола, Иогорсола < Иогор /СЛИ : 266/ + сола, Кытынсола < Кытн - собст. имя + сола, Макарсола < Макар /СЛИ : 267/ + сола, Миклансола < Микале = Миклай /Черных 1978 : 96, СЛИ : 267/ + сола, Ондропсола < Ондроп /СЛИ : 267/ + сола, Осипсола < Осип /Черных

1978 : 98, СЛИ : 267/ + сола, Пашкансола < Пашка /СЛИ : 267/ + сола, Пективайсола < Пективай /Черных 1978 : 100/ + сола, Полатсола < Полат /Черных 1978 : 101/ + сола, Семисола < Семи = Семей /Черных 1978 : 104/ + сола, Тойметсола < Тоймет /Черных 1978 : 106, СЛИ : 268/ + сола, Торгансола < Торгай /Черных 1978 : 107/ + сола, Тошметсола < Тошмет - личн. имя + сола, Учимсола < Учий < Очий /Черных 1978 : 98, СЛИ : 267/ + сола, Чапайсола < Чапай /Черных 1978 : 109/ + сола, Чингансола < Чинган /Черных 1978 : 109/ + сола, Чолемсола < Чолем - личн. имя + сола, Филиппсола = Пиллиппсола < Филипп - личн. имя + сола, Яксола = Ядыксола < Ядык /Черных 1978 : 114/ + сола, Янгетсола < Янгет /Черных 1978 : 114/ + сола.

Хронологически в это же время возникло название деревни Метриполко < Метрий /Черных 1978 : 114, СЛИ : 267/ + полко, ср. русск. уст. полкъ 'толпа, среда, ватага' /Даль III : 262/, 'множество, толпа, стая, рой' /ТСРЯ III : 526/. В настоящее время полко, в большинстве случаев в сочетании с антропонимами, употребляется для номинации отдельных частей деревни или улицы.

Позднейшую группу составляют ойконимы, возникшие в начале XX в., появление которых было обусловлено аграрной реформой Столыпина и организацией обособленных сельхозкоммун (в 20-ые годы). На разновидность населенных пунктов этой группы указывают сами номенклатурные термины (кутыр < русск. хутор 'обособленный земельный участок с усадьбой владельца', починга < русск. починок 'небольшой или новый поселок'), которые в настоящее время выступают как топоформант в отантропонимных ойконимах: дл. Изоткин кутыр < Изоткин - фамилия основателя + кутыр, Сидыр починга < Сидыр /Черных 1978 : 104/ + починга, Эльтемыр починга < Эльтемыр /Черных 1978 : 112/ + починга.

На территории бассейна р. Илеть встречается несколько названий населенных пунктов, в котором номенклатурные термины заменяет суффикс -ский. Правда, такие названия фигурируют только в официальных и русских наименованиях, а сами марийцы их называют хуторами ('кутыр'), починками ('починга') и домами лесников ('лесник порт', 'стрелок порт'): х. Алексеевский, дл. Карапейкинский,

д. М и х е е в с к и й (раньше был хутором), поч. П а в - л о в с к и й, в. Т и м о ф е е в с к и й (выселок в марийском языке употребляется лишь в значении 'хутор').

Отдельную группу образуют перенесенные ойконимы. Как правило, в деревнях такого типа живут представители немарийской национальности. В составе подобных ойконимов отсутствуют марийские топонимобразующие средства. Хронологическую последовательность появления указанных названий из-за неимения архивного и полевого материалов установить нельзя и поэтому они отдельно не рассматриваются.

По словообразовательной структуре все антропоойконимы бассейна р. Иеть представляются два типа: простые и сложные.

Простые антропоойконимы включают в себя только один корневой элемент - антропоним. Они охватывают полностью все абсолютные и аффиксально оформленные названия. Таких наименований насчитывается 36, что составляет 44,5% из общего числа антропоойконимов.

В образовании сложных отантропонимных названий населенных пунктов, кроме личного имени, принимает участие один самостоятельный корень. Второй компонент (топоформант), за исключением -беляк и -шүргѳ, бытует в марийском языке как самостоятельная лексическая единица. Сложный тип отантропонимного топонимобразования более распространен и составляет 55,5% среди других антропоойконимов.

Таким образом, рассматриваемые названия населенных пунктов бассейна р. Иеть Марийской АССР имеют древнюю историю. Они возникли хронологически в разное время и были тесно связаны с характерными для определенной эпохи типами поселений. Особенно много антропоойконимов возникло в период разложения родового строя, когда появилось множество семейно-родовых поселений - илемов. Сравнительно продуктивным в отношении возникновения названий населенных пунктов, в основе которых имеет место личное имя, был рубеж XVIII-XIX вв., когда под влиянием русских селений начали перестраиваться марийские деревни. В начале XIX века толчком для возникновения новых антропоойконимов послужили некоторые административные директивы правительства. В настоящее время такое топонимобразование не имеет места.

С о к р а щ е н и я

Венгр. = венгерский язык, мар. = марийский язык, морд. = мордовский язык, русск. = русский язык, удм. = удмуртский язык, фин. = финский язык, эст. = эстонский язык, в. = выселок, д. = деревня, дл. = деревни, дл. = дом лесника, лич. имя = личное имя, оф. = официальное название, поч. = починок, р. = река, уст. = устаревшее слово, х. = хутор.

Л и т е р а т у р а

- А й п л а т о в Г.Н. 1967, Расселение марийцев во второй половине XVII- начале XVIII вв. - Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 140-146.
- А р х и п о в Г.А. 1976, Марийский край в памятниках археологии, Йошкар-Ола.
- Б е л и ц е р В.Н. 1973, Названия населенных пунктов Коми АССР. - Ономастика Поволжья 3, Уфа, 304-307.
- Г а л к и н И.С. 1964, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола.
1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа. - Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 203-210.
1980, К вопросу о монголизмах в марийском языке. - Вопросы грамматики и лексикологии, Йошкар-Ола, 119-126.
- Г о р д е е в Ф.И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке. - Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 190-203.
1975, К этимологии общих родоплеменных терминов восточных финно-угров и башкир. - Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола, 38-48.
1979, Этимологический словарь марийского языка I, Йошкар-Ола.
- Д а л ь В.И. 1955, Толковый словарь живого великорусского языка III, Москва.
- И н ж е в а т о в И.К. 1979, Топонимический словарь Мордовской АССР, Саранск.

- И с е н б а е в Н.И. 1980, Особенности категории множественности имен существительных в восточномарийских говорах. - Вопросы грамматики и лексикологии, Йошкар-Ола, 5-22.
- К о з л о в а К.И. 1967, Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии. - Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 110-119.
1978, Очерки этнической истории марийского народа, Москва.
- К р ю к о в а Т.А. 1956, Материальная культура марийцев XIX века, Йошкар-Ола.
- К у з н е ц о в В.В. 1978, К вопросу о происхождении топониманта сола в марийском языке. - Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола, 25-33.
- Н и к о н о в В.А. 1971, Пласты русской топонимии Горьковской области. - Ономастика Поволжья 2, Горький, 168-173.
- П о п о в А.И. 1972, О термине 'беляк'. - Вопросы мордовского языкознания, вып. 42, Саранск, 137-140.
- П е н г и т о в Н.Т. 1957, Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке. - Труды МарНИИ, вып. 10, Йошкар-Ола.
- С е п е е в Г.А. 1975, Восточные марийцы, Йошкар-Ола.
- С и м о н о в А.Г. 1976, Кучевой план в застройке селений народов Среднего Поволжья. - Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае, Йошкар-Ола, 134-144.
- Х а к и м з я н о в Ф.С. 1978, Язык эпитафий волжских булгар, Москва.
- Ч е р н ы х С.Я. 1978, Марий калыкы еñ лумжо - влэк. - Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола, 64-123.
- АТД, 1969 - Административно-территориальное деление Марийской АССР, Йошкар-Ола.
- АТД, 1973 - Административно-территориальное деление Ленинградской области, Ленинград.
- СЛИ - Справочник личных имен народов РСФСР, Москва, 1979.
- ТСРЯ - Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова Д.Н. III, Москва, 1939.
- R ä ä n e n, M. 1920, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki.

V. K u z n e c o v
(Tartu)

ANTROPONYMISCHE SIEDLUNGSNAMEN DES GEBIETS
AM FLUSSE ILET

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Siedlungsnamen des Gebiets Ilet, die von Antroponymen gebildet sind, haben eine lange Geschichte. Chronologisch sind sie in verschiedenen Zeiten entstanden und waren mit den charakteristischen Zügen der Siedlungstypen eng verbunden. Eine produktive Quelle des Ursprungs der Siedlungsbennungen waren die alten Eigennamen. Sie entstanden in den 18-19. Jhr., als man unter dem Einflusse der russischen Siedlungen die marischen Siedlungen umgestaltete. Zu Anfang des 20. Jhs. waren zum Grund der Bildung neuer antroponymischen Siedlungsnamen verschiedene administrative Directive. Heutzutage wird eine solche Siedlungsnamenbildung nicht mehr praktiziert.

Б.А. Морев
(Томск)

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ И ПУТИ
РЕКОНСТРУКЦИИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ*

В истории языкознания нередко складывается ситуация, когда исследование того или иного языка (особенно языка или диалекта малого народа или этнической группы) тормозится из-за недостатка лингвистических данных. Оценивая степень изученности фонетики селькупского языка, приходится констатировать, что вплоть до настоящего времени в этой сфере, пожалуй, больше проблем, нежели позитивного отстоявшегося знания. Однако зависит ли сложившееся положение от недостатка лингвистических данных? На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ.

К настоящему времени накоплено уже немало материалов по селькупскому языку, которые при надлежащей обработке способны дать достаточно объективную картину как современного состояния селькупского языка по всем его диалектным подразделениям, так и предшествующих этапов его развития. Эти материалы отражают все языковые уровни: звуковой строй, словарь, морфологию и синтаксис, хотя и в разной степени. Краткий синопсис рукописных и опубликованных материалов по селькупскому языку включает следующее:

1) старые словарные списки, известные по публикациям (Donner 1932, Messerschmidt 1964, Schiefer 1973);

2) записи М.А. Кастрена, собранные в 40-х годах прошлого века и большей частью обработанные и изданные А. Шифнером (Castrén - Schiefner 1854; 1855) и Т. Лехтисало (Castrén - Lehtisalo 1940; Castrén, Lehtisalo 1960) - из старых источников, представляющие самые обширные и разнообразные данные по многим диалектным подразделениям, за исключением тымского диалекта;

* В основу статьи положен доклад автора на конференции "Происхождение аборигенов Сибири и их языков" (Новосибирск, 18-20 апреля 1979 г.).

3) записи Казанской православной миссии, выполненные Н.П. Григоровским и опубликованные в 1879 г. под названием "Азбука свсогой гулани"; переиздано (Hajdú 1973);

4) записи К.Папая, известные по публикации (Hajdú 1952);

5) материалы архиепископа Томского и Алтайского Макария; были опубликованы в Томске в 1900 г.; прокомментированы Х. Катцом (Katz 1976);

6) записи К. Доннера, наиболее точные в фонетическом отношении, которые частично опубликованы (Donner 1920), частично остались в рукописях; рукописный материал зачастую не снабжен переводами, и это весьма затрудняет его анализ; следует отметить, что сравнение рукописных текстов с опубликованными материалами аналогичной диалектной привязки показывает, что Доннер иногда подвергал полевой материал кабинетной обработке, сглаживая некоторые противоречия;

7) обширные материалы Г.Н. Прокофьева и Е.Д. Прокофьевой, положенные в основу их собственных публикаций (Prokofjew 1931; Прокофьев 1935; 1937; Прокофьева 1966), а также известные по созданному на этой базе словарю (Erdélyi 1969) - материалы почти исключительно по тазовскому диалекту;

8) небольшие тексты в публикациях (Castrén - Lehtisalo 1960; Hajdú 1968; Szabó 1966; 1967);

9) материалы лингвистических экспедиций МГУ под руководством А.И. Кузнецовой (70-е годы); готовятся к печати в виде словаря и очерка грамматики (Халимский 1978 : 6); в основном совпадают с данными Г.Н. Прокофьева;

10) текстовые, топонимические, словарные и грамматические материалы, магнитофонные записи, собранные в 50-70-х годах представителями Томской лингвистической школы, созданной профессором А.П. Дульзоном; часть материалов опубликована или использована в многочисленных статьях, в сборниках текстов и сказок, в диссертациях, в монографиях (Кузьмина 1974; Беккер 1978), значительная же часть остается до сих пор совершенно необработанной;

II) последняя по времени публикация материалов различных исследователей (Katz 1979).

Перечисленные материалы довольно разнородны и могут использоваться в лингвистическом анализе лишь с определенными ограничениями. Здесь нет необходимости останавливаться на особенностях каждого из источников, это уже затрагивалось в других работах (например, Katz 1975; 1979); достаточно оха-

рактизовать их пригодность для фонетического и фонологического исследования.

Синхроническое описание современных селькупских диалектных подразделений может быть выполнено на основе последних источников (№ 6-II), примером чего служат работы (Szabo 1966a; Морев 1973; Кузьмина 1974; Деннинг 1980).

Чрезвычайно насущным делом для исследований по селькупской фонетике остается внедрение объективных инструментальных методов. В этом отношении сделано пока совсем мало: имеется лишь небольшой объем экспериментально-фонетического материала, полученного автором, А.И. Кузьминой и Н.В. Деннинг (см. выше). Между тем совершенно ясно, что без широкого применения экспериментально-фонетической методики трудно добиться объективных детализованных описаний звукового строя отдельных селькупских диалектов в их современном состоянии; следовательно, будут затруднения и в диахронических исследованиях.

Насколько все же объективен материал, зафиксированный в нашем веке, т.е. насколько адекватно имеющиеся записи отражают реальное состояние звуковой системы в том или ином диалектном подразделении селькупского языка? Этот вопрос имеет большое значение не только для синхронического описания, но и для исторических выводов, как будет показано ниже. А пока рассмотрим особенности материала, собранного томскими исследователями - это самый обширный и потому самый разнородный материал из всех, к тому же довольно резко критиковавшийся (Katz 1975 : IV-V).

В сборе этого материала, начиная с 50-х годов, участвовали десятки исследователей разной степени лингвистической подготовки и опыта полевой работы. Поэтому естественно, что их записи в некоторых случаях, особенно на первых этапах сбора материала, были недостаточно строгими в фонетическом аспекте. Кроме того, применяемая транскрипция, разработанная на базе русского алфавита с дополнением диакритики и ряда латинских и греческих знаков, оказалась не всегда способной отразить своеобразное звучание той или иной языковой единицы (особенно в диалектах южноселькупского ареала, поскольку первичное знакомство исследователей с языком шло на базе системы тазовского диалекта, положенного в основу научного описания селькупского языка). Это относится к обозначению аффри-

кат, губных спирантов, увулярных, открытости-закрытости, продвинутости-отодвинутости и других особенностей, т.е. транскрипция была довольно грубой и приходилось по ходу записей изобретать дополнительные знаки. Все это в дальнейшем могло привести - и действительно приводило - к недоразумениям и неточностям при использовании материала в практике лингвистических описаний (например, при обозначении губных спирантов - Беккер 1978).

Однако все это не дает оснований отвергать собранные материалы как бесполезные для лингвистической обработки. При перекрестной проверке этих данных можно найти приемлемую форму, с наибольшей достоверностью отражающую реальное состояние. Нельзя согласиться с Х. Катцом, который предлагает некую идеализированную форму той или иной языковой единицы взамен зафиксированной (см. также Кюннап, Морев 1977: 58-59, 61-62). Все, кто имел практику полевой работы, знают, как вариативно произношение у одного и того же информанта (и не только произношение!). Нашей целью всегда было возможно точное отражение в транскрипции того, что в данный момент звучало, а не того, что могло быть как-то усреднено и абстрагировано. А.П. Дульзон в этой связи писал: "Языковые записи должны быть строго фонетическими. Это требование надо предъявлять еще и потому, что оно обеспечивает понимание в дальнейшем разных, пока еще недостаточно ясных или подробно описанных фонетических особенностей. На первых порах читателю, возможно, будет неприятно встретить на двух соседних строчках до пяти различных фонетических вариантов. Нетрудно, конечно, унифицировать написание, скрыв тем самым фактически существующее разнообразие, но это лишает читателя возможности самому видеть и объяснить. Приходится сожалеть, что многие авторы работ по младописьменным или бесписьменным языкам до сих пор еще пренебрегают указанным требованием, не давая тем самым читателю возможности проверить или исправить те или иные выводы автора." (Дульзон 1968: 3). Томские исследователи продолжают придерживаться принципов своего учителя.

Х. Катц прав в том, что необходимы филолого-лингвистические обработки старых данных с позиций нашего сегодняшнего знания селькупского языка во всех его аспектах, поэтому его конкретную работу в этом отношении нельзя не приветствовать - подвергнуты обработке некоторые тексты тымского диалекта

(Katz 1975), материалы архиепископа Макария (Katz 1976), другие источники (Katz 1979).

Принципиальная установка Х. Катца состоит в том, что он вместо реального звучания предлагает использовать в исследованиях так называемую "фонологизацию". С одной стороны, это действительно направлено на значительное упрощение лингвистических описаний, особенно на морфологическом и синтаксическом уровнях. С другой же стороны, исследователям в этом случае придется пользоваться не самим живым лингвистическим материалом, а неким препарированным суррогатом его. Кроме того, далеко не всегда можно согласиться с той или иной фонологизацией, предлагаемой Катцом (или кем-то другим). Например, для тымского диалекта Х. Катц определяет следующий набор консонантных фонем: чистые смычные (p, t, f, k, q), лабиализованные смычные (t^w, f^w, k^w, q^w), аффрикаты (č, č^w), щелевые (š, š^w, ʃ), носовые (m, n, ɲ, ŋ), плавные (l, l̥, r), полугласные (j, w). Эта система представляется достаточно объективной, хотя не исключены и другие трактовки: например, (ʃ) здесь выглядит избыточной, поскольку выступает вариантом (ɲ) или (k). Однако совершенно непонятной остается фонологическая интерпретация долготы: судя по транскрипции, выделяются долгие (геминированные?) фонемы (pp, tt, kk, qq, čč, šš, šš, nn, ŋŋ, ll), которые все же не включаются в систему. Более того, происходит смешение синхронического и диахронического подходов: в некоторых случаях утверждается наличие долгой (геминированной?) фонемы по имеющимся данным, в других - такая единица реконструируется по косвенным свидетельствам разновременного плана, и не всегда убедительным. В целом фонологизация Х. Катца выглядит поэтому чем-то средним между традиционным дистрибутивным анализом и внутренней реконструкцией, о которой ниже.

Вообще же следует заметить, что неоднозначность фонологических решений в отношении того или иного диалекта при синхроническом описании неизбежно влечет за собой аналогичные проблемы в отношении всего языка (понимаемого как некоторая конечная совокупность диалектов). Так, например, совершенно бесплодной выглядит попытка создать некую фонологическую модель всего селькупского языка в его современном состоянии путем экстраполяции фонологических моделей отдельных диалектных подразделений. Эта модель заранее обречена исказить реальный статус той или иной диалектной

звуковой единицы при стягивании в абстрактную общезыковую систему, поскольку процесс этой унификации уже есть своего рода реконструкция, причем довольно обоснованная. Например, практически по всем консонантным рядам - губным, переднеязычным и т. д. - наблюдаются регулярные междиалектные соответствия (Dulson 1971); как интерпретировать их для всего языка? Похоже, что только на синхронической базе решать подобные проблемы невозможно (ср. Черняк и др. 1969).

Автору уже неоднократно приходилось использовать метод внутренней реконструкции в выявлении путей развития различных согласных в селькупском языке. При этом под внутренней реконструкцией подразумеваются те диахронические выводы, которые можно сделать из синхронического анализа данных самого селькупского языка, без обращения к регулярному и последовательному сравнению с другими самодийскими и финно-угорскими языками. Применение этого метода определяется (а) отсутствием сколько-нибудь древних языковых памятников (как было показано выше, письменная фиксация селькупского языка начата всего лишь около двух веков назад) и, отсюда, невозможности широкого использования сравнительно-исторического метода, (б) с другой стороны, чрезвычайной диалектной раздробленностью селькупского языкового массива, которая дает возможность наблюдать различные степени продвинутой в развитии звуковых систем по разным диалектам. Исторические выводы, полученные логико-дедуктивным путем на основе применения метода внутренней реконструкции, могут затем верифицироваться применением сравнительно-исторического метода, поскольку внутренняя реконструкция предусматривает в основном общий порядок развития (например, развитие из смычных аффрикат с их последующим разложением и образованием щелевых, типа $t > \underset{.}{q} > \underset{.}{\xi}$ - Морев 1975а), а сравнительно-исторический метод дает возможность уточнить ход и определить хронологические рамки того или иного явления. Для примера параллельного использования двух методов в конкретном приложении к лингвистическому материалу ниже приводится развитие лабиализованного согласного $k\beta$ ($q\beta$) (подробнее Морев 1975).

1. Внутренняя реконструкция

	'рыба'	'береза'	'железо'	'левый'
сев. сельк.	<u>qeli</u>	<u>qä</u>	<u>kezi</u>	<u>ketikä</u>
южн. сельк.	<u>qβel</u>	<u>qβä</u>	<u>kβe(zi)</u>	<u>kβädögi</u>

Итог: общесельк. * kβ- (*qβ-)

Таким образом, для восстановления картины предшествующих этапов развития звукового строя селькупского языка основными методами являются: метод внутренней реконструкции и сравнительно-исторический. Кроме того, в ряде случаев полезным вспомогательным методом оказывается обращение к заимствованиям и ономастике: например, при выяснении происхождения селькупского ʃ пришлось прибегнуть к анализу заимствований из русского языка (Морев 1977).

Предварительные выводы по рассмотренной теме сводятся к следующему:

1. Недостаточная разработанность вопросов фонетики селькупского языка зависит не от скудности имеющегося материала, а от медленного включения его в практику лингвистических исследований. В настоящее время первоочередной задачей селькуповедов видится уже не столько сбор материала, как это было раньше, сколько надлежащая обработка и осмысление наличного материала по всем уровням, прежде всего в фонетическом и фонологическом аспекте. При этом отнюдь не отрицается необходимость и текущего пополнения диалектных записей.

2. При критичном подходе к разнородным материалам все они могут использоваться как в синхронно-описательной, так и в исторической фонетике, обеспечивая достаточно объективную базу для исследования.

3. Неединственность фонологических решений при синхроническом описании может проецироваться и на историю: по мере накопления знаний в отдельных сферах исторической фонетики предыдущие аппроксимации необходимо пересматривать и корректировать.

4. В синхронно-описательной фонетике все большее значение приобретают объективные экспериментально-фонетические методы и фоностатистический анализ.

5. Объективные описания фонетики разных диалектов обеспечивают возможность широкого применения метода внутренней реконструкции для выявления путей развития селькупской звуковой системы.

6. Исторические выводы, полученные на основе применения метода внутренней реконструкции, верифицируются прежде всего данными сравнительно-исторической фонетики, а также тщательным анализом заимствований, этнонимов и топонимов.

Л и т е р а т у р а

- Б е к к е р Э.Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
- Д е н н и н г Н.В. 1980, Фонетика тымского диалекта селькупского языка, Томск (рукоп. канд. дисс.).
- Д у л ь з о н А.П. 1968, Кетский язык, Томск.
- К у з м и н а А.И. 1974, Грамматика селькупского языка I. Селькупы и их язык, Новосибирск.
- К ю н н а п А., М о р е в Д.А., Hartmut K a t z, Selcupica I... - СЭУ XIII, 58-62.
- М о р е в Д.А. 1973, Звуковой строй среднеобского (ласкинско-го) говора селькупского языка, Томск (рукоп. канд. дисс.).
- 1975, К вопросу о развитии лабиализованных согласных в селькупском языке. - СЭУ XI, 126-134.
- 1975а, К вопросу о происхождении аффрикат в селькупском языке. - СЭУ XI, 281-286.
- 1977, Развитие селькупского \varnothing . - СЭУ XIII, 48-57.
- П р о к о ф ь е в Г.Н. 1935, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Ленинград.
- 1937, Селькупский (остяко-самоедский) язык. - Языки и письменность народов Севера I, Москва-Ленинград, 91-124.
- П р о к о ф ь е в а Е.Д. 1966, Селькупский язык. - Языки народов СССР III, Москва, 396-415.
- Х е л м с к и й Е.А. 1978, Древнейшие угорско-самодийские языковые связи (анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками), Москва (рукоп. канд. дисс.).
- Ч е р н я к М.И., Т и т о в а Л.П., А п с и т Н.Н. 1969, К вопросу о фонологической системе согласных селькупского языка. - Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 65-68.
- A n t t i l a, R. 1968, The Relation between internal Reconstruction and the Comparative Method. - UAJb 40, 159-173.
- С а в т р е н, М.А. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.
- 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.

- C a s t r é n, M.A. - L e h t i s a l o, T. 1940. Samojedische Volksdichtung, Helsinki (MSFOu 83).
- C a s t r é n, M.A., L e h t i s a l o, T. 1960. Samojedische Sprachmaterialen, Helsinki (MSFOu 122).
- D o n n e r, K. 1920, Über die anlautenden labialen spiranten und verschlusslaute im samojedischen und uralischen, Helsinki (MSFOu 49).
- 1932, Samojedische Wörterverzeichnisse, Helsinki (MSFOu 64).
- D u l s o n, A. 1971, Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. - *ČOV* VII, 35-43.
- E r d é l y i, I. 1969, Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest.
- H a j d ú, P. 1952, Pápai Károly szelkup szójegyzéke. - *NyK* 54, 141-184.
- 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
- 1973, Die erste Sölkupische Bibel aus dem Jahre 1879, Szeged (Studia Uralo-Altica II).
- K a t z, H. 1975, Selcupica I. Materialien vom Tym, München (Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C, Band I).
- 1976, Selcupica II. Erzbischof Makarijs 'Besědy ob istinnom bogě i istinnoj věřě na narěčii obskich ostjakov' von 1900, München (Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C, Band 3).
- 1979, Selkupische Quellen, Wien (Studia Uralica 2).
- M e s s e r s c h m i d t, D.G. 1964, Forschungsreise durch Sibirien 1720-27 (hsg. v. E.Winter, U.Uschmann, G.Jarosch), Berlin.
- P r o k o f j e w, G.N. 1931, Materialien zur Erforschung der ostjak-samojedischen Sprache. Die Tasovsche Mundart. - *UJb* XI, 91-98, 293-297, 440-452.
- S c h i e f e r, L. 1973, Ein unbekanntes selkupisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1786. - *JSFOu* 72, 350-359.
- S z a b ó, L. 1966, Szelkup szövegek szójegezékkel (Tymi nyelvjárás). - *NyK* 68, 249-277.
- 1966a, Die Laute des Tym-Dialekts des Selkupischen. - *ČOV* II, 295-301.
- 1967, Szelkup Texts, Bloomington (UAS 75).

J. A. M o r e v
(Tomsk)

ON RELIABILITY OF LINGUISTIC DATA
AND THE WAYS OF RECONSTRUCTION IN SELKUP

S u m m a r y

The present article aims at revealing the validity of Selkup dialectal material obtained so far by different investigators for tracing the ways of historical development in the sphere of the Selkup sound system.

The author adheres to the opinion that it is not just for lack of material that the phonetic and phonological aspect of Selkup has so far been but poorly investigated; rather the material seems sufficient but it is being involved in the process of linguistic research very slowly.

Viewed critically, all the material obtained may be used in both descriptive and historical phonetics of the Selkup language.

In descriptive phonetics, instrumental methods and statistics are being more and more widely applied to obtain reliable results which, in their turn, pave the way to a wide use of internal reconstruction.

Diachronic conclusions draws on the basis of internal reconstruction may be verified by the comparative method and by the strictest analysis of loan-words and place-names, etc. Thus all the mentioned methods are complementary.

А.Н. Ракин
(Сыктывкар)

АНАТОМИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА КОМИ ЯЗЫКА
С ДЕЭТИМОЛОГИЗИРОВАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

В настоящее время было бы неправильно утверждать, что народная анатомическая номенклатура является белым пятном в коми языкознании - некоторые сведения об анатомических терминах можно почерпнуть в различных лексикографических источниках как нормативного, так и этимологического характера, в отдельных изысканиях, где, наряду с общеупотребительной, при установлении тех или иных фонетических закономерностей финно-угорских языков в качестве иллюстративного материала привлекается также терминологическая лексика. Однако всего этого совершенно недостаточно для того, чтобы получить полное представление о системе анатомической номенклатуры как одного из важнейших компонентов основного словарного фонда коми языка. Подобно смежным разрядам отраслевой лексики (например, топонимии, зоонимии, фитонимии) она должна быть подвергнута специальному изучению и описанию во всех основных аспектах лингвистического исследования: этимологическом, семантическом, морфологическом и др.

Первый шаг в этом направлении был сделан Е.С. Гуляевым, в своем докладе на III Международном конгрессе финно-угроведов он подверг периодизации анатомические термины коми языка с общеизвестными этимологиями и высказал свою точку зрения относительно происхождения некоторых названий.

Мы предлагаем анализ анатомических названий с деэтимологизированным элементом.¹ В данной статье будут рассмотрены сомонимы² со следующими компонентами.

¹ Термин деэтимологизация используется нами в традиционном смысле слова, понимаемого как утрата словом этимологической мотивированности вследствие утраты смысловой связи с породившим корнем и тесной спайки в одно целое при флексии морфем, входящих в состав производных и сложных слов.

² Сомоним - слово, обозначающее какую-л. часть тела человека и животных (от греч. σῶμα 'тело' и ὄνομα 'имя').

-ви. Представлен в названиях йёзви вв (Крч.) л. (Ловл.) лет. скр. сс., йёзвий вс. нв. печ., йёзвы вым., йёзвы вв. (Бог.) 'сустав, сочленение; звено, колено (напр., в стебле растений)' /Жилина и др. 1961 : 142/. В некоторых диалектах современного коми языка перечисленные лексические единицы употребляются в составе определенных сочетаний также со значением 'сила', ср. кок йёзвий быри скр., кок йёзвий быри уд. (Гл.), кок йёзвы быри нв. 'ослабел ногами, на ногах силы не стало', йёзвий быртёдз рёбиті уд. (Гл.) 'работал, пока не выбился из сил', йёзвы усьны иж. 'отощать, исхудать, обессилеть от недоедания, упасть силами', муртса йёзви кодь скр. 'худенький, слабенький' /Жилина и др. 1961 : 142/. Из удмуртского языка в качестве параллели приводятся ёзви 'сустав', каты-ви 'сила' /Лыткин, Гуляев 1970 : 55/. С пермскими словами сопоставляются мар. вий 'сила, мощь, усилие', морд. вий 'сила, мощь, энергия', ф. väki 'сила', саам. viek-kä 'изрядно, порядочно', манс. вау 'мощь, сила', хант. цех 'сила' /Uotila 1933 : 265/ < доперм. *wäke- /Лыткин, Гуляев 1970 : 55/. Для компонента йёз- восстанавливается семантика 'сустав' (см. ниже).

вотш- функционирует в качестве определительного компонента в составе названия вотшлы 'ключица', где самостоятельное употребление имеет лишь лы 'кость'. Аналогичную конструкцию находят в марийском языке: вачылу 'ключица', которая состоит из ваче 'плечо' и лу 'кость' /см. Bereczki 1964: 386/. В свете этого внутренняя форма коми слова вотшлы восстанавливается в виде 'плечевая кость' /Лыткин, Гуляев 1975 : 13/, стало быть, вотш первоначально осмысливалось как 'плечо'.

гыр- гырдза 'локоть, локти' /Тимушев, Колегова 1961 : 182/, диалектные варианты: гырдэдза вс. вым. иж. нв. печ. скр. уд., гырдза вв. (Крч.) сс., гырдза лл. 'локоть' /Жилина и др. 1961 : 97/. Гыра: гыра вын лэчисьні вв. (Бог.), гыравыласьны лл., гыравылесьны вс., гыравылтчыны сс., гыравылтчыны вс. 'облокотиться' /Жилина и др. 1961 : 97/. Для реконструкции общепермской формы *gür 'часть руки до локтя' привлекается также кз. гыр уд. (Венд.) 'мера для измерения холста (пол-аршина)', т.е. 'часть руки до локтя', кя. ger'ä, кп. gir'ä, удм. гырпум 'локоть' (пум 'конец'); -g'ä, -g'ä относятся к суффиксальным элементам. Дальнеродственные соответствия: мар. кынер 'моток (мера ниток)', кынервуй 'ло-

коть' (вуй 'конец'), эрз. кенере, мокш. кeнeрe 'локоть', ф. куупага уст. 'локоть (мера длины)', куупаграа 'локоть', манс. kõnlõgäi, хант. Vj. k'õp'õi', венг. кõпyõк 'локоть' (см. Uotila 1933 : 235; SKES 1976 : 257-258/ < доперм. *kũp'õr- 'локтевая кость', -п' - в пермских языках в интервокальном положении выпал; элемент -r, восходящий к финно-пермскому периоду, представлял собой словообразовательный суффикс /Лыткин, Гуляев 1970 : 85/, ф.-у. *kũn'a (*kin'ä) или *kũnã (*kinã) 'локоть' (Основы 1974 : 412).

йõз-. Употребляется в сочетании с -ви 'сила' (см. выше): йõзви вв. (Крч) л. (Ловл.) лет. скр. сс., йõзвий вв. нв. печ., йозви вым., йозвыи вв. (Бог.) 'сустав, сочленение; звено, колено (напр., в стебле растений)' /Жилина и др. 1961 : 142/. Сравнивается с удм. ёз бот. 'колено, сочленение', 'часть, раздел (книги)', 'деталь', 'звено (цепи, стебля)', ёзви анат. 'сустав', ёзвие 'полный (сил, энергии)' 'здоровый' < общеп. *jõz- 'сустав, сочленение' < доперм. *jãsz- 'сустав, сочленение' ср. мар. йыжыг 'сустав', эрз. эзие 'сустав (у животных)', 'сгиб, колено (у растений)', ф. jãsen 'член', 'сустав', ненец. jesu /см. Лыткин, Гуляев 1970: 112/. В последнее время данный элемент выделяют также в словах уджйõз 'долг', 'долги' (удж 'работа, труд, занятие, страда'), кывйõз вв. 'поговорка, выражение' (кыв 'слово', 'речь', 'язык'), песйõз лл. 'кряж', 'часть ствола дерева' (пес 'дрова', 'чурки') и предполагают, что -йõз в прошлом представлял собой самостоятельное слово со значением 'сочетание', 'соединение', 'сочленение' соответственно уджйõз должно было осмысливаться как 'сочетание долгов', песйõз как 'сочетание частей ствола дерева', кывйõз как 'сочетание слов' /см. Лыткин, Гуляев 1975 : 22/.

йõр-. Выделяется в названиях йõрвуждін л. (об.) скр., йõркыцэдін вым. 'пах' (вуж 'корень', дін 'основание', кыцэ сопоставляется с удм. гизы 'крепкий узел'), вынйõр вв. печ. скр. сс., выньёр л. 'сила, мощь' (вын 'сила', йõр 'сила') /Жилина и др. 1961 : 143, 73/. В качестве самостоятельных лексем указывается для двух диалектов коми языка: уд. (Гл.) йõр, л. ёр 'сила, мощь'. Родственный материал представлен удмуртским примером эрвын 'внутренность' (Лыткин, Гуляев 1975 : 22). эрвын 'живот' (вын 'корень') < общеп. *jõr < доперм. *jõrkõt 'сила, величина, живот, жизнь' /Гуляев 1975 : 542/.
-кар. Употребляется для обозначения тыльной стороны ла-

дони в составе названия кикар вв. лл. скр. сс. (ки 'рука'). Из общеп. *каг (> *kāg) 'пять', 'остов кисти руки или ступни ноги (пять лучеобразно расположенных косточек, соединяющих пальцы с запястьем или верхней частью ступни)'. К данному источнику возводятся также кч. ki-kaŋ 'пять', 'шерстяные напульсники', 'кисть руки', kok-latš-kaŋ 'средняя часть ступни' (кок латш 'ступня'), ki-kaŋ кп. 'кулак', удм. кикур 'ладонь', кур 'ширина (полотна, материи)', кикур 'ширина ладони', 'мера ширины', ki-kūg каз. 'ладонь'. Значения 'ладонь', 'кулак', 'ширина' считаются производными /см. Лыткин, Гуляев 1970 : II7/.

-кня. Усматривают в сложных словах типа княвув 'подмышки' /Тимушев, Колегова 1961 : 283/, княвув скр., княвул сс., княвул печ. сс., княвот л. (Об.), княволт лл., княву вв. (Бог.) 'подмышка' /Жилина и др. 1961 : I87/. Компонент ув обладает статусом полнозначной лексической единицы, изоглосса его распространения проходит через все диалекты современного коми языка, ср. нв. скр. ув, вв. (Крч.) вс. печ. сс. уд, вв. (Бог.) вым. иж. уу, л. (Об.) увт, лл. улт 'низ; место под чем-либо' /Жилина и др. 1961 : 394/. Более древней считается форма княи- < *kin'a-. Переход i в i (*kin'a- > kin'a-) объясняется влиянием палатального -п- /см. Лыткин, Гуляев 1970 : I24/. Допермский архетип *коп- 'плечо' восстанавливается с привлечением мар. коп ла 'клин (в рубахе, сорочке)', эрз. кавалакс 'подмышки', вжно-эст. kaŋla 'плечо, шаль' /Лыткин 1964 : 48, 49/; общеп. *-п- перешло в коми -п'-, как и в словах пинь 'зуб', вонь 'пояс' /Лыткин, Гуляев 1970 : I46/.

-коти. Использован при образовании анатомического термина вомкоти, букв. означающего 'угол рта', 'за щекой' ср. вом 'рот'. Рассматривается /см. Лыткин, Гуляев 1970 : I38/ в одной словарной статье с кюди 'лука, излуцина (реки)', 'выступ берега, образуемый излуциной реки'; котшас вв. (Бог.) вым. уд. 'излучина реки' /Жилина и др. 1961 : I69/; пывсян кюди 'предбанник' (который раньше сооружался перед входом в баню из стоячих жердей в виде угла или полукруга), ср. пывсян 'баня'; котшас вв. вс. вым. иж. нв. печ. сс. уд. (Гл.), котшаска л. (Пор.), коти лл. уд. 'часть избы под полатями около двери, задний угол' /Жилина и др. 1961 : I73/; кя. кó-к 'большой изгиб в реке', кп. кюди 'остров, полуостров', удм. кож 'залив', кепов кож малм. 'отделение в амбаре для хране-

ния зерна', кож, кож 'омут, излучение реки, самое глубокое место реки' < общеп. *kož 'изгиб, излучина, угол'. Приводятся также эрз. kan'džamo 'подколенная впадина' мар. кук-кедаш 'рвать, разорвать' ф. katkoa 'ломать, переламывать, обрывать' < доперм. *kočks-.

-кым. С точки зрения современного коми языка никак не осмысливается, номинативную значимость приобретает лишь в сочетании со словом син 'глаз'. Обозначая определенную часть тела человека, конструкция синкым 'бровь, брови' подобно немотивированным лексическим единицам в настоящее время не вызывает никаких ассоциаций, однако благодаря наличию в финском языке аналогичного примера silmäkulma 'бровь' (silmä 'глаз', kulma 'угол, край, сторона') ее первоначальная внутренняя форма ('угол глазной щели, край глазной впадины') восстанавливается довольно легко /см. Лыткин, Гуляев 1970 : 151, 256/.

-модз. В конструкциях кимодз 'мягкая часть ладони у запястья' /Тимушев, Колегова 1961 : 283/, ки модз вв. в.с. печ. скр. сс., ки модз в.м. иж. л. уд. 'мясисстая часть ладони, примыкающая к запястью', кок модз нв. уд. 'мясисстая часть подошвы у основания пальцев' /Жилина и др. 1961 : 222/ (ки 'рука', кок 'нога'). В удорском диалекте известна также форма модз 'утолщение, утолщенная часть'. Удмуртское соответствие мызь 'икра' (диал. miz') и общепермская форма *mōž' в КЭЖ /см. стр. 175/ приведены под вопросом, хотя предполагаемая семантическая дуплановость архетипа ('икра, утолщение') подкрепляется кз. параллелью пök 'икра (рыбья)' и кок пök 'икра ноги'. В SKES /см. стр. 360/ финским названиям mäännä, männä 'рыбья икра' в качестве соответствия из пермских языков приведено лишь удмуртское слово.

орд. В составе унаследованного об общепермского праязыка сомонима ордн 'ребро, ребра' (ср. удм. урдн 'ребро') < *ord-lü 'ребро' /Лыткин 1964 : 92/, представлявшего собой сочетание двух самостоятельных лексем *ord 'бок' и lü 'кость' и первоначально осмысливаемого как 'боковая кость (кости)', т.е. первый компонент указывал на местоположение объекта обозначения. Аналогичную функцию он, по-видимому, имел и в других сферах лексики коми языка, о чем свидетельствуют послелогои ордын 'у кого-либо', ордö 'к кому-либо', ордöдз 'до кого-либо', ордсянь 'от кого-либо' (-нн, -ö, -öдз, -сянь - падежные показатели), а также название бурдундука ви-

вяорда, букв. 'полосатобокий' (визя 'полосатый') и глагол ордыны 'перегнать, обогнать', 'победить (в соревновании)', букв. 'обойти боком, стороной'. Пермские слова сопоставляются с мар. ордык 'бок', 'сторона', 'посторонний', ордыклу 'ребро', эрз. ирдекс, мокш. ирдез 'ребро', саам. N erte 'сторона, край', ertig 'бок (человека, животного)' /Uotila 1933 : 348/. Допер. *ertä- > *ertä- /Лыткин, Гуляев 1970 : 207/. Для обозначения понятий 'бок', 'сторона', 'место с боку чего-либо', 'край чего-либо' в современном коми языке пользуются русским заимствованием бок вв. вс. лл. печ. скр. сс. (вым. иж. нв. уд. бök), который полностью вытеснил исконную лексему, за исключением лишь рассмотренных выше номинативных единиц.

-сör. В обоих пермских языках отмечен в пределах сочетания с одним и тем же словом вир 'кровь': к. вирсör вв. (Нивш.) 'кровеносный сосуд, жила' /Сорвачева и др. 1966 : 190/, удм. вирсэр 'вена, кровеносный сосуд' < общеп. *вэр 'вена, сосуд' /Лыткин, Гуляев 1970 : 264/. Дальнеродственные соответствия: мар. шер 'пульс'; W šar, венг. ér 'вена', манс. täär, taar 'корень', хант. Vas. jer, Vah. ler, S. ter 'тх' < доперм. *säre- 'жила, вена' /см. Itkonen 1953-1954 : 175, 314/.

су-. Сохранился в составе композиции общепермского происхождения *s'ukqs' (*s'ukqs') 'квас, напиток' > к. сюкось лл. нв. (Гам) уд. (Гл.), сюкесь уд. 'квас', удм. сюкась 'тх' /см. Лыткин, Гуляев 1970 : 273/. По своему генезису данная конструкция восходит к двум самостоятельным лексическим единицам су и кось. Для восстановления первоначальной семантики компонента -кось (удм. -кась) 'питье, напиток, вода, роса, влага' привлекается к. косё уд. /Латыга/ 'питье, напиток (деток.)', ф. kastaa 'макать', kaste, диал. kasi 'роса', kastalla 'смачивать, орошать, поливать', kastua 'мокнуть', венг. kast 'сырость' /см. Toivonen 1934 : 137/. Компонент су- выводится из допермской формы *s'ũ- (*s'uve-) 'рот, горло, отверстие, глотка', ср. мар. шу 'отверстие', ф. суц 'рот, глотка', эст. суц 'рот', венг. száj, sza 'рот' /см. Itkonen 1949 : 50; Itkonen 1953-1954 : 169/, в "Основах финно-угорского языкознания" /1974 : 400/ *s'uwę 'рот'. Предполагаемая понятийная основа элемента су- 'горло, глотка' более отчетливо проявляется в сочетании сюкось косьмыны вым. уд. (Гл.), сюкесь косьмыны иж. уд. 'жаждать, хотеть пить',

являющегося осложненным вариантом ср косьмыны (ср. удм. ср-куасьмон 'жажда', где куасьмон 'высыхание'). Последнее легко может быть заменено синонимичной синтагмой горш косьмыны 'жаждать, хотеть пить', оба компонента которой хорошо осмысливаются современным языковым сознанием и имеют повсеместное распространение: горш вв. вс. нв. печ. скр. сс., горыш вым. иж. лл. уд. 'горло, глотка, гортань', косьмыны вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., косьмыны вс., косьмыны вв. 'сохнуть, высохнуть, высушить' /Жилина и др. 1961 : 84. 166/.

ср-. Послужил основой для образования анатомических наименований сурса 'позвоночник, позвоночный столб, (спинной) хребет', сурса лы 'позвонок' (лы 'кость'), сурса вем 'спинной мозг' (вем 'мозг') /Тимушев, Колегова 1961 : 665/, сурса лы вв. вс. лл. нв. печ. скр. сс., сурса вв. лет. сс., сурд лы вым. уд. 'позвоночник, позвоночный столб'; сурд лы шег уд. 'позвонок' (шег 'лодыжка'), сурд лы пом вым., сурд лы пом лы уд. 'копчик, хвостец' (букв. 'конец позвоночника', 'конечная кость позвоночника'), сурса пом лы вв. (Бог.), сьыл сурд лы вым. 'шейные позвонки' (сьыл 'шея') /Жилина и др. 1961 : 361/, а также названия мусир 'горный хребет' (му 'земля, суша, почва'). Смысловое содержание относится с понятиями 'хребет, край, гряда, цепь, массив, линия, стержень, основа'. Параллели находят в большинстве современных финно-угорских языков: удм. сурлы 'позвоночник' (лы 'кость') мар. бӧг 'край, ребро, грань', морд. чире 'край, берег, склон', ф. вурjä 'сторона, край, ребро'. Общепермская форма реконструируется в виде *s'ŷr /см. Лыткин, Гуляев 1970 : 275/.

чер-. Функционирует как деэтимологизированный элемент названия челюсти черлы, а также в сочетаниях вом черлы скр. сс., вом чӧрлы нв., пинь чӧрлы нв. 'челюсть' (вом 'рот', пинь 'зуб') /Жилина и др. 1961 : 408/. В новейших исследованиях /Лыткин, Гуляев 1975 : 42/ сравнивается с мар. чире 'лицо' и предполагается, что черлы означало 'лицевая кость'. Следовательно, чер- первоначально имело ту же самую функцию, что и совр. чужбм вым. л. нв. печ. скр. сс., чужем вв. 'лицо' /Жилина и др. 1961 : 418/.

-чӧр. Отличается довольно широким диапазоном употребления: 1) анат. кокчӧр 'голень' (кок 'нога'), первоначально 'стебель, "ствол" ноги' /Лыткин, Гуляев 1970 : 311/, кок чер вв. (Крч.) скр. сс., кок чӧр вв. (Бог.) вс. вым. иж. лл. нв. уд. 'голень, берцо' /Жилина и др. 1961 : 408/, кокчӧр лы

'берцовые кости' /Тимушев, Колегова 1961 : 296/; 2) в других сферах лексики коми языка для обозначения самых разнообразных понятий: чѳр иж. 'стебель (растений, трав)' /Жилина и др. 1961 : 417/, пучер 'ствол дерева' /< *pu c'εr/, пу 'дерево' /Лыткин, Гуляев 1970 : 311/, чѳрс повс. 'веретено; ось, стержень', изки чѳрс скр. иски чѳрс уд. 'железное веретено жернова (изки 'жернов')'; чѳрвѳнь вв. вс. лл. печ. скр. сс., чѳрвѳнь вв. (Бог.) 'подвязка (для чулок)' (вѳнь 'поясок'), чѳрс вв. лл. печ. сс., чѳрес вв. (Крч.) 'род теплых чулок с суконными или холщевыми голенищами и с вязаными шерстяными головками' /Жилина и др. 1961 : 417/ -ѳс - словообразовательный суффикс < общеп. *c'εr/Лыткин, Гуляев 1970 : 311/. Сопоставим с морд. в'а́jár 'голень, ф. saari 'schmalbein', вст. saar 'schienebein, unterbein', венг. szar 'стебель, стержень, рукоятка, голень', манс. saḥ: kāt-saḥ 'кисть руки' /Uotila 1930-1940 : 174; Toivonen 1944 : 253/. О том, что какие-то морфологические признаки частей тела человека и растений действительно могут вызвать некоторые ассоциации, и для их обозначения может быть привлечен сходный лексический материал, свидетельствуют также номинативные единицы гум 'полный стебель (дудчатых растений)' и кок гум 'бедренная кость' (кок 'нога')/.

-шуй. Выделяется в названии сьылшуй 'загрибок', в диалектном употреблении силшуй нв. уд. 'загрибок' /Жилина и др. 1961 : 357/. Сопоставляется с мар. шягорем, шягарем 'затылок' (горем, гарем < корем, карем 'впадина') /Лыткин, Гуляев 1975 : 40/. Как самостоятельная лексическая единица компонент сьыл вв. вс. вьм. иж. лл. печ. скр. сс., сили нв. уд., сил нв. имеет значение 'шея'.

Таким образом, рассмотренные нами сомонимы с деэтимологизированными элементами, восходящими все без исключения к древнейшим пластам исконной лексики коми языка, свидетельствуют о том, что данная категория занимает в общей массе анатомических терминов незначительное место (всего 17 примеров против 470, т.е. 3,6%). Это, во-первых. Во-вторых, следует подчеркнуть, что деэтимологизации подвержены и начальная и конечная часть композиты, причем в количественном отношении обе эти группы находятся почти в равном положении (соответственно, 9 и 8 примеров). В-третьих, такие элементы, как вѳтш-, гьр-, кыня-, -кым, -сѳр, -шуй, полностью вышли из самостоятельного употребления, поэтому их первоначальное зна-

чение может быть восстановлено только на основе привлечения родственного параллельного материала из других языков. Что касается остальных компонентов, то они также характеризуются функционированием в пределах лишь узкого круга сочетаний, однако в некоторых случаях в периферийном употреблении могут быть встречены и в виде самостоятельных лексических единиц, ср. йёр- и йёр уд. 'сила, мощь', -мёда и мёда уд. 'утолщение, утолщенная часть'. По сравнению с предыдущими анатомическими терминологическими элементами, подобного рода наименования не являются единственными обозначениями соответствующих понятий, их синонимические варианты, представляющие собой, как правило, более поздние по своему генезису полнозначные лексические единицы, известны в общенациональных масштабах (ср. ср- и горш 'горло, глотка, гортань', чер- и чужом 'лицо').

С о к р а щ е н и я

Диалекты коми языка: вв. = верхневьчегодский, вс. = верхнесольский, вым. = вымский, иж. = ижемский, л. = лузский, лет. = летский, лл. = лузско-летский, нв. = нижневьчегодский, печ. = печорский, скр. = присытывкарский, сс. = среднесольский, уд. = удорский.

Л и т е р а т у р а

- Ж и л и н а Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. 1961, Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар.
- Г у л я е в Е.С. 1975, Об анатомической терминологии коми языка. - СИУ III.
- Л ы т к и н В.И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- Л ы т к и н В.И., Г у л я е в Е.С. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва.
- 1975, Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка. - Коми филология (Труды Института языка, литературы и истории, вып. 18), Сыктывкар.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва, 1974.

- Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. 1966, Верхневыхгодский диалект коми языка, Сыктывкар.
- Тимушев Д.А., Колегова Н.А. 1961, Коми-русский словарь, Москва.
- Вегески, G. 1964, Etimológiai megjegyzések. - NyK LXVI.
- Иткoвeн, E. 1949, Beiträge zur Geschichte der einsilbigen Wortstämme im Finnischen. - FUF XXX.
- 1953-1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. - FUF XXXI.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja I-VI Helsinki 1955-1978.
- Тоивонен, Y.H. 1934, Über die vertretung des fiugr. anlautenden k im ungarischen. - FUF XXII.
- 1944, Etymologisches Wörterbuch der ungarischen Sprache. - FUF XXVIII.
- Уотила, Т.Е. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. - SUST LXV.
- 1939-1940, Etymologische beiträge. - FUF XXVI.

A. N. R a k i n
(Syktyvkar)

ANATOMISCHE NOMENKLATUR DER KOMI SPRACHE MIT
EINEM DEETYMOLOGISCHEN ELEMENT

Z u s a m m e n f a s s u n g .

Der vorliegende Beitrag ist einer linguistischen Analyse der Volks-anatomischen Nomenklatur der komi Sprache mit einem deetymologischen Element gewidmet.

Es werden Mononyme mit den Komponenten -vi, votš-, gir-, jez-, jer-, -kar, -kin'a, -ketš, -kim, -medz', ord-, -ser, s'u-, c'ur-, č'er-, -č'er, -šui betrachtet und wird festgestellt, daß die Anfangs- und Endteile der Bezeichnungen der Deetymologisierung unterzogen sind. Es werden auch die Wechselbeziehung zwischen diesen zwei Gruppen der Bezeichnungen sowie das spezifische Gewicht der angegebenen Kategorie der Wörter im System der anatomischen Terminologie bestimmt.

В. Черных
(Сыктывкар)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В СУФФИКСАЛЬНОМ
ОБРАЗОВАНИИ ГЛАГОЛОВ КОМИ ЯЗЫКА

Присоединение словообразующих аффиксов к производящей основе вызывает определенные морфонологические преобразования - изменение ударения, чередование гласных и согласных фонем, выпадение и вставку фонем (реже, сочетаний фонем), усечение производящей основы, наложение морфов и т.д. Происходит взаимоприспособление производящей основы и словообразующего аффикса.

Морфонологические явления, характерные для суффиксального образования глаголов в коми языке, рассматриваются нами в зависимости от двух уровней: 1) на уровне приспособления суффиксов к основе и 2) на уровне приспособления суффиксов друг к другу.

1.1. Ассимиляция.

Взаимоприспособление суффикса -й(ы)- и производящей основы, оканчивающейся на твердый согласный (из парных), происходит путем ассимиляции и приводит к образованию двух мягких согласных, например: лыдыныны 'читать, считать' < луд-йныны < лудйныны, ср. луд 'счет', веттыныны 'закрывать' < вет-йныны < ветйныны, ср. вет 'крышка'. Кстати, Ф.И.Видеман сомневался в суффиксальном характере й в последнем примере. Он зафиксировал его в то время, когда ассимиляция еще не произошла и полагал, что й в этом случае используется лишь в эвфонических целях, для благозвучия (Wiedemann 1884 : 78). По мнению В.И. Лыткина, ассимиляция с предварительным смягчением твердого согласного в диалектах коми языка - явление сравнительно новое. В древнепермском языке оно еще не имело места. Двойкий способ обозначения сочетания согласный + й (-дья, -дья) показывает на то, что язык памятников древнепермской письменности стоит на стадии смягчения согласного последующим й (СКЯ : 50). Полная ассимиляция, завершающаяся образованием двух мягких согласных, не наблюдается еще и

и в языке письменных памятников ХУШ в., в котором предшествующий согласный встречается в смягченном виде, напр., дыд-ись 'отец' лит. дыдысьсь 'читатель, читающий' (Кузнецова 1968 : 9). Очевидно, переход дй > ды > дыь и тй > ты > тыь завершился еще позже.

На стыке основы и простого первичного суффикса можно наблюдать явление аффрикатизации, заключающееся в том, что зубные взрывные (т, д) уподобляются последующей аффрикате, вследствие чего получаются две одинаковые аффрикаты, например: вотчыны, произносится воч'ч'ыны 'гнаться' < вотчн 'догнать', бордзыны 'заплакать' < бордн 'плакать' (СКЯ : 51).

Явление ассимиляции на стыке основы и простых первичных суффиксов и возникновение таким образом вариантов этих суффиксов является, наряду с дестимологизацией глаголов с первичными суффиксами, свидетельством в пользу тенденции к десементизации простых первичных суффиксов и слиянию их с основой.

1.2. Чередование согласного с нулем, заключающееся в том, что в некоторых словах перед суффиксом, который начинается с гласного звука (а таковыми в коми языке являются сложные глагольные суффиксы -ав, -ась, -од, -ышт), появляется один из согласных й, м, к, т. Случаи исторического чередования й ~ \emptyset выделяет Ф.И. Видеман: "Zuvörderst kann das j bisweilen nur eine bedeutungslose Erweiterung des Stammes sein, wie bei den Stämmen, welche auch in der Declination ein j anfügen" (Wiedemann 1884 : 78). Из вышеуказанных согласных чаще всего проявляется й: как правило, в глаголах, образованных от существительных, поскольку, как полагает В.И. Лыткин, в основах прилагательных, числительных, местоимений и глаголов произошло выравнивание основ и йот там не сохранился (Лыткин 1964 : 243). Таких существительных с односложной основой, в которых появляется й, В.И. Лыткин насчитывает свыше 150. Многие из них он возводит к финно-угорскому языку-основе, например: гыжъявн 'царапать' < гыж(й) 'ноготь, коготь' (КЭСЖ : 84), корьясьн 'покрыться листьями, листвой' < кор(й) 'лист'. Наблюдения В.И. Лыткина показывают, что этот звук появляется обычно в тех словах, основы которых в финно-угорском языке оканчивались на узкий гласный (-е), а в финно-угорских словах с основой на -а (-ä) этот звук, как правило, не появляется (Лыткин 1964 : 241). В удорском диалекте коми языка В.А. Сорвачева объясняет чередование й ~ \emptyset

действием фонетического закона гармонии звуков (Сорвачева 1972 : 62). Случаи чередования м ~ ∅ наблюдаются реже, нежели й ~ ∅, например: зонмавны 'вести холостую жизнь' < зон(м) 'парень', синмасьны 'начать видеть, стать зрячим (о слепорожденных детенышах зверей)' < син(м) 'глаз'. То же в глагольных основах: тöдмавны 'узнать', тодмасьны 'знакомиться, познакомиться', но тöдны 'знать' < доперм. *tumtʒ (КЭСК : 283) и т.д. К сожалению, проявление древних согласных в глагольных основах пока мало исследовано, что приводит к ошибкам в выделении суффиксов. В частности, Ф.И. Видеман отличает к, относящееся к основе в глаголах, образованных от субстантивных основ, и не выделяет чередование к ~ ∅ в отглагольных глаголах. Так, он правильно считает к принадлежащим основе в слове lyskalny (mit Zweigen bedecken) lys, а в следующих примерах он выделяет его в качестве суффикса в сочетании -ködny: petködny (herausnehmen), potködny (spalten), pötködny (sättigen) (Wiedemann 1884 : 79, 93). На чередование к ~ ∅ в этих глаголах верно указал Д.В. Бубрих, однако в глаголе узътодны 'дать спать, предоставить ночлег' < узъны 'спать' он рассматривает сочетание -тöд- как комбинацию двух суффиксов -т- и -öд- (Бубрих 1949 : 153), тогда как, по нашему мнению, мы здесь также имеем дело с проявлением древнего согласного основы. Очевидно, можно наблюдать не только чередование к ~ ∅, как полагает Д.В. Бубрих, но и т ~ ∅. Приведем некоторые примеры: водтöдны '1) уложить, 2) перен. уложить, свалить, сразить' < водны 'лечь', ср. доперм. *wʌntʒ (КЭСК : 60); локтавны 'приходить (о многих)' < локны 'прийти', ср. общеперм. *lgkt- 'прибыть, прийти' < доперм. *läkte- (КЭСК : 160). В глаголах пожнавны 'просеивать' и пызьнавны 'посыпать, присыпать, сеять (о дожде), порошить (о снеге)' и некоторых других отдельные исследователи усматривают глагольный суффикс -н-, оговариваясь, правда, при этом, что связь пермского н-ового суффикса с соответствующим в других финно-угорских языках не совсем ясна (Серебренников 1963 : 345; Галкин 1966 : 77). Сопоставление с родственными языками указывает на то, что н в указанных глаголах относится к именной основе (ср. ? морд. ponʒav- 'веять (зерно)'; манс. pasén 'мука' (КЭСК : 223, 235). Даже если допустить, что н является суффиксом, то нужно думать, что это очень древний и, вероятнее всего, именной суффикс, а никак не глагольный. С точки зрения современного языка, од-

нако, можно представить эти глаголы в качестве примеров проявления чередования н ~ ∅. Показательно, что чередование й, м, к, т ~ ∅ в отличие от интерфиксации звуков, наблюдается перед всеми сложными суффиксами в глаголах, образованных от одной основы, например: тувьясъсны '1) заниматься вбиванием, вколачиванием, 2) вклиниться, пристать, 3) застрять где-л.', тувьявны '1) вбить, забить, вогнать, 2) забить, заколотить, 3) прибить', тувьйштны '1) слегка вбить, забить, 2) прибить' < тув(й) 'гвоздь' или доктавны 'приходить (о многих)', доктыштны '1) придвинуться (к говорящему), 2) подойти, приблизиться (к говор.)' < докны 'прийти'.

Выделение исторического чередования й, м, к, т ~ ∅, в которых согласные совпадают фонетически с простыми первичными суффиксами, имеет большое значение, поскольку игнорирование его может привести к неправильному выделению суффиксов и суффиксальных контаминаций в современном коми языке.

1.3. Интерфиксация.

Чередование й ~ ∅, носящее исторический характер, необходимо отличать от интерфикса й, проявляющегося в определенных словообразовательных типах.

Интерфиксация й происходит в коми языке при образовании глаголов от изобразительных основ с помощью суффикса -ав-, например: бруньявны '1) летать с гуденьем, 2) пружинить, быть упругим', бозьявны 'тяжело ходить (о грузном, толстом человеке)', бовьявны 'качаться, болтаться, раскачиваться', китшьявны 'хихикать'. При образовании глаголов с суффиксом -ёд от изобразительных основ интерфиксация й не происходит, однако перед сочетанием суффиксов -ёдл она наблюдается регулярно, например: гурёдны 'тащить, волочить с грохотом, с тарактением', но гурйёдлыны 'таскать, волочить (в разные стороны)'. Причем, очевидно, по аналогии с такими образованиями й проявляется перед -ёдл и в глаголах, образованных от знаменательных основ, например: чутйёдлыны 'тыкать, истыкать, исколоть' < чут 'точка, точкачка', чркйёдлыны 'веять, тянуть прохладой' < чркид 'прохлада, свежесть', визьйёдлыны 'подчеркивать, проводить черту, прочеркивать' < визь 'линия, черта'.

Проявление исторического чередования й ~ ∅ и интерфиксация й в определенных словообразовательных типах усложняют выделение суффикса -й(ы)- в глаголах коми языка. При этом не-

обходимо также иметь в виду случаи лексико-семантического образования глаголов от существительных с древней согласной основы й-, например: хуййны 'отделять и сметать полову, мякину' < хуй(й) 'полова, мякина', чирййны 'мельчать, размельчать, крошить, дробить' < чир(й) 'крошка', увййны 'обрубать сучья, очищать от сучьев' < ув(й) 'сук', тобййны 'намотать (в моток)' < тоб(й) 'моток'.

Вышеуказанные случаи необходимо принимать во внимание при выделении суффикса -й(н)- в коми языке. Отличению суффикса -й(н)- от вставочного й способствует этимологический анализ слова, поскольку -й(н) как первичный словообразовательный суффикс можно наблюдать в словах других финно-угорских языков, вставочный же й развился в словах на собственно коми почве, в соответствии с фонетическими законами коми языка. В удорском диалекте коми языка в глаголах со сложными суффиксами, начинающимися с гласного, встречается интерфиксация г, д, к, м, например: дуджгöдны 'повысить, углубить', нджгöдны 'увеличить', еджгöдны 'побелить, сделать белым', югманвы 'блестеть, сиять' и др. По мнению В.А. Сорвачевой, эта интерфиксация носит сингармонический характер и появилась под действием звукового закона гармонии согласных (Сорвачева 1972 : 65).

1.4. Усечение основы, заключающееся в том, что в структуре мотивированного слова отсутствует конечная фонема (фонемы) основы мотивирующего слова (ГСРЛЯ : 44). При образовании слов на стыке производящей основы и словообразующего аффикса возникают звукосочетания, не характерные для данного языка, не отвечающие нормам сочетания фонем на морфемных швах. Это приводит к тому, что конец производящей основы упрощается, подвергается усечению. Д.В. Бубрих отмечает, что при образовании глаголов с первичными простыми суффиксами -т(н)-, -зь(н)-, -м(н)-, -д(н)- и сложными суффиксами -ав--, -ась--, -öд- от прилагательных на -нд, последний в мотивированном слове усекается, например:

1.4.1. чöстыны 'сделать сладким' < чöскыд 'сладкий', чорзыны 'затвердеть, зачерстветь' < чорыд 'твердый', лэчмыны 'стать острым' < лэчыд 'острый', едждыны '1) белиться, выбелиться (о холстах), 2) побелить' < еджыд 'белый', паськавны 'шириться, распространяться' < паськыд 'широкий', шыльöдны 'разглаживать, выравнивать' < шыльыд 'гладкий' (Бубрих 1949 : 145-147).

1.4.2. Разнообразные случаи усечения основы происходят в образовании глаголов от субстантивных основ при помощи сложных суффиксов **-ав**, **-ась**, **-ёд**, **-шт**. Если глаголы мотивированы существительными с непродуктивными именными суффиксами, гласные суффиксов регулярно подвергаются усечению, например, гласный и усекается в следующих суффиксах производящей основы:

1.4.2.1. **-шт-**: букшасьны '1) хмуриться, 2) поглядывать исподлобья, злиться, коситься на кого-л.' < букшы 'хмурый, угрюмый'.

1.4.2.2. **-ни-**: рогнавны, рогнасьны 'строгать скобелем' < рогын 'скобель'.

1.4.2.3. **-ць-**: нюгласьны 'извиваться' < нюгыль 'минога', туплявны 'скатать в клубок' < тупыль 'клубок'.

1.4.2.4. **-нр-**: чукравны 'мять, комкать', чукрёдлыны 'мять, измять, смять, 2) морщить, корчить, 3) моргать' < чукыр 'морщина, складка'.

Гласный ё подвергается усечению в следующих суффиксах производящей основы:

1.4.2.5. **-бль-**: чеплясьны 'щипаться, щипать' < чеполь 'щепоть, щепотка'.

1.4.2.6. **-бр-**: кымрасьны 'ходить (об облаках), хмуриться (о небе)' < кымбр 'туча, облако', чомрасьны 'закрывать, щуриться (о глазах - от едкого дыма)' < чомбр 'шалаш, лесная избушка'.

1.4.2.7. **-ёс-**: чатрасьны '1) запрокинуть голову, 2) оглядеться по сторонам, озираться' < чатрёс 'держачий голову высоко поднятой', котсасьны 'пригореть, подгореть' < котшоёс 'запах гари'.

1.4.2.8. Усечение гласного а происходит в суффиксе производящей основы **-ан-**: кыснавны 'ловить рыбу на блесну, дорожку' < кыснан 'блесна, дорожка', чипсасьны 'играть, свистеть (на чипсане)' < чипсан 'род свирели из стебля дягиля', пывсьодны 'парить кого-л. (в бане)' < пывсян 'баня'.

1.4.2.9. Гласный и усекается в суффиксе **-ин-** основы: козьнавны 'одарить свадебным подарком' < козин 'подарок'.

1.4.2.10. Гласный о выпадает в суффиксе **-од-** (**-ов-**) основы: кытшлавны 'ходить, обходить вокруг кого-чего-л.' < кытшов 'круг, кряк, обход', иславны 'кататься', ср. исковтны 'катиться, скатиться, покатиться', гумлавны 'черпать, вычерпывать', ср. гумовтны 'черпнуть, зачерпнуть'. Исходя из этих

слов, некоторые исследователи (Жилина, Бараксанов 1971: 139) выделяют в коми языке сложный суффикс -лав (из -л + -ав), что кажется нам ошибочным, поскольку звук л, существующий в исковтны и отсутствующий в иславны, является первичным (см. доперм. *уvkз (КЭСЖ : 110). Кроме того, в глаголах с -овт выделяется первичный суффикс -т(н) и легко объясняется мотивация глагола - "совершить действие, названное мотивирующей основой". Очевидно, глаголы с -овт представляют собой первую ступень образования глагольного суффикса -овт < -ов + -т(н), поскольку в коми языке сохранилось слово кытшов 'обход, круг' а слов гумов и исков нет.

Анализ примеров показывает, что чаще подвергаются усечению гласные н, о, а, первые два из которых появились в системе вокализма коми языка сравнительно недавно (по мнению В.И. Лыткина, н < общеп. *н (о, *о), е < общеп. *о (Лыткин 1964 : 231).

1.4.2.II. Суффикс -ас- в составе производящей основы при образовании глаголов усечается: шебрѳдны 'накрыть, прикрыть, укутать' < шебрас 'одеяло, покрывало', дѳсавны 'тесать' < дѳсас 'затес, зарубка', тубравны 'свертывать' < тубрас 'сверток, узелок'.

1.4.2.I2. При мотивации глаголов со сложными суффиксами -ав, -ась-, -ѳд- наречиями, показатели последних подвергаются усечению, например: ѳтвьстьасьны 'стать, оказаться на одной линии, на одном уровне' < ѳтвьстьѳн 'друг против друга, на одной линии', ѳтлаѳдны, ѳтлаавны '1) соединить, присоединить, 2) объединить, 3) смешать' < ѳтлаан 'в одном месте, на одном месте'.¹

Повторение в производящем и производном слове одинаковых фонетических комплексов (корней) может привести к сомнению в фонетическом характере усечения и к предположению об использовании в словообразовании глагола производящей "первоосновы", не осложненной какими-либо суффиксами, что, однако, вызывает некоторые возражения. Во-первых, говоря о словообразовании, мы имеем в виду структурно-семантические отношения производящего и производного, а не только чисто структурные, исходя из которых возможно объяснить происхождение от одного корня слов данного словообразовательного гнезда, а не типа.

¹ В приведенных примерах можно предположить мотивацию глаголов относительными прилагательными с суффиксом -а, однако, мотивация наречиями кажется нам более легко объяснимой, поскольку указанные прилагательные в словаре современного коми языка, напр., КРС, не зафиксированы.

Мотивацию глаголов "первоосновой" иногда невозможно установить, тогда как мотивация рассматриваемых нами глаголов прилагательными и существительными прослеживается до общепермского языка, напр., ноглясьны 'извиваться' < общеп. *n'ugil' 'вид рыбы (пескарь, пескоройка)' (КЭЖ : 199). Во-вторых, одним из явлений, характерных для эволюции структуры корня в пермских языках, Т.И. Тепляшина считает отпадение конечных гласных, имевшее место в прапермском языке (Тепляшина 1978: 266, 274). Усечение основы, как указывалось нами выше, характерно для межкатегориального образования глаголов от именных основ, и именно для них Т.И. Тепляшина приводит достаточно убедительное количество примеров такого отпадения. В-третьих, даже если допустить, что в качестве производящей использовалась "первооснова", то при образовании глаголов с помощью сложных суффиксов, начинающихся с гласных звуков, фонетическое усечение основы имело место независимо от фонетических процессов в мотивирующих прилагательных и существительных, т.е. уже в производном глаголе, в соответствии с общим процессом упрощения структуры многосложных слов (СКЯ : 54), что доказывается этимологическим анализом. Так, мы предлагаем, что чорзыны 'твердеть' < общеп. *č'orit 'твердый', доперм. *č'yrz- (КЭЖ : 310) или чеплясьны 'щипаться' < общеп. *č'pəl 'ущипнуть', доперм. *č'ypre- (КЭЖ : 303). Тогда, возможно, имел место следующий процесс: č'yrz3 + -z'3 > č'yrz3z'3- > č'yrz'3- или č'ypre- + -l'3- + -as' > č'yprel'3as'- > č'yp'l as'-.

Итак, фонетическое усечение основы характерно для межкатегориального образования глаголов от именных основ с помощью сложных суффиксов, начинающихся с гласных звуков, хотя наблюдаются также отдельные случаи усечения основы на уровне производящей основы и простого первичного суффикса.

2. Взаимоприспособление суффиксов в суффиксальных контактах происходит путем ассимиляции. При этом происходит образование диалектных вариантов суффиксов. Так, в присык - тывкарском, верхнесокольском и вымском диалектах д, т > ч перед ч, и в связи с этим суффикс од > оч, т.е. согласный суффикса аффрикатизируется, например: скр. жаккоччины 'драться не по правилам, хитрить в драке'; айт > айч, уйт > уйч, итч > ичч, например, скр. пестуйччины 'биться, метаться', из'-н'айччины 'потеряться, деться куда-л.' зумбариччины 'нахмуриться, насупиться'.

В нижневычегодском и удорском диалектах наблюдается неполная аффрикатизация, т.е. оглушение и смягчение т, д перед ч в суффиксах. Так, од > од' или от', например: нв. кышод'-чины 'сплавлять лес, заниматься сплавом леса'; уйт > уйт', ит > ит', овт > овт', например: нв. көрөстуйт'чины 'пользоваться чужим добром, извлекать из него пользу, барьян', доровт'чивны 'покоситься, посмотреть искоса, сбоку', л'эжит'-чины 'заниматься проведением борозд по посеву для стока воды'.

Отметим, что ассимилятивные явления, особенно аффрикатизация, на стыке производящей основы и словообразовательного аффикса требуют дальнейших экспериментальных исследований.

Итак, для суффиксального образования глаголов в коми языке характерны: 1. на уровне производящей основы и простого первичного суффикса и на уровне суффиксов - ассимилятивные явления, 2. на уровне производящей основы и сложных суффиксов - чередование согласных с нулем, интерфиксация д, усечение основы. Правильное выделение суффиксов и определение их статуса возможно только при учете всех описанных нами морфологических явлений.

С о к р а щ е н и я

ГСРЛЯ = Грамматика современного русского литературного языка. Москва, 1970; КРС = Коми русский словарь. Москва, 1961; КЭСЖ = Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970; нв. = нижневычегодский диалект коми языка; скр. = присытывкарский диалект коми языка; СКЯ = Современный коми язык, I. Сыктывкар, 1955.

Л и т е р а т у р а

- Б у б р и х Д.В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- Г а л к и н И.С. 1966, Историческая грамматика марийского языка, II, Морфология, Йошкар-Ола.
- Ж и л и н а Т.И., Б а р а к с а н о в Г.Г. 1971, Присытывкарский диалект и коми литературный язык. Москва.
- К у з н е ц о в а З.И. 1968, Язык коми письменных памятников 18 в. (Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. канд. фил. наук).

- Л и т к и н В.И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- С о р в а ч е в а В.А. 1972, Удорский диалект коми языка. Научный отчет за 1969-1972 гг. Архив ИФАН СССР, ф.5, оп. 2, ед. хр. 92.
- Т е п л я ш и н а Т.И. 1978, Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках. - В кн.: Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва, 266-325.

V. C h e r n y s h
(Syktyvkar)

MORPHONOLOGICAL CHANGES IN VERB DERIVATION OF THE
KOMI LANGUAGE

S u m m a r y

The present article deals with the processes of mutual accomodation of the stem and verb-building suffixes in the Komi language: assimilation, interchange of consonant ω zero, interfixation of j and shortening of the stem. They are treated separately depending on the level of the stem and primary suffixes and the suffix level. Description of all these phenomena is of great importance; since the correct identification of suffixes is possible only on condition that these changes are taken into consideration.

МАРИЙСКИЕ ОРНИТОНИМЫ-СИНОНИМЫ

Синонимические отношения пронизывают весь лексический состав марийского языка. Не исключение в этом отношении и орнитонимы. Словарь синонимов марийского языка содержит пять рядов названий этой лексической темы: 1. арыслан, куткыж, пўркыт, орёд 'орёл' /Иванов, Мустаев 1975 : 20/; 2. кўрка, немыччыве 'индюк' /42/; 3. орлудо, тришка, изилудо, притка 'дикая утка' /55/; 4. брш, йошкарон 'снегирь' /57/; 5. пёрт-кайык, сарси 'воробей' /62/. К этому еще можно добавить по меньшей мере 19 синонимических рядов, состоящих из марийских орнитонимов.

Вступая в синонимические отношения, марийские названия птиц образуют две группы синонимических рядов.

1. Тождественные, абсолютные синонимы, когда оба орнитонима равнозначны, взаимозаменяемы: амырт, колегуш 'красный коршун' (*Milvus milvus*); вараксим, чезек 'ласточка' (*Hirundo rustica*); вырлянте, чывызык 'трясогузка' (*Motacilla alba*); тўлеген, лачым 'сокол' (*Falco peregrinus*). Вышеобозначенные синонимические ряды орнитонимов, как видно из примеров, в большинстве случаев содержат два члена, такова в основном и природа абсолютных синонимов, которые еще называют дублетами. Их можно обозначить формулой 'название - название'. Особенностью этой группы синонимов является и то, что каждое название указывает на данную птицу прямо, при упоминании орнитонима мы сразу представляем объект.

2. Другая группа синонимов - синонимы-орнитонимы, у которых один из членов ряда образован описательным способом, что достигается путем словосложения или словосочетания. Поэтому они имеют какие-то дополнительные сведения о данной птице, если принимать во внимание значение каждого компонента, составляющие орнитоним: агавоктышо кайык, турий 'жаворонок' (*Alauda arvensis*), агавоктышо кайык сложный орнитоним: ага 'поле'+поктышо 'гонящий' /п в интервокальном положении озвончается/ + кайык 'птица'; дывыгочшо, йўдвараш 'козодой' (*Caprimulgus europaeus*), дывыгочшо сложный орнитоним: дыве

'бабочка' + кочшо 'питающийся' /к в интервокальном положении озвончается/, Йудвараш также сложная номинация: Йуд 'ночь' + вараш 'ястреб'; бри, Йошкарон, Йошкаронан кайнк 'снегирь' (Rutghula rutghula), в данном ряду два сложных названия: Йошкарон и Йошкаронан кайнк, Йошкар 'красный' + он 'грудь' + кайнк 'птица'.

В эту группу входят орнитонимы-синонимы, один из которых связан с названием целого класса, а другой или другие - с названием рода или просто называют вид: пёрткайнк, сарси, кудогайнк 'воробей' (Passer domesticus), в данном случае два члена синонимического ряда связаны со словом кайнк, обозначающим целый класс - кайнк 'вообще птица' (Aves). Таким же образом построены следующие синонимические ряды орнитонимов: шурнигочшо кайнк, шурнивоч, шудьгайнк 'овсянка' (Emberiza citrinella); апшаткайнк, паште 'дятел' (Dendrocopus major); киса, кисагайнк 'свицца' (Picus major). Синонимические орнитонимы этого вида можно обозначить формулой: 'класс с описанием каких-то особенностей - вид'.

К этой же группе относятся синонимы-орнитонимы, которые могут быть выражены формулой 'род с описанием каких-либо особенностей - вид': иркёгёрчен, кеде 'дикий голубь' (Columba zepas), в данном случае название иркёгёрчен сложное: ир 'дикий' + кёгёрчен 'голубь' (Columba), первая часть названия указывает на особенность, а вторая - на род; керге, шемпшште 'желна, черный дятел' (Dryocopus martius), здесь название шемпшште состоит из двух частей: шем 'черный' + пшште 'дятел', слово керге прямо называет данную птицу.

Особенностью данной группы орнитонимов-синонимов является то, что один из членов данного синонимического ряда указывает на определенную птицу не прямо, а косвенно, т.е. через название другой птицы или же просто описывает птицу, отмечая какую-либо характерную особенность, приписывая это к классу или к роду.

Данные две группы орнитонимов-синонимов схематично можно показать так, чтобы яснее увидеть различие одного от другого.

1-ая группа		2-ая группа	
объект		объект	
<u>түлеген</u>	<u>лачым</u>	<u>шемпшште</u>	<u>керге</u>
'сокол'	'сокол'	'желна'	'желна'
1-ое назв.	2-ое назв.	1-ое назв.	2-ое назв.
понятие		понятие	

Источники возникновения орнитонимов-синонимов в марийском языке разнообразны, взаимосвязаны со многими внутрилингвистическими и экстралингвистическими явлениями. Ведь недаром же говорят: "Словарь народа - это ведь и мышление народа; это его история, его быт и труд" /Югов 1962 : 6/. Рассмотрим некоторые источники образований марийских орнитонимов-синонимов.

1. Одним из источников образования синонимики орнитонимов следует считать наличие в марийском языке диалектов и говоров, которые различаются и лексически. Эти различия отражаются и в орнитонимах, что служит источником образования синонимических рядов в этой лексической теме марийского языка.

В марийском языке ласточка имеет два названия вараксим и чезек. Орнитоним вараксим распространен в северо-восточной части Марийской АССР, а в Волжском, Звениговском районах употребительным является чезек, даже имеется название цветка, которое связано с этим орнитонимом: чезекйол 'гвоздика', т.е. цветок похожий на ноги ласточки.

Вырлянте, чывзык 'трясогузка' (*Motacilla alba*). Орнитоним чывзык опять же распространен в Волжском и Звениговском районах Марийской АССР, а данные районы составляют волжский говор лугового наречия марийского языка. В моркинско-сернурском и большей части Йошкар-Олинского говора употребляется орнитоним вырлянте, что создает возможность рассматривать данные названия как синонимы.

Орнитоним кайковда 'филин' (*Vubo vubo*) употребляется в Мари-Турекском и отчасти Параньгинском, Сернурском, Куженерском районах, в других же районах наиболее употребительным является вунгб.

Так особенности говоров способствуют образованию синонимических рядов в названиях птиц марийского языка.

2. Другим источником синонимики орнитонимов являются заимствования и проникновения из других языков, которые имеют место и в настоящее время (особенно из русского языка). Этот источник тесно связан с историей самого марийского языка, народа.

Иранские проникновения следует считать наиболее ранними. Из числа таких можно отметить орнитоним варсенге 'береговая ласточка' (*Riparia riparia*), который с названием сергайик и курежан составляет один синонимический ряд /Казанцев 1980 : III/.

В конце VII и в начале VIII века мари́цы столкнулись с булгарами, предками чувашей. Начинается период болгарских заимствований и проникновений в мари́йском языке. Были приняты и орнитонимы, что способствовало увеличению числа орнитонимов-синонимов.

Название сарси 'воробей' (*Passer domesticus*) проникло из болгарских источников, ср. чув. серси /Казанцев 1972 : 81/, ареал распространения которого непосредственно соприкасается с чувашской территорией и в настоящее время. А в мари́йском языке имеются орнитонимы пёрткайк (пёрт 'дом' + кайк 'птица') и кудогайк (кудо 'дом, летняя кухня' + кайк), вторая часть которых также является вошедшим из чувашского языка словом, ср. чув. кайк 'птица' /Казанцев 1972 : 81/. К данному же разряду относятся лексемы киса 'синица', ср. чув. ка-сая 'синица', лачым 'сокол', ср. чув. лачём 'сокол' /81/, а если принять во внимание орнитонимы с компонентом кайк 'птица', то данный список можно продолжить следующими синонимическими рядами: агавоктышо кайк (ага 'поле' + поктышо 'гоняющий' + кайк) - турий 'жаворонок'; шурныгочшо кайк (шурно 'зерно' + кочшо 'питающийся' + кайк) - шурнывоч (шурно 'зерно' + поч 'остатки зерна после сбора') - шўльгайк (шўльб 'овес' + кайк) 'овсянка'; апшаткайк (апшат 'кузнец' + кайк) - шиште 'дятел'; чиегайк (чием 'одежда' + кайк) - пункиса (пун 'пух' + киса 'синица') 'пеночка садовая' и т.д.

В XIII веке мари́цы оказались под властью татаро-монгол. С возникновением Казанского ханства татарское влияние на мари́йцев значительно усилилось, что нашло отражение и в лексике мари́йского языка. Если говорить об орнитонимах, то были восприняты такие названия птиц, как кўрка, ср. тат. кўрка 'индюк', көгөрчен, ср. тат. күгәрчән 'голубь' /Казанцев 1972 : 84/. Они, вступая в синонимические отношения с другими названиями, образуют синонимические ряды: кўрка, немьччыве 'индюк'; иркөгөрчен, кеде 'дикий голубь'. Арслан 'орёл' также является лексической единицей татарского происхождения /Гордеев 1979 : 150/ и вместе с проникшим из русского языка названием орёл образует самостоятельный синонимический ряд. Авторы мари́йского синонимического словаря /Иванов, Мустаев 1975 : 20/ в этот же ряд включили названия пўркыт и куткыж, хотя они образуют другую синонимическую пару. Орнитоним пўркыт заимствован из татарского языка; тат. бёркет 'беркут, орёл' /Казанцев 1972 : 84, Исанбаев 1980 : 138/. Тот факт, что они

образуют два синонимически ряда, может быть проиллюстрирован данными марийско-русского словаря: арыслангайк В. 'орёл' /35/; куткаж (кайк) 'беркут' ср. пуркит /250/. В определителе птиц СССР /Гладков и др. 1964 : 259, 260/ также отмечены два вида орла: беркут (*Aquila chrysaëtus*) и большой подорлик или орёл-крикун (*Aquila clanga*), территория распространения которых охватывает и Марийскую АССР.

В последнее время лексика марийского языка восполняется русскими заимствованиями, а также проникают русские лексемы, конкурируя с исконно марийскими словами. Они способствуют увеличению числа орнитонимов-синонимов. В предыдущем примере проводилось название орёл, которое в устной разговорной речи марийцев в настоящее время является преобладающим. Орнитонимы аист и чайка восходят к русскому источнику и образуют синонимические пары с названиями мыгыльшү 'аист' и колшыре 'чайка' (соот. *Ciconia ciconia* и *Sterna hirundo*). Марийско-русские взаимодействия этим не ограничиваются. Так, например, русские, проживая совместно с марийцами, а также по соседству (Санчурский район Кировской области, Килемарский район Марийской АССР), восприняли орнитоним вараш, который в настоящее время у них употребляется как синоним с названием ястреб.

3. У одной и той же птицы может быть несколько особенностей. При номинации одна группа людей замечает одну особенность, что связано с очень многими факторами, другая - другую. В итоге существуют несколько орнитонимов, характеризующих одну и ту же птицу по разным признакам. Данный источник близок к говорному источнику, но не тождественен, внутри одного и того же говора могут существовать названия-синонимы, определяющие птицу по разным особенностям.

Коршангайк, в некоторых местах еще называют коршангивуйгайк, и кынегочо 'коноплянка' (*Acanthis cannabina*). В то время, когда марийцы занимались возделыванием конопли (мар. кыне), данная птица в большинстве случаев называлась кынегочо (кыне 'конопля' + кочшо 'питающийся'), так как она питалась и семенами этой культуры, а в настоящее время, когда выращивание конопли ушло в прошлое, её чаще можно видеть на кустах репейника (мар. коршанге), с чем и связаны два других названия синонимического ряда.

К этой же группе относится синонимическая пара чигайк и пункиса 'печочка садовая' (*Phylloscopus borealis*). Оба на-

звания отмечают одну и ту же особенность, но по-разному. У этой птицы поверх перьев имеется желтый налет пуха, создается видимость, что она во что-то одета, отсюда и название чигайк (чием 'одежда' + кайк 'птица'). Другой орнитоним также отмечает наличие пуха: пункиса (пун 'пух' + киса 'синица').

4. Орнитоним кайковда 'филин' (Vubo vubo) связан с мифическим существом овда. С этим названием древние марицы связывали свои беды и несчастья. Если овда рассердится, то проклинает деревню, где живут те, на которых рассердилась. После этого эта деревня должна исчезнуть. А филин как раз кричит страшно, иногда этот крик похож на плач человека, да еще по ночам, то марицы отождествили мифическое существо с птицей, прибавляя при этом к названию овда компонент кайк 'птица'. Другим членом этого синонимического ряда является орнитоним ўнгб, восходящий к чувашскому источнику, ср. чув. ўхё.

Видимо, с верованием в бога связано название ўмынтага 'бекас' (*Gallinago media*), т.е. 'божий баран'. Другой орнитоним куптага 'болотный баран'.

Большинство синонимических рядов, состоящие из орнитонимов, связаны сразу с несколькими источниками.

Таким образом, можно отметить, что орнитонимы в марицком языке образуют довольно многочисленные синонимические ряды, чем достигается гибкость, выразительность языка.

СПИСОК ОРНИТОНИМОВ-СИНОНИМОВ

Арслан	орёл	<i>Aquila clanga</i>
Орёл		
Агавоктышо кайк Турий	жаворонок	<i>Alauda arvensis</i>
Апшаткайк Шште	дятел	<i>Dendrocopos major</i>
Амырт Колегуш	красный коршун	<i>Milvus milvus</i>
Еараксим Чезек	ласточка	<i>Hirundo rustica</i>
Еарсанге Сергайк Куредан	береговая ласточка	<i>Riparia riparia</i>

Вирлянге Чыбызык	трясогузка	<i>Motacilla alba</i>
Кеде Иркёбөрчен	дикий голубь	<i>Columba oenas</i>
Керге Шемшиште	желна, черный дятел	<i>Dryocopus martius</i>
Колшыре Чайка	чайка	<i>Sterna hirundo</i>
Коршангыгайык Коршангывуйкайык Кынегочшо	коноплянка	<i>Acanthis cannabina</i>
Кынегайык Ужар онан кайык	зеленушка, лесная канарейка	<i>Chloris chloris</i>
Куткык Куркыт	беркут	<i>Aquila chrysaëtus</i>
Күрка Немыччыве	индюк	<i>Tetraogallus domesticus</i>
Дыныгочшо Кудвараш	козодой	<i>Caprimulgus europaeus</i>
Мыгылышу Аист	аист	<i>Ciconia ciconia</i>
Орлудо (арлудо) Тришка Изилудо Притка	дикая утка	<i>Oenas platyrhynchos</i>
Орш Кошкарон Кошкаронан кайык	снегирь	<i>Pyrhula pyrrhula</i>
Пёрткайык Сарси Кудогайык	воробей	<i>Passer domesticus</i>
Түлеген Лачым	сокол	<i>Falco peregrinus</i>
Үнгө Кайыковда	филин	<i>Bubo bubo</i>
Лурныгочшо кайык Лурнывоч Пуллыгайык	овсянка	<i>Emberiza citrinella</i>
Чиегайык Пункиса	пеночка садовая	<i>Phylloscopus borealis</i>
Юмынтага Куптага	бекас	<i>Gallinago media</i>

Л и т е р а т у р а

- Г л а д к о в Н.А., Д е м е н т ь е в Г.И., П т у ш е н к о Е.С., С у д и л о в с к а я А.М. 1964, О п р е д е л и т е л ь п т и ц С С С Р , В ы с ш а я ш к о л а .
- Г о р д е е в Ф.И. 1979, Э т и м о л о г и ч е с к и й с л о в а р ь м а р и й с к о г о я з ы к а , Й о ш к а р - О л а .
- И в а н о в И.Г., М у с т а е в Е.Н. 1975, М а р и й с и н о н и м м у т е р , Й о ш к а р - О л а .
- И с а н б а е в Н.И. 1980, Т а т а р с к о е л е к с и ч е с к о е з а и м с т в о в а н и е и х т и п ы . - В о п р о с ы г р а м м а т и к и и л е к с и к о л о г и и , Й о ш к а р - О л а .
- К а з а н ц е в Д.Е. 1980, К в о п р о с у о м е с т е и в р е м е н и п р о н и к н о в е н и я и р а н с к и х с л о в в д р е в н е м а р и й с к и й я з ы к . - В о п р о с ы г р а м м а т и к и и л e k c и k o л o g и и , Й o ш k a p - O л a .
- К а з а н ц е в Д.Е., П а т р у ш е в Г.С. 1972, С о в р е м е н н ы й м а р и й с к и й я з ы к . Л e k c и k o л o g и я , Й o ш k a p - O л a .
- М Р С 1956 - М а р и й с к о - р у с с к и й с л о в а р ь , М о с к в а .
- Д г о в А.К. 1962, С у д ь б а р о д н о г о с л о в а , М о с к в а .

V. V a s i l j e v

(Tartu)

ORNITHONYMES-SYNONYMES DANS LA LANGUE DU PEUPLE MARI

R é s u m é

Dans la langue du peuple mari on peut distinguer par affinité des significations deux groupes de ornithonymes-synonymes: 1. Denominations absolument synonymes: КУТКЫЖ-ПҮРКЫТ 'vautour'; 2. Ornithonymes-synonymes, ou un des membres de la serie n'indique pas l'oiseau directement, mais indirectement, c'est à dire par quelques symphomes distinctifs, en comparant avec un autre oiseau: ШЕМШИШТЕ-КЕРДЕ 'noir pic' / ШЕМ 'noir' + ШИШТЕ 'pic' /.

Les sources ces de la formation des ornithonymes-synonymes sont: 1' existence des dialectes et des parlers dans la langue marienne, emprunt et pénétration d'autres langues, nomination par différents indices, la connection du nom avec un être mythique.

LIIVI VERBISUFIKS (vokaal) + -tt-

Tänapäeva liivi keeles on 7 algupärast verbisufiksit, mis on erineva produktiivsusega. Neist viit on lähemalt käsitletud seni ilmunud artiklreis.¹ Suurema rühma moodustavad verbid, milles leidub peamiselt kausatiivsust väljendav liide -tt- ~ -t-. Järgnevas vaadeldakse neid verbe, milles vokaalile liitub -tt-. Põhimõtteliselt võib vokaali positsioonis olla ka diftong.

ärmättä 'armastada.

un ärmatg Tēdi un Taedd jemant un Taedd laepši'

(LK, 377) 'Ja armastagu Teid ja Teie naist ja Teie lapsi.'

Verb ärmättä leidub juhusliku tuletisena ühe liivlase kirjas. Tegemist on hälbimusega põhiverbist ärmastō, mis on germaani laen.

borättä 'müristada'.

Borät pr. borätob (lvSal murz) donnern, krachen,

dröhnen, brüllen (LDW, 10); länz,ie borättis pigä amä ie (LW, 26) 'Möödunud ööl müristas peasegu kogu öö'; pitki borättäB / sür_kabälâks / ku lasküb / sis_ka borättäB (KL) 'Pikne müristab. Suurtükiga kui lastakse, siis ka müristab'; borättimi um sie / ku pitki borättäB (Va) 'Müristamine on see, kui pikne müristab'.

¹ E. V ä ä r i : Frekventatiivse ning retsiprookse liitega verbid ja algupäraste liidetega adverbid liivi keeles. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 323. Tšid eesti filoloogia alalt, IV, Tartu 1974, lk. 35-105; Liivi verbisufiksid -b- ja -g-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 344. Fenno-ugristica, Труды по финно-угроведению, I, Tartu 1975, lk. 371-378; Liivi verbisufiks -iks-. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 382. Fenno-ugristica, Труды по финно-угроведению, 2, Tartu 1976, lk. 67-89; Liivi verbisufiksid -nd- ja -z-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 517. Fenno-ugristica, Труды по финно-угроведению, 6, Tartu 1980, lk. 146-161.

Verb borättä (vrd. e. põratada, sm. porahtaa) on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest pora- ~ pera-. Muutus p > b sõna alguses on onomatopoeetilistes verbides ootuspärane.

õvättä 'hoovata, voolata lasta'.

Õvat pr. õvatõb (uvat) strömen lassen, abzapfen (Birkenwasser) (LDW, 139); õvatab (KA) 'Hoovab'; evättä (LW, 52); veiz evättäB (Kl) 'Vesi voolab'.

Verb evättä on ühendatav eesti sõnaga uha (lii uhama 'suur auk teel'), vadja sõnaga uhava 'suur lomp' (registreeiritud Mati külast). Lähedane on ka soome hiuva 'aeglaselt juhtida'.²

globättä 'klõbistada, klõbiseda'.

Globät pr. globätõb (auch globInt pr. globIntõb) klappern, klopfen (LDW, 18); tül globättä läb lödidi (LW, 59) 'Tuul klõbistab aknalaudu'; väldistäz azä globättäB (LW, 59) 'Lahtiselt asi klõbiseb'; min gi azä globättäB (Kl) 'Mingi asi klõbiseb'.

Verb globättä (vrd. e. Kod klobättama 'ühekordset, äklist klõbinat tekitama') on tuletatud onomatopoeetilisest verbist kloppä 'kloppida'. Muutus k > g sõna alguses on ootuspärane.

golättä 'vuliseda'.

Golät pr. golätõb rauschen (LDW, 18); vez jüokšõb golättä (LW, 60) 'Vesi jooksev vulisedes'; ku ve z jüokšõB/ sie um golättäks (Va) 'Kui vesi jookseb, see on vulisemine'.

Verb golättä (vrd. e. kolatada, sm kolata, koluttaa) on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest kola-. Liivi keeles on sõna alguses toimunud muutus k > g.

imättä 'proovida'.

tüggät sürt ta ggäd, minä koläb imättä, mis sääl um (LW, 72) 'Tooge suured tangid, ma püüan proovida, mis seal on'.

² L. K e t t u n e n , LW, lk. 52.

Verb imäit̄ä leidub haruldase kirjapanekuna Kettuse sõnaraamatus. Aluseks võib olla läänemeresoome tüvi *ihme (vrd. lv im, e ime, sm ihme). Lähedane verb on e Nõo imet-tämä 'imestama'.

imūt 'himustada'.

Imūt pr. imūtob lüstern sein (LDW, 21).

Verb imūt (vrd. vđj imotta, imottaq, sm. himottaa, vps himotada) leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud sõnast imū, mis on eesti laen liivi keeles.

istät 'istuma panna'.

Istät pr. istätob setzen (LDW, 23).

Verb istät leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud läänemeresoomelise tüvega sõnast istä 'istuda'. Keeletarvituses on tänapäeval istätä 'istuma panna, istutada'.

jelät̄t̄ä 'elustada, töötada'.

Jelät pr. jelätob leben; arbeiten; ulz j. verdienen; jelätob geflütert (LDW, 25); kis küqländ veib jelät-tä (LW, 87) 'Kes surnut võib ellu äratada'; selli jelättini äb veļ vālda (Kl) 'Selline elustamine ei või olla'; jelät-tšB / ku v^gitš tieB (Va) 'Töötab [=liigub], kui õlut teha'.

Verb jelättä (vrd. e elatada, sm elättää) ei kuulu keeletarvitusse. Kirjapanekuis on sõna kasutatud jühuslikus tähenduses nagu sõna jellä 'elada, töötada, liikuda'. Verb jelättä on ilme eesti laen. Sõnatüvi on ka liivi keeles olemas (vrd. jel 'elumaja').

jovättä 'jahvatata'.

Jovät pr. jovätob mahlen lassen, mahlen (LDW, 27); perimiez jovättšp tulikkäl (LW, 92) 'Peremees jahvatab tuulikul'; jovätä (GLL, 250) 'Jahvatada'; jovättšB / sis ne jovättist s'edä (Kl) 'Jahvatab, siis nad jahvatasid seda'; jovättšb joudi / perimiez lešš jovättšm (Va) 'Jahvatab ja-hu, peremees läks jahvatama'.

Verb jovättä (vrd. e jahvata, sm jauhattaa, krjL dauhoda) on tuletatud genuinsest tüvest *jauha- (vrd. lv jou 'jahu'. Muutus h > y on antud positsioonis reeglipärane.

jõttä 'jahutada'.

Jot pr. jotob (jat pr. jatob) abkühlen, kalt werden lassen (LDW, 26); alä jõt tubbä (LW, 93) 'Ära jahuta tuba'; ku midägäst um klieb / siz ne jöttäbäd (Kl) 'Kui midagi on keev, siis nad jahutavad'; siz um röz jöttämäst (Va) 'Siis tuleb natuke jahutada'.

Verb jõttä (vrd. e jahutada) on tuletatud läänemeresoome keelte lõunarühmas tuntud tagavokaalsest tüvest *jah-.

jürmättä 'uimaseks jääda, närbuda'.

Jürmatton pl jürmattond berauscht (LDW, 28); püdät kilmast jürmättänd (LW, 98) 'Puud on külmast närbunud'; jürmatob juopua; jürmatän juopunut (KA); püdättä jürmättänd (Kl) 'Puud on närbunud'; jürmättäB / um neka röz jëlät / neka nərbän (Va) 'Närbub, on nagu natuke elus, nagu närbunud'; järä jürmättän / järä nərbän (Va) 'Uimaseks jäänud, ära närbunud'.

Verb jürmättä kuulub keeletarvitusse, kuigi võidakse eksida tähenduses, nagu lauses siz um välde jürmat päl / püdättä jürmättänd (Kl) 'Siis on valge härmatis peal, puud on härmatanud'. Verbi jürmättä aluseks võib olla Kettuse poolt tuletatud tüvi *jürmatta- koos eL murdeis leiduva verbiga *jürmistämä. Seos sõnadega ürma ja ürmättä³ on kaheldav häälikuliste mittevastavuste tõttu, samuti on raske leida semantilisi seoseid (vrd. e Se hurmatama, hurmahutma 'vihaselt, pahaselt kätama, (lühidalt) ütleva, hüütama').

kanät 'tervendada, parandada'.

Kanat pr. kanatub (lvSal) heilen (LDW, 31).

Verb kanät (vd. e. kannatada, sm kannattaa, KrjL kanada) on tuletatud soome-ugrilist päritolu põhiverbist kan-dä 'kanda', Salatsist registreeritud kanät leidub üksnes

³ L. K e t t u n e n , LW, lk. 98.

Sjögreni kirjapanekuis ning on ilmselt eksliku kirjakuju (ootuspärane vorm on kannat). Tänapäeval on keeletarvitus verb kāndāttā.

kazāttā 'kasvatada'.

Kazāt pr. kazātōb wachen lassen (LDW, 33); ilzē kazāttā (LW, 109) 'Üles kasvatada'; Kazātōb, nai kazātōb = on raskas (KA); un ukš kibdi pu ab voi jovvō villo entš palō kazātō (EMÖ, 23) 'Ja kibe puu ei vdi head vilja enesel kasvatada'; ja kazatis tända entšōn pūogaks (UT, 245) 'Ja kasvatas teda enesele pojaks'; kazāttāb lapši (KL) 'Kasvatab lapsi'.

Verb kazāttā (vrd. e kasvatada, sm kasvattaa, krJL kazvattada, vps kasvatada, vdj kazvatta) on tuletatud soomeugrilise tüvega sõnast kazžā (< kasva-). Muutus -sv > zz~z on liivi keeles reeglipärane.

kāndāttā 'kannatada'.

Kāndat pr. kāndatōb (kāndat, lvSal kanat pr. kanatub) ertragen, dulden, aushalten, vertragen (LDW, 31); pēgih rousti āb veļ laulš kāndāttā (LW, 111) 'Paljud inimesed ei suuda leili kannatada'; kis lōpahndōk /t fanist kāndatōb (MEL, 22) 'Kes lõpuni kannatab'; Ku miez ūl min sōks nēgrō, sveda mina siel-ājal iz kāndatō (LF IV, 17) 'Et mees võiks minu üle naerda, seda ma sel ajal ei kannatanud'; minā āp kit mit ittēn / ku ma vāgā kāndāttāb (KL) 'Ma ei ütlen kellelegi, et ma väga kannatan'; ta nei jēh kāndāttāb entš lālamtō (Va) 'Ta nii palju kannatab oma raskust'.

Verb kāndāttā (vrd. e kannatada, sm kannattaa, vdj kannattā) on tuletatud genuinsest tüvest kantā-.

kēratā 'kirjutada; kirjata'.

Kērat pr. kēratōb (lvSal kirit pr. kiritub) schreiben (LDW, 35); kēratāt kārē (LW, 117) 'Kirjatud karp'; ku ma wehl wohlks wūind Tāddun mingi Iag bihbilist ulskehrat rahndakeel pāl (LK, 379) 'Et ma veel oleksin võinud Teile mingi osa piiblist välja kirjutada liivi keeles'; Ma sinān-

dab kūz,serkō,amad kūz kēratōd (~isumblōtōd) (VL, 342) 'Ma annan sulle kuus särki, kõik kuus kirjatud (välja ömmeldud)' kēratist ne ristōd (Kl) 'Kirjasid nõud'.

Verb kēratō (vrd. e kirjutada, sm kirjoittaa, krjL kirjuttaa, vdj tsirjotta) on tuletatud läänemeresoome tüvest *kirja- (vrd. lv kēra 'kiri').

kēzātō 'vihane olla, vihastuda, tigetseda'.

Kuzāt pr. kuzātōb zürnen, eifern (LDW, 56); algō m'ērjemā kēzātōG (LW, 120) 'Ärgu mereema vihastugu'; ta kēzātiz nel,ku (Kl) 'Ta vihastus nii'.

Verb kēzātō on tuletatud liivi keeles ja eesti murdes leiduvast onomatopoeetilisest päritolu sõnast kēzā 'viha, tigungus'.

kēmatō 'karedaks muutuda, kestendada'.

ku kädōd,atō kēmatōnt, siz, nõgō um kajkti (LW, 121) 'Kui käed on kestendanud, siis on nahk kare'; ne attō pägih kēnōd / siz, nāntōn jälga um kēmatōn (Kl) 'Nad on palju käinud, siis neil on jalg karedaks muutunud'; nõgō um kēmatōn (Va) 'Nahk on karedaks muutunud'.

Verb kēmatō (vrd. e kõmata) on tuletatud liivi ja eesti ühisest tüvest kēm-.

kērdātō 'korrata, korraldada'.

Ta um kōrdatōn nitōd ja mā jagamist pagast jūō (Līvli, 18/19, 1933) 'Ta on korraldanud heinamaade ja maade jagamist vallavalitsuse juures'.

Verb kērdātō on moodustatud eesti sõna korrata eeskujul, mistõttu seda saab pidada eesti laenuks. Sõna ei ole tulnud tarvitusele.

kīlmātō 'külmetada'.

Kīlmat pr. kīlmatōb, jera k. erkälten, abkühlen (LDW, 49); lānts, talis kīlmātiz, amād, umārspūd, järā (LW, 133) 'Läinud talvel külmetas kõik õunapuud ära'; Kīlmatōb (KA) 'Külmetab'; kīlmatō (Līvli, 5, 1934) 'Külmetada'; nei kīlma um / sis, sie kīlmātōp, tikkiž järā (Kl) 'Nii külm on,

et see külmetab kõik ära'; ta külmetäb jäljad / ta külmetäiz entš nāgräd jarä (Va) 'Ta külmetab jalad; ta külmetas kartulid ära'.

Verb kylmetä (vrd. e kylmetada, sa kylmetä, krjL vps kylmatada, vdj tšülmässä) on tuletatud soome-ugrilist päritolu sõnast kylmä 'külma' (< kylmä).

köitä 'kaotada'.

Kot pr. kotob (kat pr. katob, lvSal katub) verlisren; vertilgen, ausrotten (LDW, 42); köttä, kättä (LW, 152) 'kaotada'; ma v^ugi rō' būnga köttän (Kl) 'Ma olin rahakoti kaotanud'.

Verb köttä (vrd. e kaotada, sa kadotta, krjL kadoda) on tuletatud soome-ugrilist päritolu tüvest, mille koos liitega saab taastada kujul kadotta-.

kūjat 'kuivatada'.

kūjat pr. kūjatob trocken (LDW, 45).

Verb kūjat (vrd. e kuivatada, sa kuivata, vdj kuivat-tä) leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus. Tüvi kuiva (vrd. lv kūja 'kuiv') on läänemeresoomeline.

kūldattä 'kullata'.

Kūldat pr. kūldatob vergolden (LDW, 45); kūldattä (LW, 170) 'Kullata'; Kūldatob (Ka) 'Kuldab'; ja ku ümōg pēvaliki kūldatiz pīdag ladidi (JL, 66) 'Ja kui hommikupäike kuldab männilatu'; kūldattäm / mōg kīttäm / ku ta um kūlda värts (Kl) 'Kuldame, meie ütleme, et ta on kulda värt'; kūlda um imšr / ap_kūldattät (Va) 'Kuld on ümber, kullatud'; kūldattiz bīlda rōmīdi (Kr) 'Kuldab pildiraame'; kūldattäm / tiem imšrkoutti kūldaks (Sr) 'Kuldame, teeme ümberingi kullaga'.

Verb kūldattä on tuletatud germaani laensõnast kūlda 'kuld'.

ladūt 'joosta; rutata, liduda; laotada'.

ladūt sa ni kērdä (LW, 180) 'Lidud sa nii kergelt';

ladūtšD kübbš kərda p¹eräst (Kl) 'Laob kokku järjekorras';
ladūtšB kübbš / k^uorršB kübbš / panšB kübbš (Kr) 'Laob kokku, korjab kokku, paneb kokku'; ladūtšB/mēG kiŋtizšm grōu-
wšB (Sr) 'Laob, me ütlesime: kogub'.

Verb ladūtš on laen eesti sõnadest laduda, laotada.

likāttš 'tõugata, lükata'.

Lukat pr. lūkatōb stossen (LDW, 58); likkāttš(lūk-
kāttš) (LW, 193) 'Lükata', likkāttšm rōz jeddšpēdin / las_{ta}
lāktš jevist (Kl) 'Lükkame natuke ettepoole, et ta läheks
hästi'.

Verb likāttš (vrd. krjL lūkāittš) on kausatiiv soomeugrilise tüvega sõnast likkē 'lükata'.

lōlatš 'laulatada'.

Lōlat pr. lōlatōb trauen, copuliren (LDW, 56); pāp
tšāppš lōlatšis k^uoim pōrš (LW, 204) 'Kirikuõpetaja laulata
täna kolm peari'; un siz ku veš lātəl nuolōlatəd (NLK,
402) 'Ja siis, kui oli kirikus laulatatud'; Ku pāp mēdi lō-
latub (VL, 306) 'Kui kirikuõpetaja meid laulatab'; lōlatšm
(Kl) 'Laulatame nad kokku'; lōlatššB / lōlatššbšD (Pz) 'Lau-
latab, laulatavad'.

Verb lōlatš (vrd. e. laulatada, sm laulattaa, vđj lau-
setta) on tuletatud läänemeresoome tüvest laula- (vrd. lv
lodi 'laul').

lāpāttš 'läpastada, kopitada'.

kāzzizd grōudšd lāpāttšbšD (LW, 212) 'Märjad terad
kopitavad'; lāpātšn (GLL, 193) 'Läpastanud'.

Verb lāpāttš (vrd. e. läpastada, vđj läpähtümäy) ei kuulu
praegu keeletarvitusse. Tüvi lāpā- on deskriptiivset päritolu.

lāmāttš 'lämmatada'.

Lāmat pr. lāmātōb, jera l. ersticken, verbergen (LDW,
53); kien rindad āttš rujād, sien lāmāttšB (LW, 213) 'Kel-
lel rinnad on haiged, sellel lämmatab'; ku lāmātōnd nānt jā-

kiel (LW, 231) 'Hoi oma keelt tagasi'; mõttäb midäqst (Kl) 'Hoiab midagi tagasi'.

Verb mõttä on tuletatud genuinsest sõnast mõ 'maa'. Tähen­dusest lähtudes võib tõenäoliseks pidada illatiivi mõ 'maha', mis sobib hästi ka verbi kausatiivse tähendusega.

märättä 'lärmitseda, lärmata, kisada'.

Marät pr. marätõb lärmnen, poltern; rauschen (LDW, 61); läpst märättäbäd (LW, 239) 'Lapsed kisavad'; märättäbäd / tiebäd marrä (Pr) 'Lärmitsevad, teeivad kisa'.

Verb märättä on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest mära 'müra'. Sama tüvi leidub ka eesti verbis märatseda.

napsättä 'lüüa, koputada'.

Aga kui ta väröd uks tagan napsatiz (ÜT, 258) 'Aga kui ta värava ukse taga koputas'.

Verb napsättä on kirjakeelde loodud deskriptiivsest sõnast napsä 'lõhk'. Tarvitusele pole uudissõna tulnud. Ka eesti murdeis on vastav verb olemas (Jäm, Kod, Trv, Krk, Plv napsattama), kuid see pole ilmselt eeskujuks olnud.

neüttä ~ nevtä 'nõu anda, nõu pidada'.

Nevt pr. nevtõb ratschlagen (LDW, 72); nivtäb (KA) 'Peab nõu'; püqääd neüttäbäd neitsäd, jür lädä (LW, 246) 'Poisid peavad nõu tüdrukute juurde minna'; Aga nõvtigid ez-möks täm vald ja õigõm tagan (ÜT, 12) 'Aga pidage esiteks nõu tema võimu ja õiguse üle'; mäg, amäd neüttizäm röz (Kl) 'Me kõik pidasime natuke nõu'; panäb mekkäd kübbä / neüttäb (Va) 'Paneb mõtted kokku, peab nõu'.

Verb neüttä ~ nevtä (vrd. e noutada) on tuletatud lähemeresoome tüvest neuvo-.

novättä 'puhata, puhata lasta'.

Novät pr. novätõb ruhen, sich erholen; ruhen lassen (LDW, 69); ta novättäb, ibistä (LW, 252) 'Ta puhkab hobust'; novätäb lepeuttaa (KA); ja nänt novatimiz kuoõon vl-lo tui ältiz ällidi äjnidi (RA, I, 41) 'Ja nende puhkepaiga kohal hällitas tuul rohelisi heinu'; novättäb ibistä / pi-däb ibis, päikkä (Pz) 'Puhkab hobust, holab hobuse paigal'.

Verb novāttā on tuletatud sõnast novvā 'puhata'. Sugulaskeeltes vasted puuduvad. L. Kettunen taastab varasema tüve koos sufiksiga kujul nava-t.⁴

nōlāttā 'naljatada'.

Nōlat pr. nōlatōb (nālat pr. nālatōb) scherzen schäkern, spassen (LDW, 69); pāp vōlli neitsēdēks nōlattān (LW, 252) 'Kirikuõpetaja olevat tütarlastega naljatanud'; nālatōb pilaella (KA); ta nōlattiz (Kl) 'Ta naljatas'.

Verb nōlattā (vrd. e naljatada) on tuletatud läänemeresoome tüvest nālja-.

nustātā 'tõstatada'.

Nustāt pr. nustātōb heben lassen, heben machen (LDW, 71).

Verb nustāt (vrd. sm nostattaa, krjA noštattoa, krjL nostattada) on esitatud Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus. Tüvi on läänemeresoomeline.

opāttā 'õpetada'.

Opāt, opt pr. opatōb, optōb lehren, anweisen; warnen, ermahnen (LDW, 73); ōpāttōgd, mīnda vōigēm (LW, 263)

'Õpetage mind ujuma'; opātōb (KA) 'Õpetab'; un o.ōpāttōz mā-ddān ka ehtā, la.ōstōn (LT, 48) 'Ja õpetas meile ka oma lastele'; Sies ājgastōs viimkūs yrgiz opatō Līvo lapstōn Rānda skuolisi Līvo kieldō (RA, I, 39) Selle aasta oktoobrikuus hakati õpetama liivi lastele rannakoolides liivi keelt; opatis nant opātōks kuožis (EMO, 11) 'Õpetas nende õppimiskohtades'; šēnštein opāttis skuolīs līvā kieldō (Kl) 'Bernstein õpetas koolis liivi keelt.'

Verb opāttā (vrd. e õpetada, sm opettaa, vđj epettā) on tuletatud läänemeresoome tüvega pöörd sõnast ōppā 'õppida'.

outtā 'hautada'.

Out pr. ōtab (outōb) bāhen, seihen (LDW, 74); ma

⁴ L. Kettunen, LW, lk. 252.

ou̇ttub lebḋõb-lūdõ (LW, 265) 'Ma hautan vihta'; ta ou̇ttõb vozzõ (Kl) 'Ta hautab liha'.

Verb ou̇ttõ (vrd. e hautada, sm haututtaa) on tuletatud läänemeresoome tüvega verbist ou̇dõ 'haududa'.

ou̇ttõ ~ ou̇vtõ 'austada'.

Ouvt, out pr. ouvtõb, outõb verherrlichen, rühmen, loben (LDW, 74); ou̇ttõ ristõng (LW, 265) 'Austatud inimene'.

Verb ou̇ttõ ~ ou̇vtõ ei kuulu keeletarvitusse. Tüvi *au- on läänemeresoomeline.

ovãttõ 'avada'.

Ovãt pr. ovãtõb öffnen (LDW, 74); ovãttõb ukõ vãldiõ (LW, 265) 'Avab ukse'; alã ovãt ukõtã (Kl) 'Ära ava ust'.

Verb ovãttõ on tuletatud läänemeresoome tüvest *ava-. Sõna on asendumas analüütilise väljendiga vãldiõ tiedõ 'lah-ti teha'.

õlat 'haljendada'.

õlat, õlast pr. õlatõb, õlastõb (alat, alast pr. alatõb, alastõb) reifen, bereifen (LDW, 73).

Verb õlat on esitatud Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning tuletatud balti laensõnast õlaz 'haljas'. Keeletarvitusse kuulub reeglipäraselt tuletatud õlastõ.

pagãt 'rääkida, kõnelda'.

Pagãt pr. pagãtub (lvSal) sprechen, reden (LDW, 75).

Verb pagãt on Salatsist pärit sõnana Sjögreni kirjapanekuis. Tüvi *paka- on läänemeresoomeline.

pãinaõttõ 'trükkida, värviga katta'.

pãinaõttõ (LW, 271) 'Trükkida'; pãinaõttõb laõgidi veimõks (Pz) 'Katab lõngu värviga.'

Verb pãinaõttõ on tuletatud soome sõnast painaa 'trük-kida'. Verb pole keeletarvituses.

palättä 'põletada'.

Palat pr. palatub (lvSel) brennen (LDW, 76); ma palättiz, eñts kleit tagand järä (LW, 272) 'Ma põletasin oma kleidi tagant ära'; palättäB vanad liedäd (Kl) 'Põletab vanad lehed'.

Verb palättä (vrd. e põletada, sm polttaa, krJL polt-tada, vđj paletta) on tuletatud soome-ugrilise tüvega sõnast palä 'põleda'.

pištättä 'istutada'.

Yks riätting pystatiz viinamäggö ja tei tara ymmör (UT, 95) 'Üks inimene istutas viinamäge ja tegi aia ümber'; pištättä (LW, 291) 'Istutada'; näist pištättäböd midägäst tarä (Va) 'Naised istutavad midagi alas'.

Verb pištättä on tuletatud soome-ugrilise tüvega sõnast pištä 'pista'.

pivättä 'pühitseda'.

Puvät pr. puvätöb (auch puvānd, puvānt, puvāst) heiligen, weihen; segnen (LDW, 89); pivättä (LW, 296) 'Pühitse-da'; Ja ma pyvatöb iz äntäta nänt pierast, laz ka ne volgöd pyratöt tuods (UT, 220) 'Ja ma pühitsen iseennast nende pärast, olgu ka nemad pühitsetud' toes'.

Verb pivättä (vrd. sm pyhittää, vđj pyhätä) ei kuulu keeletarvitusse, kuigi seda on püütud kirjakeele kaudu elustada. Tüvi *puhä- on läänemeresoomeline, muutus *puhä > pivä vastab häälikuseadustele.

pilättä 'pilvitada'.

Pilat pr. pilatöb (LDW, 82) 'Pilvitada'; tövas pilättäB (LW, 297) 'Taevast pilvitab'; pilätäb (KA) 'Pilvitab'; äigat pilättäböd (Kl) 'Ääred pilvitavad'; pilättäB / ku iep-pilüzäks (Pz) 'Pilvitab, kui muutub pilviseks'.

Verb pilättä (vrd. e pilvitada, sm pilvettyä, krJL pilveduda) on tuletatud soome-ugrilist päritolu sõnast pilä 'pilv', milles v kadu liivi keeles on kergesti seletatav.

puđđä 'puistata'.

puđttä (< *puđotta-)(GLL, 77).

Verb puddä (vrd. sm puđottas, krj pu(v)otťos, vps pu-dotada) ei kuulu keeletarvitusse. Läänemeresoomeline tüvi on puđotta-.

pūritä 'purjetada'.

Purit pr. pūritōb zermalmt werden (LDW, 88); vaštä tūldä pūritä um lūđilēmāst (LW, 322) 'Vastu tuult purjetades tuleb loovida'; pūritōb (KA) 'Purjetab'; ta pūrituz me-er-pāis (LT, 27) 'Ta purjetas merele'; mēg pūritizmā rīgā (Sr) 'Me purjetasime Riiga'.

Verb pūritä (vrd. e purjetada, sm purjehtia) on tuletatud läänemeresoome tüvest purje-.

raiskat 'raisata, kulutada'.

Raiskat pr. raiskatub (lvSal), jāra r. verschwenden, verschleudern, prassen (LDW, 90).

Verb raiskat (vrd. e raisata, sm raisata, vps raškajita, krjA raiskata) leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud läänemeresoome tüvega pöörd sõnast raiskō 'raisata'.

razättä 'rasvatada, rasvuda'.

ta um jāra razättēn (Kl) 'Ta on rasvunud'.

Verb razättä (vrd. e rasvatada, vdj razvettua) on individuaaltuletis Kolkast. Tüvi rasva- on läänemeresoomeline.

salättä 'varjata, salata'.

salättä (LW, 354) 'Varjata, salata'; ja salätiz äntäta viž kūdē, rōkandōs (UT, 109) 'Ja varjas ennast viis kuud, jutlustas'; aga Jēzus salätiz äntäta ja lēks p̄vakuodast ulzō (UT, 200) 'Aga Jeesus peitis ennast ja läks pühakojast välja'.

Verb salättä on eesti laen (vrd. salata), mida on rakendatud kirikukirjanduses. Sõna ei ole tulnud tarvitusele.

souittä 'suitsutada'.

Sout pr. souitōb, auch saut, räuchern (LDW, 103); käl-di um souittēmāst (LW, 376) 'Kalu peab suitsutama'; souittēp-

kaldi (Sr) 'Suitsutatakse kalu'; tää sou̯ttõp kaldi (Va) 'Siin suitsutatakse kalu'.

Verb sou̯ttõ (vrd. sm savuttaa, vđj savvuta) on tuletatud läänemeresoome tüvest savu- (vrd. lv sou 'suits').

sulättõ 'sulatada'.

Sulat pr. sulatõb (lvSal sulata pr. sulatub) schmelzen, aufthauen (LDW, 107); pãva um kevãt sulãttõn jãjõ (LW, 385) 'Pãike on kevadel sulatanud jãäd'; Mis sõitab solatõ madamõ sizal? (LKL, 16) 'Mis tahab sulatada südant sees'; sulãttõB / sie emin tãntõb razã jussõ (Sr) 'See tähendab rohkem rasva juures'.

Verb sulättõ (vrd. e sulatada, sm sulattaa, krjI сулате, vđj сулатта) on tuletatud soome-ugrilise tüvega sõnast sulã 'sula'.

tabãttõ 'juhtuda'.

se tabãttiz nei (LW, 405) 'See juhtus nii'; nei ku tiesãã jussõ (Sr) 'Nagu kohtuasja juures'.

Verb tabãttõ ei kuulu keeletarvitusse. Tüvi *tapa- on läänemeresoomeline.

teittõ 'tõotada, lubada'.

Toit pr. to̯itab (od. tüt pr. tütãb, lvSal tüt pr. tütãb) versprechen, geloben, zusagen (LDW, 120); teittõ (LW, 414) 'Tõotada'; ja to̯itiztõ nãdi nãnt grumanikisti kaico (RA, II, 65) 'Ja tõotasid neid nende vaenlaste vastu kaista'; ja to̯itist tãmmõn rãdõ andõ (UT, 100) 'Ja tõotasid talle raha anda'; ta te̯itis tũlda (Kl) 'Ta lubas tulla'.

Verb teittõ (vrd. e tõotada, sm toivottaa) on tuletatud läänemeresoome tüvest *toivo- ~ teivo-.

tõlattõ 'tõlvaga kloppida'.

Tõlat pr. tõlatõb (tũlaks pezz) Wãsche kloppen (LDW, 120); tõlattãt palãg um vãlda (LW, 416) 'Tõlvaga kloppitud lina on valge'; siz ne pãntõ libdãsillõ un tõlattist õrõni (Kl) 'Siis need pandi libedasse ja kloppiti rõivaid tõlvaga'; tõlattõB / ku õrõni pãeziz /siz vũgi selli pũst tõla (Va)

'Tõlvaga klopib, kui rõivaid pesi, siis oli selline puust tõlv'; tägiä pedin v^ugiltä püstö tiedöt täläd / pⁱezistä Öri- ni / tälättäbäd (Sr) 'Varemini olid puust tehtud tõlvad, pesti rõivaid, klopivad tõlvaga'.

Verb tälättä (vrd. e tõlvutada) on tuletatud eesti ja liivi keele varasemast tüvest *telva- (vrd. e tõlv, lv tēla).

tēraittä 'tõrvata'.

Tōrat pr. tōratōb (tūrat) theeren (LDW, 121); läidi un reggidi um jegä kⁱevät tēraittämäst (LW, 417) 'Laevu ja regesid tuleb igal kevadel tõrvata'; tūrattāb (KA) 'Tõrvab' Lä- ja um tōratōd ja kūja (RA, II, 57) 'Laev on tõrvatud ja külv'; jⁱedmōl ne tēraittist laijä(Kl) 'Varemini tõrvasid nad laeva'; läidi tēraittist vanäst (Va) 'Laevu tõrvati vanasti'; tēraittäbäd läidi (Sr) 'Tõrvavad laevu'.

Verb tēraittä (vrd. e tõrvata, sm tervata, vdj tervata) on tuletatud balti laensõnast tēra 'tõrv'.

tiräittä 'tugevaks muutuda'.

tiräittät (skutk) (LW, 422) 'Tugevaks muutunud (vana- tüdruk)'.

Verb tiräittä on L. Kettuse poolt fikseeritud individuaaltuletisena partitsiibi tiräittät kujul. Kettunen peab võimalikuks lähtuda soome-ugrilise tüvega sõnast tirä 'türa'.⁵

tinäittä 'tinutada'.

Tinäät pr. tinätōb verzinnen (LDW, 114); puniz vas- kist un vālda-vaskist ristōd, äittä sizälpedän tinäittät (LW, 424) 'Vask- ja menningnõud on seestpoolt tinutatud'; tinäittäB / um pämmäst tinä sillä (Kl) 'Tinutatakse, tuleb panna tina sisse'; tinäittät / sie um ne ka rist tinäittäB (Sr) 'Tinutatud, see on nagu nõu tinutatakse'.

Verb tinäittä (vrd. e tinutada, sm tinata) on tuletatud germaani laensõnast tinä 'tina'.

⁵ L. K e t t u n e n , LW, lk. 422.

tõmatõ 'käärida, käärida lasta'.

Tõmat pr. tõmatõb gärben (LDW, 115); tõmatõ (LW, 430) 'käärida lasta parkimisel'; tõmatõbõd mlet püolist (Va) 'Lasevad mehed parkimisel käärida'.

Verb tõmatõ etimoloogia on ebaselge. Tõenäoliselt on aluseks läänemeresoome ja volga keelte tüvi tammi (vrd. lv tām 'tamm'). Et parkimisel kasutati ka tammekoort, tuletati ka vastav verb, mis sai laiema tähenduse (vrd. Kod tammita ma 'kodusel viisil nahka parkima').

tätõ 'tähendada'.

Tät pr. tätõb bezeichnen, andeuten (LDW, 112); s¹e-dä min um ilzõ tättõmist (LW, 447) 'Seda pean ma üles tähendama'; ainõ um ilzõ tättõmist (Kl) 'Kõike tuleb üles tähendada'.

Verb tätõ (vrd. sm tähdittä) on tuletatud algupärasest tüvest tähti (vrd. lv tēd 'täht').

uigat 'häbistada'.

Uigat pr. uigatõb beschämen (LDW, 121).

Verb uigat leidub üksnes Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus. Sõna läänemeresoomelise kujuna võib taastada uigatt-. Keeletarvitusse kuulub samatüveline uigastõ.

ulätõ 'ulatuda'.

Ulät pr. ulätõb sich recken; reichen; auslangen, hinreichen (LDW, 122); ta ulätõp kättä (LW, 450) 'Ta ulatab kätt'; ulätõb / as minnõn um s¹e keiz nei pikkä (Kl) 'Ulatab, kui minul on käsi nii pikk'; iz vej ulätõ / ku äp sõ kädä (Va) 'Ei võinud ulatada, et ei saa kätte'.

Verb ulätõ (vrd. e ulatada, sm ulottaa, vj uattä, vps uutada) on tuletatud läänemeresoome tüvest ulo-.

upätõ 'uputada'.

Upät pr. upätõb ertränken (LDW, 123); ma upätõn sieżär järä (LW, 457) 'Ma uputan kirbu ära'; upätõb (KA) 'Uputab'.

Verb upättä (vrd. e uputada, sm upottaa, vđj upottā) ei kuulu enam keeletarvitusse. Idamurraku mõjul on levinud samas tähenduses upantä. Mõlema verbi lähtetüvi on *upo-.

ūlāttā 'hullata'.

ūlāttā (LW, 460) 'Hullata'; ūlāttābōD / ūlastābōD / tieb mukiptā (Va) 'Hullavad, hullustavad, teeb rumalusi'; mis tēg nei ūlāttā / lapst ūlāttābōD (Pz) 'Mis te nii hullate; lapsed hullavad'.

Verb ūlāttā on tarvitusel paralleelselt samatähendusliku sõnaga ūlastā. Tüvi *hullu- on läänemeresoomeline.

vāittā 1 'vajutada, rõhuda'.

Vait pr. vaitōb (lvSal vaet pr. vaetub) senken, wāgen (LDW, 127); s^uodā-k^uoik^u sai jarā vāittā (LW, 466) 'Sõjalaev lasti põhja'; āb-jevād garād vāittist tānda (LW, 466) 'Halvad vaimud rõhusid teda'.

Verb vāittā (vrd. e vajutada, sm vajottaa) on tuletatud algupärasest tüvest, mille koos liitega saab taastada kujul *vajotta-.

vāittā 2 'kaaluda, vaagida'.

bāzmrāks vāittā (LW, 466) 'Päsmriga kaaluda'.

Verb vāittā on laen eestikeelsest vaagida: vaen. Sõna ei ole tarvitusel ning võib olla individuaalne looming.

vanāt 'vananeda'.

Vanāt pr. vanātōb (lvSal vanatub) alt werden (LDW, 129).

Verb vanāt (vrd. sm vanhettua, vđj vanata) leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus. Lähtetüveks on *vanha-.

vāstāttā 'vastata'.

Ja tām oppiid vāstāttist tāmōn (UT, 84) 'Ja tema jüngrid vastasid talle'.

Verb vāstāttā on tuletatud kirikukirjanduses tüvest vāstā 'vastu'. Sõna pole tulnud tarvitusele.

verāttā 'kannatada'.

um nei kiebi ku āb, vsi verāttā (LW, 478) 'On mi palav, et ei või kannatada'.

Verb verättä ei ole keeletarvituses. Põhiverbiks on verrä 'kannatada, püsida' (vrd. sm virua 'magada, lebada', e Mär, Trv viratsema 'viletsalt elama, 'kidur olema').

vigät 'hukutada, laostada'.

Vigät pr. vigätõb (lvSal jara vigatub) zu Grunde richten (LDW, 133).

Verb vigät leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus, olles tuletatud läänemeresoomelisest sõnast vigä 'viga'.

võmpättä 'vänderdada'.

parit tulbäd vimppa võmpä võmpättäs (LW, 498) 'Pardid tulevad vinta-vänta vänderdades'; parid võmpättäbõd (Va) 'Pardid vänderdavad'.

Verb võmpättä on tuletatud deskriptiivse tüvega verbist võmpä 'hõljudes käia'.

võittä 'vahatada'.

võittä, võttä, võttä (LW, 499) 'Vahatada'; laigä võittäb (Va) 'Lõnga vahatatakse'.

Verb võittä (vrd. e vahatada, sm vahoittaa) on tuletatud balti laensõnast võ 'vaha'.

võttä 'vahutada'.

mer' võttäb (LW, 501) 'Meri vahutab' veisä ka võttäb (Kl) 'Vesi ka vahutab'; mer' vättuB (Pz) 'Meri vahutab'.

Verb võttä (vrd. e vahutada, sm vaahdota) on tuletatud algupärasest sõnast võ 'vaht' (vahto-).

ädättä 'häädaldada'.

Ja siz ni, Izand, pan tädöl nänt ädatimist (UT, 239) 'Jassis, Issand, pane tähele nende häädaldamist'.

Verb ädättä (vrd. e Krk ädättamä 'häädaldama, kaebama', sm häätävtyä) on uudistuletis, mis on jäänud kirikukirjandusse. Aluseks on sõna äda 'häda'.

ärmättä 'härmatada'.

Ärmaton (ärmagon) pl. ärmatõnd (ärmagõnd) bereift,

beglatteist (LDW, 8); mõ um härmat̄n, pūd_ätt_ärmat̄nND (LW, 510) 'Maa on härmatanud, puud on härmatanud'; met̄sä um ärmat̄n (Va) 'Mets on härmatanud'.

Verb ärmat̄t̄s (vrd. e härmata, sm härmettyä) on tuletatud balti laensõnast ärma 'härm'.

ürgat̄ 'alustada'.

ürgat pr. ürgatob (LDW, 126) 'Alustada'; ürgatob (KA) 'Alustab'.

Verb ürgat̄ leidub varaseimas kirjapanekuis ning on tuletatud algpärasest tüvest (vrd. e ürgama 'alustama').

Kokku on liivi keelest registreeritud 80 üt-sufiksilist verbi, milles vokaalile on liitunud -üt- koos sellele järgneva iseloomuliku ü-vokaaliga. Tänapäeval kasutatakse neist 45. Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus on neist 56, kusjuures imūt, ištāt, kanāt, kūjat, nuštāt, ōlat, pagāt, raiskāt, digāt, vanāt, vigāt, ürgat muudest allikatest puuduvad. Algpärasele tüvele on sufiks liitunud 67 juhul, laenule 13 korral. Germaani laenud on kūldaūt̄s, tinaūt̄s, balti laenud ōlat, tōraūt̄s, vōlūt̄s, ärmaūt̄s, eesti laenud imūt, jelaūt̄s, kezaūt̄s, kemaūt̄s, ladūt̄s, novūt̄s, nōlaūt̄s, ōlat, pagāt, pūriūt̄s, ūlaūt̄s, vanāt, vōmpaūt̄s, vōūt̄s, ēdaūt̄s, ärmaūt̄s.

Tähenduselt on enamik verbe kausatiivid, vaid üksikutel juhtudel kausatiivsus puudub ning esiplaanil on frekventatiivsus. Sellised verbid on onomatopoeetilise varjundiga boraūt̄s, globaūt̄s, golaūt̄s, deskriptiivse nüansiga evaūt̄s, läpaūt̄s, märaūt̄s. Frekventatiivid on ka jūrmaūt̄s, kezaūt̄s, kemaūt̄s, ladūt̄s, novūt̄s, nōlaūt̄s, ōlat, pagāt, pūriūt̄s, ūlaūt̄s, vanāt, vōmpaūt̄s, vōūt̄s, ēdaūt̄s, ärmaūt̄s.

Kausatiivide sufiks on -kta- ~ -ktä-, mis andis reeglipäraselt -üt-. Frekventatiivides leiduv samakujuline sufiks pärineb kas onomatopoeetilistes tüvedes momentaansust märkinud liitest *-ahta- ~ *-ähtä- (< *-asta- ~ *-ästä-) või kujust *-ahtu- ~ *-ähtü-.⁶

⁶ T. Lehtisalo, PUA, lk. 296-298; L. Hakulinen, SKRK, lk. 243-244, 262-263.

L ü h e n d i d

EMÖ = Das Evangelium Matthäi in den östlichen Dialect des Livischen zum ersten Male übersetzt von dem Liven N. P o l l m a n n , London 1863; **GLL** = L. P o s t i , Grundzüge der livischen Lautgeschichte. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXIV, Helsinki 1942; **JL** = Jemakiel lugdöbräntöz sküol ja kuod pierast I, Helsinki 1935; **KA** = E. N. S e t ä l a käsikirjaline liivi aineestik (Helsingis); **LDW** = P. J. W i e d e m a n n , Joh. Andreas Sjögren's Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch. - Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften II_{II}. St.Petersburg 1861; **LP** = Eesti NSV TA Pr. R. Kreutzwaldi nim. Kirjandusmuuseumi arhiiviraamatukogu liivi keele fondid; **Llvli** = ajaleht "Llvli", nr-d 18/19, 1933 ja 5, 1934; **LK** = J. Mik k o l a , Liivinkielisiä kirjeitä A. J. Sjögrenille 1851-53. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LVIII, Helsinki 1928, lk. 371-388; **LKL** = M. S t a l t e , Llvökiel lö löd, Helsinki 1929; **LT** = J. M ä g i s t e , Liiviläisiä tekstejä. - Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 276, Helsinki 1964; **LW** = L. K e t t u n e n , Livisches Wörterbuch mit grammatischer einleitung. - Lexica Societatis Fennougricae V, Helsinki 1938; **MEL** = Püva Matteus Evangelium lihbiŕchki, Pentterburgs 1880; **MLK** = E. N. S e t ä l ä , Näytteitä liivin kielestä. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 106, Helsinki 1953; **PUA** = T. L e h t i - s a l o , Über die primären uralischen ableitungssuffixe. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXII, Helsinki 1936; **RA** = Rändalist äjgarantöz 1933. äjgastõn, kien at 365 pävvo, Rīgā (I); Llvõd Rändalist äjgarantöz 1934. äjgastõn, kien at 365 pävvo, Rīgā (II); **SKRK** = L. H a k u l i n e n , Suomen kielen rakenne ja kehitys, Helsinki 1968; **TLI** = Toi llvõd lugdöbröntöz, Tartu 1922; **UT** = Üz testament, Helsinki 1837; **VL** = O. L o o r i t s , Volkslieder der Liven. - Öpetatud Eesti Seltsi Toimetused, XXVIII Tartu 1936.

e = eesti keel; **eL** = lõunaeesti murre; **Jäm** = eesti keele Jämäja murrak; **KI** = liivi keele Kolka murrak; **Kod** = eesti keele Kodavere murrak; **Kr** = liivi keele Kostrõgi murrak; **krj** = karjala keel; **krJA** = karjala keele amuse mur-

re; KrjL = karjala keele lüüdi murre; Lüg = eesti keele Lügänuse murrak; lv = liivi keel, lvSal = liivi keele salatsi murre; Mär = eesti keele Märjamaa murrak; Plv = eesti keele Põlva murrak; Pz = liivi keele Piza murrak; Se = eesti keele setu murre; sm = soome keel; Sr = liivi keele Sõk-rõgi murrak; Trv = eesti keele Tarvastu murrak; Va = liivi keele Vaide murrak; vdj = vadja keel; vps = vepsa keel.

Э. В я р и
(Тарту)

ЛИВСКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ СУФФИКС (ГЛАСНЫЙ) + -tt-

Р е з ю м е

В современном ливском языке встречается всего 7 глагольных суффиксов, продуктивность которых весьма различна. Относительно много таких глаголов, в суффиксе которых имеется элемент -tt-, который может соединяться с согласным или гласным. Если суффикс соединяется с гласным, возникает геминат -tt-. Образованных таким образом глаголов в ливском языке насчитывается всего 80. Большинство из них каузативы, отчасти фреквентативы. По происхождению некоторые корни ономастические или дескриптивные.

Современный суффикс (гласный) + tt- возник из двух ранних суффиксов. Один был каузативный *-kta-~*-ktä-, а другой фреквентативный *-ahta-~*-ähtä- (*-ahtu-~*-ähtü-), из которых образовался (гласный) + -tt-.

Из 80 глаголов 45 входят в активный словарный состав, 35 в пассивный. Всего 67 основ исконного происхождения, 13 заимствованных. Из них германские основы встречаются в глаголах armattõ и küldattõ, балтийские - в глаголах õlat, tē-rattõ, voittõ, õrmattõ, эстонские - в глаголах imat, jelattõ, kērdattõ, laduttõ, mõttõ и salattõ и финская основа в глаголе painattõ.

На современном этапе билингвизма в ливском языке уже не образуются новые слова при помощи суффикса (гласный) + -tt-. Таким образом, перечень глаголов является окончательным.

DAS LIVISCHE VERBALSUFFIX (VOKAL) + -it-

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im heutigen Livischen gibt es 7 Verbalsuffixe von unterschiedlicher Produktivität. Verhältnismäßig viel gibt es Verben mit einem -i- Elementsuffix, das sich sowohl an einen Konsonanten als auch Vokal anschließen kann.

Wenn das zu behandelnde Suffix sich an einen Vokal anschließt, entsteht die Geminata -it-. Solche Verben gibt es im Livischen 80; die meisten davon sind Kausativa, ein kleiner Teil sind Frequentativa. Teils sind diese Verben onomatopoeischer, teils frequentativer Herkunft.

Das heutige Suffix (Vokal) +it- ist durch den Zusammenschluß von zwei einander nahen älteren Suffixen entstanden. Beide Suffixe, das ältere kausative -kta ~ -ktä- und das frequentative ältere *-hta- ~ *-htë- (<*-htu- ~ *-htü-) haben sich die Form -it- angenommen.

Von den analysierten 80 Verben gehören heute 45 zum aktiven Sprachgebrauch, 35 zum passiven Wortschatz. Das Suffix hat sich in 67 Fällen an den genuinen Stamm, in 13 Fällen an Entlehnungen angeschlossen. Unter den entlehnten Stämmen gibt es 2 germanische (armaittä, kuldaittä), 4 baltische (olaitä, teraittä, voittä, Ermaittä), 6 estnische Stämme (imaitä, jelaittä, kērdaittä, laduittä, mōittä, salaittä) und einen finnischen (pāinaittä).

Beim heutigen Bilinguismus werden im Livischen keine neuen Verben mehr durch das Suffix (Vokal)+-it- abgeleitet. Aus diesem Grunde dürfte das aufgestellte Verzeichnis als mehr oder weniger abgeschlossen angesehen werden.

KAMASSISCHE PARTIZIP- UND GERUNDIUMFORMEN
AUF -bisV(?), -bišV; -ma; -pa, -gV; -i, -i

-bisV(?), -bišV

Dieses Gerundiumzeichen, das eine der Handlung des Hauptverbs vorangegangene Handlung ausdrückt, kommt nur in K. Donners Material vor. A. J. Joki schreibt: "Die Bestandteile dieses ... Suffixes sind der Charakter des Verbalnomens -bi und das Präteritum (auf sa, se) von dem Hilfsverb 'sein'." (Donner-Joki 1944 : 172). Ich würde sagen, daß das betrachtete Kennzeichen aus dem kamassischen Gerundiumzeichen -ši, -šū, -šy (s. Künnap 1980) und der Gerundiumform -šV des Hilfsverbs 'sein' (s. z. B. KUHMAN 1976 : 176 - 177) gebildet worden ist. Davon zeugt am deutlichsten die Variante -bišV (< -bi + šisV). Der in der Variante -bisə auftretende Laryngalklusil ist aller Wahrscheinlichkeit nach analoger Herkunft.

¹ma³and² χ a m b i z a 'n a c h d e m e r nach Hause gegangen war' 99, vgl. χāllām 'gehen, wandern, weggehen' 25b.

²χ u b i z a t u n ö l d² l a š ö b i 'nachdem sie ... gesehen hatte, kam sie trabend' 93, vgl. kul'am 'sehen' 34a.

³mobis² (Ger. "(3. P. Sg.)" von mōl'am 'werden; kommen; geschehen; können') 163, bās² də büse uvyāba m ö b i z e bāsu a³t²ā²n nu³la³b² 'nachdem dieser Alte wieder sich in einen Bären verwandelt hatte, auf dem Wege steht er wieder' 98.

⁴iil sön² s ā r b i s ə² ə²lēm²bi būnm 'nachdem die Leute (sie) auf ein Floß gebunden hat-

t e n, ließen sie (sie) ins Wasser' 172, vgl. sārī'ām
'binden, festbinden ...' 57b.

⁵makkend^o šōbīsa nērb^obi 'nachdem er zu
seinem Weibe gekommen war' 95, ma^oand^o šō-
bīse iānd^o nērb^olīā 'nachdem er nach
Hause gekommen war, erzählt er seiner Mut-
ter', də nī šōbīse iānd^o nērb^olīg 'der Sohn,
nachdem er gekommen war, seiner
Mutter erzählt' 98; vgl. šōl'ām 'kommen' 65a.

-ma

Dieses Zeichen bildet ein Participium perfecti passivum
(s. Donner-Joki 1944 : 178).

¹āie k^aiōma 'die Tür ist geschlossen',
k^aaiōma: 'Dach, Decke', t^curan k^c. 'Hausdach'; vgl. k^a-
iōl'ām 'sich bedecken' 25a.

²āie k^aārōma 'die Tür ist geöffnet', vgl.
k^aārōl'ām 'sich öffnen' 27.

³šo^o, kala^o kēst^o gut, šo^o ktōāōma 'komm, gehend
ladet ein, [e s i s t] ausgebreitet' 88
[A. J. Joki: "Seltenes Partizip Präteritum auf m, hier
in passiver Bedeutung" 105], vgl. šuk^ctual'ām 'stellen,
setzen, in Ordnung stellen, ausbreiten' 65a.

-ja, -g^v

Dieses Zeichen bildet das Partizip des Präsens und das
Partizip des Präteritums (Passiv).

¹mārgnd^o āa- m g d g e -t^cūšgi 'Geltkuh' 38b, 76a, wörtlich
'schließend gehende Kuh', vgl. mnggen 'gehen'
40a.

²pu^ot'šāgā t^c[ū] 'Wanze' 75a, pu^ot'šāgā, put'šāgā, put'šāgā,

put'šəga 'riechend, stinkend', p. t'u 'riechende Wanze',
p u t' š ə g a-kəten 'Mustela sibirica; s t i n k e n -
 d e Frau' 54b; vgl. pu't'šəpām 'riechen' 54b. p u t' -
š u g á . ugá'nda 'очень в о н о ч и й', vgl. put'-
šumá.м 'пахну' KH.

³sār³, sārG³ 'Faden aus Traubenkirschbaumrinde (zum Nähen
 von Birkenrinde)', vgl. sār'l'am 'binden, festbinden;
 stricken; spannen' 57.

⁴t'ənd³ge 'aufgewärmt, erwärmt', t'. má 'erwärmtes Zelt';
 vgl. t'ənd³l'əm 'wärmen, aufwärmen; glähen; glänzen,
 strahlen' 77b.

-i, -i

In M. A. Castrén's und K. Donners Material bildet das be-
 trachtete Zeichen das Partizip des Präsens und das Partizip
 des Präteritums (in K. Donners Material nach A. J. Joki ei-
 gentlich ein Participium perfecti passivum, s. Donner-Joki
 1944 : 176-177). In K. Donners Material kommen mit diesem
 Kennzeichen gebildete Gerundiumformen vor, die eine mit der
 Handlung des Hauptverbs gleichzeitige Handlung ausdrücken.
 A. J. Joki weist darauf hin, daß das Kennzeichen -i, -i in
 K. Donners Material manchmal verschwunden zu sein scheint, z.
 B. də kərəne³lu³bi 'er öffnete' (ebenda), d. h. < k̄ ā -
r ə - i ne³lu³bi 'ö f f n e n d riß er', vgl. k̄ār³l'im
 'öffnen' und ne³lel'əm 'reißen, zerreißen'. Mit den betrach-
 teten Kennzeichen ist nach A. J. Joki auch das Verbalsubs-
 tantiv mōi im Satz bār mōi t'əmməm 'ich kenne die gan-
 ze Zukunft od. ich weiß alles, w a s k o m m e n w i r d'
 gebildet worden zu sein (ebenda). Der Vergleich mit den fi-
 niten Formen des entsprechenden Verbs erlaubt es jedoch nicht,
 dessen vollkommen sicher zu sein, vgl. 'werden; kommen; ge-
 schehen; können', z. B. 1. P. Sg.: Präs.-Fut. mō-l'ā-m, mō-
l'ā-m, mō-lā-m, Prät. mō-b'ā-m, Konjunkt. mo-nā-mə-zə, mo-
nā-m-sə; Inf. mō-zət, mo-¹zət, mo-¹ist³. Beim Zeichen -j, -i
 wäre also mo-¹i (~ mo-i) pro mōi (an dessen Ende das zu-

sammengesetzte Suffix $\bar{m}-iV + \bar{m}-jV$ zu stehen scheint) erwartungsgemäß.

Eine mit Hilfe des betrachteten Kennzeichens $-j$, $-i$ gebildete Gerundiumform scheint auch die verneinende Partikel e_j zu sein. Sie wäre somit die Gerundiumform des verneinenden Hilfsverbs (s. Känap 1966 : 169-183; Känap 1978 : 165-167).

$-i$ ist eine nur selten auftretende phonetische Variante des betrachteten Kennzeichens, die nach Konsonanten vorkommt, indem sie somit phonetisch erwartungsgemäß ist, z. B. (Cast-rén) $t^c o l i$ 'Dieb' (hier kann es sich um den durch die Wirkung von $\bar{m}-j$ erhöhten Stammvokal handeln: $\bar{m} t^c o l V - j > \bar{m} t^c o l i - j > t^c o l i$). Nach einem Vokal kommt die Variante $-i$ nur einmal vor: (Donner) $a m n a c i$ 'sitzend' (die Ausgangsform ist hier offensichtlich $\bar{m} a m n a - j i$ gewesen, deren j geschwunden ist).

¹ $a m n a c i t^c e b a k t e r l a b e i \bar{e}$ 'sitzend sprechen sie'
94 [A. J. Joki: "i-Gerundium" 112], vgl. $a m n a m$ 'sitzen'
5a.

² $\bar{a} \bar{a} b \bar{u} i$, $\bar{a} \bar{a} l \bar{a} i$, $\bar{a} \bar{a} l i i$ 'voll', \bar{a} . $\bar{a} \bar{s} p \bar{a}$ 'voller Topf', \bar{a} . $k^c i$
'Vollmond'; vgl. $\bar{a} \bar{a} b u l \bar{a} m$ 'sich füllen, voll werden' 4a.

³ $b u \bar{z} o i$ 'Spalt, Dielenritze', vgl. $b u s \bar{a} r l \bar{a} m$ 'zerspalten' 11b.

⁴ $\bar{d} \bar{z} i l i$, $d^c \bar{z} i l i$, $d^c i l i$ 'lebendig', vgl. $d^c \bar{z} i l i m \bar{a} m$ 'wieder
aufleben, sich wieder erholen' 16a. (Vgl. auch 18.)

⁵ $i^c b i i$ 'liegend' 150 (Ger. von $\bar{y}^c b \bar{u} m$ 'liegen' 149).

⁶ $k o^c m n \bar{e} i$ 'ausgießend' (Ger. von $k^c g m n a l \bar{e} m$ 'ausgießen'), k .
 $b a^c p t \bar{e} b i$ 'ausgießend schüttete er aus' 147.

⁷ $n \bar{z} \bar{a} n e i$ 'Petzen, Lumpen', $n \bar{e} \bar{a} n i$, $n \bar{e} \bar{a} n i i$ 'Stück, Stückchen
(gew. Stoff, Zeug)'; vgl. $n \bar{e} m n \bar{e} l \bar{e} m$ 'flicken, lappen,
stopfen' 44.

⁸ $n \bar{e} \bar{a} n i$, n . $\bar{s} \bar{u} m$ 'Lauffeuer', vgl. $n \bar{e} \bar{a} n \bar{e} l \bar{e} m$ 'sünden, ansünden'
44a.

⁹ $\bar{a} \bar{e} r i$ 'vorbei, vorüber', $k^c \bar{o} n u m \bar{a}$ 'an einem Bären vorbei',
 $m \bar{a} n \bar{m} \bar{a} d a m \bar{a} \bar{e} r i \bar{x} \bar{a} l \bar{a} m$ 'ich gehe an einem Haus vor-
be' 183 [A. J. Joki: "hier deutlich eine Gerundial-

- form, da sie mit dem Akkusativ gebraucht wird; vgl. fēr^rl'em, fērⁱiēm 'vorbeischießen, fehlschießen' 1887.
- 10 p a χ t ə i̇ t^co³lu³bi 's p a l t e n d schlug sie' 97, s³māb³ p a k t ə i̇-d'i^hlu³bi 'das Auge aber schoß sie e n t z w e i' 98 (eigtl. 'das Auge a u s s c h i e - β e n d schoß sie'); vgl. pākt³l'am, pākt³l'am 'knallen, krachen; bersten, platzen' 50b.
- 11 pārdei, pārⁱi, pār^ddai 'umher, herum', p. bū 'Wasser ringsum, von Wasser umgeben' [A. J. Joki: "richtiger wohl: 'das ringsum (liegende) Wasser'", māna p. pā 'rings um mich ist Wald' [A. J. Joki: "viell. richtiger: der ummich (stehende) Wald'", k^cān i̇ll opt³bi p ā r d e i̇ 'der Kaiser sammelte Leute u m s i c h' 183-184; [A. J. Joki:] "vgl. pār^lam 'sich wenden', pār^gad³lu³l'am 'umringen, umgehen' usw." 188. p ā r d e i̇ k^canzitt³ 'к р у г о м и д т и' КН.
- 12 pāröldi 'umgebend' 177, pam p ā r o l d i k^cak^cno³ ʒzēr- bi 'den Baum u m g e b e n d e s goldenes Gras wuchs' 87; vgl. pāröld³l'am 'umwenden, umgehen' 51a.
- 13 pi³oi 'hungrig', vgl. piol'am 'hungern' CW 190b; pui³oi (?) pui³u 'Hunger', p. p^cie 'Hungerjahr', vgl. pui³ol'em, pui- iu³l'em 'hungrig sein, zu essen wünschen, essen wollen' 54a.
- 14 ei³ s ó b i³ kēd³bi 's i c h a u s z i e h e n d flocht sie nicht auf' 98, [A. J. Joki:] "Vgl. Wb. ... sob³l'om 'ausziehen, wegnehmen'" 117.
- 15 t^coli 'Dieb', vgl. t^col'erl'am 'stehlen' CW 186b. t^coli. 'Dieb', t^c. k^cuza 'diebischer Mensch, stehlender Mensch' 73a; vgl. t^col'erl'am 'stehlen' 72b. t^co l' ē k^cuzā. 'П а к о с т н ы й ч е л о в е к , в о р , г р а б и т е л ь', ugā·nda t^co l' ē . kuzā. 'очень п а к о с т н ы й ч е л о в е к'

KH.

16. t^cššwi 'verstehend', t^c. k^cuza 'verstehender Mensch, verständnisvoller Mensch'; vgl. tššw^lom 'lehren, verständlich machen' 75b.
17. t^cēld[?]i 'satt' 177, vgl. t^cēld[?]l[?]em 'essen, sich satt essen, satt werden' 77a, 177.
18. t^cili 'lebend', vgl. t^cil[?]eläm 'wiederaufleben' CW 188a.
(Vgl. auch 4.)

A b k ü r z u n g e n

Seitenzahl = K. Donners Aufzeichnungen (Donner-Joki 1944).

Abkürzung + Seitenzahl = M. A. Castrén's Aufzeichnungen:

CW - Castrén 1855.

KH - A. Kännaps Aufzeichnungen (Handschriften).

L i t e r a t u r

- C a s t r é n, M. A. 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- K ä n n a p, A. 1966, Kamassi keele eitav kõne. - ESA 12, 169-183.
- 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- 1980, Kamassische Partizip- und Gerundiumformen auf -ai, -mü, -bū. - Fenno-ugristica 7, 43-48.
- К ю н н а п А. 1976, К проблеме происхождения показателей наклонов и времен в уральских языках. - СФУ XII, 169-181.

А. К ю н н а п
(Тарту)

КАМАСИНСКИЕ ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ
НА -biɣV(ʔ), -bIɣV; -ma; -ʔa; -ɣV; -i, -i

Р е з ю м е

В камасинском языке много причастий и деепричастий, в том числе причастия и деепричастия на -biɣV(ʔ), -bIɣV; -ma; -ʔa, -ɣV; -i, -i.

В статье приводится перечень камасинских причастных и деепричастных форм, оформленных при помощи этих суффиксов.

-biɣV(ʔ), -bIɣV - слитный суффикс: -bi + деепричастие ʔi-ɣV 'будучи'. -ma выражает причастие перфекта (*participium perfecti passivum*); -ʔa, -ɣV - причастие презенса и претеритума (*passivum*); -i, -i - деепричастие и причастие (включая *participium perfecti passivum*).

P. A l v r e, V. K i n g i s e p p
(Tartu)

VÄITEKIRJU ESTI KEELE JA KIRJANDUSE
ALALT

Tartu Riikliku Ülikooli erialanõukogus D 069.02.02
kaitstakse igal aastal puhtfennougristiliste uurimuste kõr-
val väitekirju ka eesti keele ja kirjanduse alalt.

1

19. XII 77 oli kaitsmisel A. Mõlderil nimelise Eesti Loo-
makasvatuse ja Veterinaaria Teadusliku Uurimise Instituudi
noorenteaduri Siiri K a s e p a l u väitekirj "Tuletus-
likke ja semantilisi aspekte eesti loomakasvatusterminoloogia
kujunemisel", mis kuulub rakenduslingvistika valdkonda. Sel-
les analüüsitakse nii tänapäeva terminoloogiat kui ka looma-
kasvatussõnavara arengut erinevatel perioodidel alates 17.
sajandist. Autor on kogunud eri allikaist ulatusliku aines-
tiku: 10 000 põhitermit koos dublettidega. Rakendatud mee-
tod lubab iseloomustada vastava ajajärgu loomakasvatussõnava-
ra nii sõnaliigiliselt koosseisult, struktuurilt kui ka tu-
letuslikult, s. o. liidete tuletusmallide järgi.

S. Kasepalu töös on välja selgitatud loomakasvatuster-
minoloogia olulisimad lüngad (polüseemia, pikad kirjeldavad
väljendid, ühe mõiste väljendamine erinevate vahenditega) ja
esitatud oma põhimõtted oskussõnavara korrastamiseks. Autor
peab vajalikuks jälgida ennekõike ühtsust mõiste ja seda tä-
histava termini vahel, samuti ühesuguste tuletusmodellide ja
samatahenduslike keeleelementide kasutamist ühel liigitus-
astmel. Vastavate oskussõnastike koostamiseks, kus terminid
esitatakse mõistegruppidega, teeb S. Kasepalu konkreetse et-
tepaneku, mille õnnestunud maketiks on väitekirja lisa. Loo-
makasvatusterminoloogiat on üldse vaadeldud töös kui mõiste-
te süsteemil põhinevat terminite süsteemi. Autor on välja

töötanud õnnestunud klassifikatsiooni teatud süsteemidesse kuuluvate mõistete kohta, mida on loogiliselt põhjendatud nii keeleliselt kui ka eriala tähendus sisust lähtudes.

Et väitekirja aine ja meetod on uudne, siis ei kuulu selles püstitatud probleemide lahendamine kergete kilda. Oponendid prof. A. Kask ja prof. K. Kurm ning filol.-kand. M. Hint rõhutasid töö suurt praktilist väärtust. Mitmetes sõnavõttudes peeti vajalikuks jätkata eesti teaduskeele uurimist väitekirjade tasemel teistegi erialade piires, et sel teel luua lähtekoht kogu keelt haarata oskussõnavara üldiseks korrastamiseks. Seevastu puudus ühtne seisukoht, kuid võrd mitteproduktiivsete sufiksrite tarvitamine end uute terminite moodustamisel õigustab.

2

ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudi nooremteaduri Lembit V a b a väitekirja "Läti laensõnad eesti keeles" oli kaitsmisel 24. aprillil 1978. a. Oponeerisid prof. A. Kask ja dots. M. Mäger. Akadeemik P. Ariste juhendamisel on selle tööga valminud põhjalik läti laensõnade käsitlus, kusjuures vaatluse all on 1026 lekseemi. Esmakordselt on neist etümologiseeritud tervelt 740.

Võrdlev-ajaloolisele ja keelegeograafilisele meetodile tugineva uurimuse põhiosaks ongi etümoloogiline sõnaloend. Enamik registreeritud keelendeist pärinevad läti sõnaldud Latsi ja Leivu murrakust ning ainult 254 päris-eesti murretest; veelgi tagasihoidlikum on nende arv eesti kirjakeeles. Koos läti laensõnade tüüpiliste levikupiirkondadega on välja selgitatud ka seos eestlaste ja lätlaste kultuuri- ning asustuslooga. Et eraldada läti keelest tulnud sõnavara teistest laenudest (näit. alamsaksa omadest), on tulnud välja töötada eralduskriteeriumid, mis võimaldavad ühtlasi selgitada lätialaenulise sõnavara vanuselised kihistused.

Detailse vaatluse objektiks on laensõnade häälikuline, morfoloogiline ja tähenduslik kujunemine. Suhteliselt hästi kajastub algupärane konsonantism Latsi ja Leivu murraku hilistes laensõnades (Lut griusl'i 'kanepitemp', Lei sefid' 'poiss'), kuid mujal on võõrad häälikud korvatud kõ-

lalt lähedasematega (maGun < maguona, kirBits 'ümargune kõrvits' < kirbise). Ebareeglipäraste häälikuliste vastavuste aluseks on kas analoogia, ületaotlus, rahvaetümoloogia või kontaminatsioon.

Morfoloogiliselt on läti laensõnad kohanenud eesti keele käänd- ja pöördtüüpidega ning tuletussüsteemidega. Mitmed läti keelele iseloomulikud grammatilised jooned, nagu soo eristamine ja verbide aspekt, jäävad eesti keeles kajastamata.

Sõnaliigiliselt on laenude hulgas kõige enam substantiive (u. 80 %). Leivu murrakus leidub aga isegi mõningaid läti päritoluga prepositsioone ja konjunktsioone. Laenuline sõnavara on temaatiliselt rühmitatud 13 alaliiki: põllundus ja karjandus, kalapüük, ehitused ja tööriistad, kodumajapidamine, somaatiline sõnavara, floora, fauna jne. Läti laensõnade esinemust eesti keeles jälgitakse murdealade kaupa. On huvitav täheldada, et eesti keele vahendusel on mõned läti sõnad tunginud ka soome, vadja ja isuri keelde (vdj kaneppi, is kaneppi 'kanep', vdj lättsi 'vikk, kurehernes', vdj pastelit 'pastlad', sm vanikko 'vanik').

Läti sõnade ligikaudset laenamisaega võimaldavad selgitada mõningad häälikuloolised erijooned. Keeleliste ja keeleväliste dateerimisandmete võrdlemine aitab eristada kaht laenukihistut (vanemat ja nooremat). Mõnikord osutab erinevus sama sõna vokalismis erinevale laenamisajale (näit. sard - saard 'kuhjalava', udras - oudras 'saarvas').

L. Vaba väitekirjal on oluline koht eesti keeleteaduses: selle tulemusi saab edukalt rakendada nii etümoloogilise kui ka murdesõnaraamatu koostamisel. Kaks- ja mitmekeelsuse tingimustes ilnevad seaduspärasused pakuvad huvi üldkeeleteadusele.

Väitekirja teemal ilmus dissertandilt 1977. a. põhjalik monograafia (304 lk.), mille kohta avaldati arvamust, et ammendava ja viimistletud uurimusena võinuks see vastata doktoriväitekirjale.

3

Samal koosolekul oli arutusel TRÜ eesti kirjanduse ja rahvaluule kateedri vanemõpetaja Toivo K u l d s e p a uurimus "Eesti kirjanduse retseptsoon Soomes (1900 - 1940)",

mis on esimene unes nõukogus kaitstud kirjandusalaane väite-
kiri. Oponeerisid prof. E. Nirk ja filoloogiakandidaat va-
nemteadur R. Põldmäe.

T. Kuldsepp on aastail 1973 - 1976, kui ta töötas Soomes Jyväskylä ülikooli eesti keele lektorina, kogunud ulatusliku ainetiku eesti kirjanduse vahendamise kohta soomlastele. Väitekiri on üldse esimene süsteempärane uurimus eesti kirjanduse retseptioenist välismaal.

Vanimad kultuurikontaktid Eesti ja Soome vahel ulatuvad 17. sajandisse, kuid nende märgatavat elavnemist võib täheldada alles pärast Soome liitmist Vene riigi koosseisu mõõdunud sajandi algul. Väitekirja sissejuhatavas osas on vaatlusobjektiks vanema kirjanduse tutvustamine soomlastele (Fr. R. Kreutzwaldi, L. Koidula, C. R. Jakobsoni jt. looming). Teedrajavaks sai tuntud estofiili A. Ahlqvisti teos "Viron kirjallisuuden historia" (1856).

Väitekirja neljas peatükis jälgitakse eesti kirjandust ja kirjanduselu tutvustavaid kirjutisi ning tõlketõeseid endidki alates sajandivahetuse realismist kuni 1940. aasta lõpuni välja. Aastail 1900 - 1917 oli eesti kirjanduse peamiseks vahendajaks Soomes Aino Kallas, kes tutvustas esmajoonel "Noor-Eesti" autoreid. Ajavahemikus 1917 - 1940 tutvustas soomlastele järjekindlalt eesti kirjandust ajakiri "Suomalainen Suomi", kus soomlaste E. Leino, A. Kalda, V. Tarkkainen, K. Krohni, K. Koskimiesi, L. Viljaneni jt. kõrval kuulub oluline koht ka eesti kirjanikele ning kriitikutele (F. Tuglas, V. Grünthal-Ridala, A. Annist, A. Oras, L. Vesterinen, E. Niinivaara jt.). F. Tuglase soomekeelne "Eesti kirjanduse ajalugu" (1939) on aastaid olnud ka kõrgkoolide õpikuks.

Eesti kirjandus jäi Soomes 1920. ja 1930. aastail põhiliselt akadeemiliste ringkondade harrastuseks, sest tõlgete tiraažid polnud kuigi suured (1000 - 3500 eksemplari) ja läbimüük enam kui tagasihoidlik. Ajavahemikul 1900 - 1940 avaldati 20 tõlketõest lehekülgede üldarvuga 4500. Vaatamata kirjandussuhete mõlemapoolsele aktiveerumisele ja kirjanikegi vastastikele külaskäikudele jäi eesti kirjandus laiadele rahvahulkadele praktiliselt tundmatuks.

T. Kuldsepp on a. 1977 avaldanud väitekirjast Soomes kõrgkoolide õpikuks mõeldud lühikokkuvõtte pealkirjaga "Vi-

ron kirjallisuus Suomessa". Meil tuleks aga uurimus ära trükida tervikuna või, mis veelgi parem, laiendatud kujul koos väitekirjast väljajäänud lisadega. Autorit ootab ees uus tööpöld eesti kirjanduse retseptsiooni kohta Soomes aastast 1941 alates.

4

15. VI 1978. a. kaitses Pärnu Linna Avaliku Raamatukogu lugemissaali juhataja Leida T a l t s kandidaadiväitekirja "Eesti näitekirjanduse retseptsioon Pärnu teatris aastail 1875 - 1975", mis oli valminud prof. H. Peebu juhendusel. Ooneerisid prof. J. Peegel ja filoloogikandidaat Ü. Tonts.

Estikeelsete teatrite sünd möödunud sajandi teisel poolel on vahetult seotud rahvusliku ärkamisliikumisega. Selle aktiivseks keskuseks kujunes teatavasti Tartu, kus a. 1865 alustas tegevust "Vanemuine" ja kus a. 1869 toimus esimene laulupidu. Pärnu teater "Endla" sündis a. 1875. Esimese originaalteosena lavastati seal L. Koidula "Säärane mulk ehk sada vakka tangu-soola".

Kutseliseks teatriks kujunes "Endla" alles käesoleval sajandil (a. 1911). Muu repertuaari hulgas on pidevalt olnud ka eesti kirjanike (A. Kitzbergi, E. Vilde, E. Peterson-Särgava, A. H. Tammsaare jt.) lavateoseid.

Väitekirjas esitatakse ulatuslikult seni uurimata sisetikku ja antakse detailne ülevaade meie algupärase dramaturgia sünnist kuni käesoleva ajani seoses teatri "Endla" praktikaga. Töö lõpus leidub ülevaade Pärnu 100-aastase teatri kogu repertuaarist. See on tänuväärseks materjaliks ka teatriajaloolastele.

Tööst kasvab välja praktilise tähtsusega järeldus, et need kirjanikud, kel on olnud tihe isiklik kontakt teatriga (V. Gross, M. Unt, V. Vahing, O. Kool, M. Traat), on saanud oma loomingule teatrilt mitmeid positiivseid impulsse.

Tervikuna annab aga L. Taltsi uurimus hea ülevaate sellest, kuidas originaalteksti, selle arvustuse ning lavapraktika ja sellegi arvustuse ühtsusest koorub välja eesti näitekirjanduse retseptsioon ühe teatri raames. Töö tähtsus eadisele uurimistööle on ilmne. Selles väljatöötatud metoodika alusel on võimalik vaadelda ka teiste teatrite osa eesti draamakirjanduse retseptsiooni kujunemisel.

А.П. БАРАНЦЕВ
/Петрозаводск/

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМЕ
ЭТНОГЕНЕЗА КАРЕЛ

С 30 июня по 2 июля 1976 г. в городе Йозенсуу /Финляндия/ был проведен финско-советский научный семинар по проблеме происхождения карел. Эта встреча состоялась по инициативе Института г. Йозенсуу - центра губернии Северная Карелия. Она вызвала большой интерес среди исследователей в обеих странах. В работе семинара приняли активное участие в той или иной форме многие видные ученые-специалисты по прибалтийско-финским народам и языкам, большой вклад в успешную работу семинара внесли академик Кустас Вилкунн /Финляндия/ и академик АН Эстонской ССР Пауль Аристе /СССР/.

В докладах и сообщениях тема семинара рассматривалась с различных точек зрения. Свои суждения высказывали представители различных областей знания, но основное внимание уделялось прежде всего первоначальной стадии генезиса племени Карьяла /Кореа в новгородских летописных известиях/.

Г.А. Паникрушев /Петрозаводск/ выступил с докладом "Происхождение карел в свете археологических данных". Картину сложения племени Карьяла он обрисовал так: имя Карьяла носил союз племен, это объединение сформировалось на территории - северная часть Карельского перешейка и северо-западное Приладжье, которое издавна им принадлежало. На рубеже I и II тысячелетия н.э. этот племенной союз продвинул свои поселения на северо-западную часть Обонежского перешейка, и, направляясь южнее, встретился здесь с выходцами из племенного союза Вель.

"Карело-ингерманландские связи по данным археологии"- название доклада П. Сарваса /Хельсинки/. Докладчик охарактеризовал археологическую изученность северо-западного и северного Приладжья, Карельского перешейка, Ингерманландии в I тысячелетия н.э. как недостаточную. Он критически рассмотрел все группы находок предметов эпохи позднего металла, которые обычно интерпретировались как этнические указатели. Этническое истолкование археологического материала в этих ареалах затрудняется неравномерной историей их изучения и

прежде всего тем, что отсутствует единая хронология и единая история находок. Вопрос об энической непрерывности населения западного побережья Ладоги от эпохи викингов до эпохи крестовых походов требует дальнейшего изучения. Мысль о предшествующей до эпохи викингов неметаллической культуре в окрестностях Ладожского озера нуждается в археологических свидетельствах; для этого необходим поиск и тщательный анализ предметов энеолита /керамики/ и предметов эпохи раннего металла.

В. Салохеймо /Йоэнсуу/ рассказал о результатах раскопок в Сурлаампи. Пыльцевой анализ остатков растительности доказывает, что население здесь было знакомо с зачатками земледелия.

Доклад историка Х. Киржинена /Йоэнсуу/ "Карели: перво-бытное племя или племенное объединение" был заслушан первым. Автор изложил существо проблематики, которая послужила основной темой семинара, и в этой связи дал обзор существующих мнений финских и советских исследователей. В заключение докладчик предложил свою гипотезу об участии Волховской чуди в сложении племени Карьяла. По его словам, население южного и юго-западного приладожья, которое было известно как чудь, можно рассматривать за протокарел.

Э. Кууйо /Хельсинки/ представил доклад "Происхождение Ладожской Карелии по историческим данным", где, в частности, констатировал, что исторические свидетельства сами по себе не дадут никаких сведений о первоначале Ладожской Карелии; для решения проблемы происхождения племени Карьяла требуются усилия представителей многих других областей знания.

Историки А.С. Жербин /Петрозаводск/ и И.П. Паскольский /Ленинград/ подготовили совместный доклад "Советская наука о происхождении карел". Изложив историю изучения карел в СССР, авторы, придерживаясь в основном концепции Д.В. Бубриха, отметили, что современные карелы имеют сложную этническую историю, но период первичного этногенеза карел по-прежнему остается малоизученным. Рассмотрев существующие по этому вопросу гипотезы /Д.В. Бубриха, Х.Киржинена и других/, докладчики подчеркнули, что, по их представлению, племя Карьяла сформировалось значительно раньше /в первой половине первого тысячелетия нашей эры или еще раньше/, чем это обычно принято считать.

Выяснению взаимоотношений между карелами и бярмийцами

было посвящено выступление акад. К. Вилкуна /Хельсинки/. Изложив историю изучения сообщений о Биармии и биармийцах, он предложил новую интерпретацию этим названиям: биармийцы были торговцами в северных областях. В местах своего проживания они создали торговые общества, которые входили в определенную организацию. Центр такого поселения получал соответствующее имя. Биармийцы не составляли отдельного народа, в качестве биармийцев выступали карелы, коми, саамы и т.д. Традиции биармийцев сохранили напоследок восточные карелы, которые занимались торговлей вразнос и в этом качестве владели всей Финляндией.

В.В. Пименов /Москва/ выступил с докладом "К вопросу о карельско-вепсских этнокультурных связях". Он отметил, что южные карелы и вепсы имеют много общих черт в традиционной культуре: это можно объяснить тем, что они в прошлом имели общую культурную основу. Материалы этнокультурных наблюдений подтверждают заметное участие вепсов в этногенезисе южных карел, об этом же говорят результаты сравнительного анализа некоторых признаков южно-карельской и вепсской культур и обычаев /расположение устья печи, внутренняя композиция жилища/, данные по которым были обработаны на ЭВМ.

Материальная культура карел может выступать как один из источников при решении вопросов об их этногенезе - об этом докладывала Р.Ф. Никольская /Петрозаводск/. В традиционной материальной культуре карел Карельской АССР четко выделяется две подзоны: северная и южная. Различия между ними значительные, граница примерно совпадает с диалектологическими рубежами; их происхождение можно объяснить тем, что в этногенезе карел приняли участие три этнических элемента: собственно карелы /продолжатели древнего племени Корела/, вепсы /продолжатели древнего племени Вель/ и лопари.

Специалисты по карельскому фольклору подготовили два сообщения. "Ранняя духовная культура карел по данным "Калевалы" - тема выступления В. Кауконена /Хельсинки/. Он подверг сомнению установившееся мнение о том, что центральные эпические жанры во времена древней Приладожской Карелии были богатыми, сложными и жизненными. Основанием для этого послужил тот факт, что у карел, переселившихся в 1600 годы в район Тихвина - Твери - Валдая, не встречаются жанры калевальских поэтических традиций, хотя другие жанры народной поэзии /напр. заговоры/ сохранились до наших дней. В связи с этим

автор высказал гипотезу о том, что период бурного и блестящего расцвета старинной карельской устно-поэтической традиции приходится на 1600-1700 гг., т.е. на время, когда уже завершился процесс исхода карел во внутрь России. Л. Хонко /Хельсинки/ сделал сообщение "Возраст калевальской поэзии и этапы развития карельской культуры". Обзор истории датировок наиболее старых образцов народной поэзии калевальского размера, Л. Хонко подробно разобрал гипотезу В. Кауконена, оценив ее как одну из многих попыток определить возраст калевальской поэзии. По его мнению, окончательные суждения по этому и некоторым другим проблемам карельской духовной культуры преждевременны.

Языковеды представили четыре доклада. Акад. П. Аристе /Тарту/ не смог лично присутствовать на семинаре, он прислал свой доклад "Карело-эстонские языковые связи" в письменном виде. Ижорский язык /в прошлом один из древних карельских диалектов/ оказал заметное влияние на вайварские говоры эстонского языка; последний в свою очередь наложил отпечаток на ижорские говоры в нижнем течении р. Луги.

Автор данного обзора выступил с сообщением "К вопросу о происхождении жнокарельских диалектов", в котором изложил современные представления языковедов о процессах формирования ливвиковского и людиковского диалектов. Эти диалекты, распространенные на Олонецком перешейке, прошли сложный путь развития; они имеют значительный вепский субстрат, что заставляет признать участие древних вепсов в образовании этих диалектов с самого начала.

Х. Лескинен /Юваскюля/ прочитал доклад "Карелия и саволаксы с точки зрения исследования языка". Фактически он изложил свою концепцию первоначального происхождения и средневековой истории древней Карелии. После Ореховецкого мира /1323 г./ древняя Карелия распалась на 1/ Новгородскую /Кексгольмскую/ Карелию, 2/ Шведскую /Выборгскую Карелию и 3/ Саво. Эти зоны и, очевидно, языковые диалекты впоследствии развивались в различной обстановке, что прежде всего сказалось на их обособлении друг от друга. Зона Саво - это первое дочернее поселение древних карелов. В средние века эта зона интенсивно заселялась выходцами с юга и запада Финляндии, языковые особенности которых стали здесь доминировать; древнекарельское языковое наследие в Саво затем подверглось переработке.

"Карело-саамские связи по лингвистическим данным" - тема доклада М. Корхонена /Хельсинки/. Контакты саамов с карелами имеют длительную историю, их следы обнаруживаются в топонимике Карелии и Кольского полуострова, словаре обоих языков и т.д. Наиболее древние следы проявляются в топонимических названиях южной части Карельской АССР - на Олонецком перешейке, который был главной зоной проживания протосаамов. Саамский субстрат в кижокарельском диалектологическом регионе изучен пока недостаточно, но его присутствие не вызывает сомнения.

В обсуждении докладов и сообщений выступили И.П. Шаскольский, В.В. Пименов, К. Вилкуна, А. Турунен, К. Мейнандер, Х. Киркинен и некоторые другие.

В заключительном рапорте, который был единодушно принят всеми участниками международной встречи, было отмечено, что состоявшийся семинар синтезировал современные знания об этногенезе карел. Хотя вопрос о первоначальном этапе происхождения карел не получил окончательного решения, все же семинар дал много новых сведений и стимулов для изучения происхождения племени Карьяла и его ранней культуры и тем самым продвинул вперед научное понимание проблематики. Успешное изучение языка, истории и культуры карел необходимо требует усиления научного сотрудничества финских и советских ученых, что в свою очередь будет способствовать укреплению дружеских культурных связей между Финляндией и Советским Союзом.

Материалы международного семинара по этногенезу карел будут опубликованы на финском и русском языках. Все хлопоты, связанные с подготовкой публикации, взяли на себя Институт г. Йёнссу и его ректор проф. Х. Киркинен.

О.Б. Ткаченко, СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
СЛАВЯНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ. Киев, 1979, 300 стр.

Фразеология финноугорских языков изучена слабо. Тем более вызывает удивление, что О.Б. Ткаченко из всей разнообразной фразеологической проблематики сумел выбрать тему, позволяющую осветить древние взаимоотношения славянских и финно-угорских языков в совершенно новом аспекте.

В работе рассматриваются типы сказочных зачинов в славянских финно-угорских и других языках Евразии. Автором проработан обширный сказочный материал, что предполагает прекрасную ориентацию во многих языках (в общей сложности их в работе насчитывается 86); иллюстративный материал составляет 6800 карточек.

Новой является и методика, применяемая автором. Сочетая сопоставительно-типологический метод со сравнительно-историческим, он приходит к сопоставительно-историческому методу, который направлен автором на изучение строго определенного факта языка (микрообъекта). Глубина исследования, достигаемая таким образом, не оставляет места для сомнений в справедливости основных выводов, сделанных в исследовании. Как известно, О.Б. Ткаченко прекрасно ориентируется не только в славистике, но и в финно-угристикe. Он владеет рядом финно-угорских языков, что позволило ему непосредственно использовать самую авторитетную литературу. Об этом свидетельствует и список литературы, включающий 414 наименований. Все это говорит о большой начитанности автора.

Его бесспорная эрудиция проявляется и при анализе финно-угорского материала, что составляет наиболее весомую часть исследования. Наряду с материалом 15 финно-угорских языков рассмотрены примеры не менее пяти самодийских языков. Рецензент, особое внимание уделивший финно-угорской части работы, может с полной уверенностью сказать, что весь материал, подтверждающий выводы автора, приведен корректно и продуманно. О.Б. Ткаченко правильно применяет транскрипцию финно-угорских языков и хорошо ориентируется в сложнейших вопросах

исторической фонетики и морфологии. Предложенные им реконструкции форм мерянского языка (с учетом проводимых в работе сравнений с молдавскими языками) лингвистически достоверны. вполне вероятно, что возникновение преобладающего в русском языке типа зачинов "жил-был" территориально связано с той областью финно-угорских языков, где говорили на мерянском языке. В то же время несколько гипотетичным представляется рецензенту мнение автора с роли иберо-кавказских языков в оформлении финно-угорского, копулятивного типа зачина. Следовало бы отметить также возможность параллельного возникновения, что естественно для языков, территориально друг от друга отдаленных, несмотря на их типологическое сходство.

Таблицы и цифровыми данными и богатый языковой материал в целом говорят в пользу изложенных в исследовании мнений.

Исследование О.Б. Ткаченко "Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков" открывает новые пути в изучении общего и различного в этих языках и вносит значительный вклад в общее языкознание.

В лице О.Б. Ткаченко мы имеем исследователя широкого охвата, обладающего творческой фантазией, что позволяет ему, не отрываясь от фактов, ставить новые гипотезы и разрабатывать новые теории. Финно-угроведы с интересом будут ждать от О.Б. Ткаченко новых значительных исследований.

A. L a a n e s t , SISSEJUHATUS LÄÄNEMERESOOOME KEELTESSE.
Tallinn, 1975, 240 lk.

Seni ilmunud ülevaateosed (nagu B. Collinderi, Gy. Décsy jt. omad) on pidanud silmas uurali või soome-ugri keelkonda tervikuna. Hoopis vähem tähelepanu on pööratud soome-ugri keelte üksikute alarühmituste iseloomustamisele. Seda lünka läänemeresoome keelte osas püüab täita Arvo L a a n e s t i "Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse". Teos on ilmunud Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi väljaandena.

Raamat annab ülevaate läänemeresoome keelte fonetiikast, morfoloogiast, süntaksiküsimustest ja sõnavara päritolust. Ainestiku käsitus on esmajoones võrdlev-ajalooline, mis pole juhuslik, sest just selle meetodi abil on läänemeresoome keeleteadus saavutanud seni kõige olulisemaid tulemusi. Üksiküsimuste valgustamisel on silmas peetud ka keelte tänapäeva struktuuri põhijoonte järjekindlat esiletõmist.

Sissejuhatavas peatükis "Üldist" esitatakse algteadmisi läänemeresoome rahvaste, nende ajaloo, keelte iseloomulike tunnuste, murrete, kirjakeele ja uurimisajaloo kohta. Arvulised andmed Nõukogude Liidus elavate eestlaste, karjalaste, soomlaste, vepslaste ja isurite kohta ajavahemikus 1926 - 1970 on toodud tabeli kujul. Vadjalaste ja liivlaste kohta puuduvad teatavasti ametlikud andmed, kuid keeleuurijate arvamuse järgi on vadja keele kõnelejaid mõnikümmend inimest, liivlasi 150 ümber.

Läänemeresoomlaste asumisalasid illustreerib vastav skeem, mille najal on kergem mõista ka ülevaadet nende etnilisest ajaloost. Viimase puhul on aluseks võetud H. Mokra ja P. Ariste seisukohad teoses "Eesti rahva etnilisest ajaloost" (1956), mille järgi juba II aastatuhandel e.m.a. asusid Läänemere ääres praeguste läänemeresoome rahvaste eelkäijad. Need rääkisid soome-ugri algkeele murret, mida võib pidada läänemeresoome keelte eelkäijaks. Võrreldes E. N. Setälä omaaegse seisukohaga, mille järgi soome-ugri algkeele

ühtaus lagunes alles u. 250 a. e. m. a. ja läänemeresoome hõimud eraldusid üksteisest hiljemalt 800 a. m. a. j., on nüüd läänemeresoome aluskeelegi periood nihutatud märksa kaugemasse minevikku.

Läänemeresoome peamiste murrete käsitluses on esile toodud tüüpilisimad foneetilised ja morfoloogilised erinevused. Soome peräpõljoia murderühma Tornio vormide talhõn 'majja', tehtihin 'tehti' puhul pole ilmselt õige siduda neid vokaali kaotanud kujudega talhon ja tehtihin, millele olevat kaasnennud "h-le järgneva vokaali pikenemine" (lk. 26). Usutav põhjus on seekord metateesis (talohon > talhoon, tehtihin > tehtihin). Lõunaesti morfoloogilise erijoonena oleks tulnud lisada ka mitmusetüveline genitiiv (jalGu < ^hjalkoi-õen), kuigi L. Kettuneni eesti keele häälikuloos ja sellele tuginevates käsitlustes seda ei mainita (lähtutakse ekslikult ainsusetüvelisest ^hjalkaõen-kujust). Tartumurdelise tugevaastmelise i-mitmuse mainimine (jalGun 'jalgades') eeldab ühtlasi Võru murdes hästi säilinud reeglipärase i-mitmuse äranäitamist, mida praegu pole tehtud. Pilt a-mitmusest kipub jääma ühekülgne, sest mainitud keskmurde partitiivid ko'ta 'kotte', verkka, 'vörke' ei näita a-mitmuse ulatuslikumat tarvitamist obliikvakäändeis, nagu see on omane idamurdele ja ka lõunaesti keeleala kõige idapoolsemale osale.

Peatükis "Fonetika" (lk. 53 - 88) on vaatluse all kaks põhiküsimust: 1) tänapäeva läänemeresoome keelte häälikuline süsteem, 2) nende keelte häälikulugu. Et läänemeresoome keelte häälikulugu rohkearvuliste üksikkeeli ja murdeid haaravate ülevaadetega on üsna põhjalikult läbi uuritud, oleks autori sõnade järgi saanud seda töö osa kerge vaevaga mitmekordselt pikendada. Eesmärgiks on siiski olnud jätta rohkem ruumi morfoloogia jaoks, mille kohta suuremaid eriuurimusi on suhteliselt vähe ja ainestikki laiali pillatud mitmesugustes grammatilistes ülevaadetes, häälikulugudes ja muides kirjutistes.

Läänemeresoome keelte praeguses häälikulises süsteemis on suur tähtsus pikkade ja lühikeste konsonantide ning pikkade ja lühikeste vokaalide opositsioonil. Konsonantide fonoloogiline vastandatus helilisuse alusel on aga enamikus keeltes nõrgalt arenenud või puudub üldse. Õeldu kehtib ka

opositsioonide s/h ja z/ž kohta. Afrikaatide osatähtsus on väiksem kui muudes soome-ugri keeltes. Erinevalt paljudest indo-euroopa keeltest on läänemeresoome keeltele omane põhiliselt langev intonatsioon nii jutustavas, küsivas kui ka hüüdlauseis.

Läänemeresoome keeltes toimunud häälikumuutused on rühmitatud otstarbekalt kolme rühma: 1) ühisläänemeresoome aegsed, 2) ainult osale läänemeresoome keeltele ühised, 3) üksikeelte foneetilist eriarengut iseloomustavad.

Läänemeresoome keelte ühiste häälikumuutuste rühmas on ka mõningaid erandeid, millele juhitakse eraldi tähelepanu. Näiteks on sn üldiselt säilinud (soome käsnä, eesti käsn), kuid inessivis tuleb sn > ss kõrval nii eesti kui ka soome murdevormides esile s > h (e külähN 'külas', sm mihnä 'kus').

Vokaali e suhtes toetab A. Laanest soome teadlaste seisukohta, et läänemeresoome aluskeeles see veel iseseisva foneemina ei eksisteerinud. Küll aga võis tagavokaalsetes sõnades esineda e tagapoolsemalt häälduv variant. Meil tavaks olnud rekonstruktsioonide *v̄eras 'võõras', *merta 'mõrd' asemel esineb nüüd käesolevas töös järjekindlalt *v̄eras, *merta jt. Võib-olla on mittefonoloogilise kallakuga töödes paindlikum toetuda märkimisviisile *v̄eras, *merta.

Kolmandas, töö pikimas peatükis (lk. 89 - 196) toimub mitmesuguste morfoloogiaalaste nähtude jälgimine. Seal antakse ülevaade ka tuletussufikseist.

On tänuväärne, et kohe peatüki algul juhitakse tähelepanu asjaolule, et kõik läänemeresoome keelte noomenid ja verbid jagunevad kahte suurde rühma: ühetüvelisteks ja kahtüvelisteks. Selle seiga ignoreerimise tulemusena ongi eesti keele grammatikaisse ilmunud ebaõnnestunud muutkondade süsteemi, kus kõik konsonantseid vorme sisaldavad sõnad on mõttetult püütud viia erandite alla.

Teiste läänemeresoome keelte reeglipäraste i-mitmuse vormidega esitatakse kõrvuti ka lõunaesti kallust ja vedja kaloissa 'kaladest', mis oleks tulnud eelmistest kui tugevaastmelise i-mitmuse vormid lahus hoida (vrd. reeglipärane i-mitm. lõunaesti kalost ~ kalust, vedja kalossa). Rekonstruktsioonivorm *kaloista (lk. 96) on sisuliselt võttes väär,

sest nii eesti kallust kui ka vadja kaloissa ei lähtu vahest sellest, vaid tuginevad oma sekundaarse oi-diftongi tõtu mitmuse genitiivile.

Partitiivi ta-lõpu säilimise kohta pole otstarbekas tuua selliseid vadja näiteid, nagu jalkāta 'jalga', seppitā 'seppi' (lk. 100 jj.). Neis pleonastilise käändelõpuga kujudes on -ta hiline, sest see on algselt kuulunud ainult pea- ja kaasarõhulise silbi järgsesse positsiooni. Rääkides partitiivi pärinemisest soome-ugri ablatiivist, oleks tulnud selguse mõttes lisada näitesõnadele sm takaa 'tagant' ja ulkoa 'väljast' nende läänemeresooma aluskeele lähtekujud *takata ja *ulkota.

Vadja nā-, nā-komitatiivide kõrval oleks oodanud samasuguse na-esinemuse äramärkimist ka eesti rannamurdest, kus E. Ahrensi "Satzlehre" järgi öeldakse tema kisub juurina üles 'reißt mit den Wurzeln heraus' (lk. 55).

On muidugi õige, et vepsa keelt iseloomustab possessiivsufiksrite liitumine pronoomeni käändevormidele (hänelaZ 'temal' jt.), kuid märkimata on jäänud samasuguste vormide soosimine soome vanas kirjakeeles (M. Aricolal hänelläns 'temal'). Eesti refleksiivpronoomeni tüveks on antud ekslikult en- ja murdeline hen- (lk. 126), kuid peab mõistagi olema ene- ja hene- (vrd. ene-se-le, murd. (h)ene-le 'endale'). Possessiivsufiksi rudiment se ilmneb sõna keskel käändelõpu ees, millisele seigale oleks võidud samuti tähelepanu juhtida.

Verbi tuletussufiksrite korral oleks soovinud vahel näha ka mõnede murdeliste liidete arvestamist, eriti siis, kui muidu tekib vastava keele kohal lünk. Nii saab paigutada *aita deskriptiivide rühma lõunaeestilised helämä 'helisema', põrama 'põrisema' jt., milline tüüp on muide eriti produktiivne ka idasooma murdeis ja karjala keeles. sk-rühmas on küll esitatud liitsufiksiline lõunaeesti nakasklema tähendusega 'korduvalt alustama', kuid F. J. Wiedemanni grammatika järgi tähendavad skle-verbid nii korduvat kui ka vahesel määral toimuvat tegevust; nad on frekventatiiv-deminutiivid (vrd. södäskelemä 'öfters aber wenig auf ein Mal füttern', lk. 252). Põhjaeesti murded ja kirjakeelgi on sellise tähenduskombinatsiooni väljendamisel üha abitud.

Besti tud-partitsiibi -d kohta arvatakse tavaliselt, ett

see on tekkinud nud-vormide mõjul (nii ka A. Leanest). Knid on olemas ka teisi tekkevõimalusi, kusjuures -d võib olla isegi käändelõpp. Nii on see kindlasti konstruktsioonis sai tehtud, millel läänesoome murdeis (ja viimasel ajal ka kirjakeeles lubatult) on täpne vaste tuli tehtyä 'sai tehtud' (selle -ä nagu eesti vormi d-gi on partitiivi lõpp). Võrdluseks lisatagu, et põhiliselt idasoomelisel translatiivkonstruktsioonil tuli tehdyksi on omakorda paralleel eesti ranniku- ja ka lõunamurdeis (saije tettüs <-ks 'sai tehtud'), mis kõik tõestab eesti ja soome vastavate konstruktsioonielementide kokkulangemist.

Süntaksi alalt (lk. 197 - 207) käsitletakse ainult üksikuid küsimusi, mille kohta on varem kirjutatud monograafiaid või milles avalduvad eriti olulised läänemeresoome keelte erijooned. Ligemaa vaatluse all on seega järgmised probleemid: totaalne ja partsiaalne objekt, totaalne ja partsiaalne predikatiiv, partitiiv kvantiteeti väljendavate noomenite atribuudina, nimisõnade liitumine, adjektiiviatribuudi ühildumine põhisõnaga, t-line ja m-iline infinitiiv, sidesõnadeta rinnastamine.

Sõnavara käsitluses (lk. 208 - 231) on kõige rohkem tähelepanu pööratud laensõnadele, sest nende kaudu ilmnevad kõige selgemini läänemeresoome keelte kokkupuuted naaberkeeltega.

Nende lugejate jaoks, kes ei tunne soome-ugri keelte teaduses tarvitavat foneetilist transkriptsiooni, on raamatu lõpus esitatud kolmel leheküljel selle transkriptsiooni alused.

M. L e p p i k , INGERISOOME KURGOLA MURDE FONOLOOGILISE SÜSTEEMI KUJUNEMINE. Tallinn, 1975, 228 lk.

Merle L e p p i k u uurimus "Ingerisoome kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine" kuulub Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi väljaannete hulka.

Alamluuga rühma liituva Kurgola murde uurimine osab olulist kohta Ingerimaal säilinud läänemeresoome keelte komplekses analüüsis. Teema aktuaalsus tuleneb ennekõike vaaeldava murdeala geograafilisest asendist.

Kuskil mujal pole kontakt teiste läänemeresoome keeltega ja vene keelegagi olnud nii tihe kui Leningradi oblastis. Ingerimaal on juba aastasadu elanud üksteise vahetus naabru- ses soomlased, vadjalased, isurid ja venelased. Bi- ja tri- lingvismigi on eriti viimasel ajal tasandanud nende keelte va- helisi piirjooni, mille tõttu ka vaatlusobjektiks olev Kurgolovo poolsaarel räägitav soome keele murre on üha kaugene- nud emamaal Soomes tarvitatavast keelekujust. Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemist iseloomustavad keerukad ja mitmetahvlised protsessid, mille oskuslik eritlemine eeldab uurijalt suurt lugemust ja head orienteerumisvõimet ulatus- likus ainekust. Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kju- nemisest läänemeresoome aluskeele foneemide baasil saab lu- geja üldiselt meetodikindla ja tõepärase ülevaate.

Uurimus koosneb sissejuhatausest, kahest põhipeatükist (konsonandid, vokaalid) ja järeldustest. Resümeeid on vene ja inglise keeles. Töö lõpus leidub ülevaate kasutatud kirjan- dusest ja selle lühendeist ning muist lühendeist.

Sissejuhatauses (lk. 5 - 33) tutvustab autor lugejat kõi- gepealt mõistetega Ingerimaa ja alamluuga murded, mille koos- seisu kuulub ka Kurgolovo poolsaarel räägitav Kurgola murre. Geograafiliselt lähedaste läänemeresoome keelte levikualast aitab saada hea ülevaate lk. 7 toodud skeem, kuhu on valiku- liselt kantud külasid ja asustuskeskusi ka väljaspool Kurgola murdeala. Andnud ülevaate varasemaist uurimisist, mis va- hetult või riivamisi on seotud väitekirja temaatikaga, mär- gib autor, et käesoleva töö aluseks on ajavahemikus 1962 - 1972 Kurgolovo poolsaare küladest isiklikult kogutud mater- jal. Et küladevahelised murdeerinevused on tänapäevaks ni- velleerunud, pole peetud vajalikuks lisada murdenäiteile kü- lanimesid.

Kurgola murde fonoloogilise süsteemi jälgimisel lähtu- takse läänemeresoome aluskeele foneemidest, esitades seejuu- res võimalust mõõda häälikuseaduslikke muutusi ning muid mih- keid nii murdesiseste arengutegurite (analooogia jm.) kui ka naaberkeelte ja -murrete mõjul. Töö põhiosade mõistmiseks kä- sitletakse sissejuhatauses põgusalt läänemeresoome aluskeele oletatavaid segmentaalfoneeme, samuti astmevahelduse mitte- fonoloogilist iseloomu.

Taga-g-d (e) pole autor soome uurijaile tuginedes ar- vestanud aluskeele foneemide hulka, milline lähtekoht vähe-

malt soome keele puhul ei kutsu esile komplikatsioone ja tunduvalt puhtpraktilistelegi kaalutlustel otstarbekas. Vastuväiteid ei põhjusta ka läänemeresoome aluskeele kujunemisejärgus olnud astmevahelduse pidamine puhtfoneetiliseks nähtuseks, mil puudus veel fonoloogiliselt relevantne iseloom. Sellest tingitult kasutataksegi töös lihtsustatud transkriptsiooni, kusjuures näit. astmevaheldussuhe ᵛakka - ᵛakkān antakse edasi vaheldumatult $\text{ᵛ}[vakka]$ - $\text{ᵛ}[vakkan]$. Foneoloogilisest aspektist on seda töös küllaldaselt motiveeritud nagu üksikkusililidegi nõrgaastmeliste vastete välistamist, näit. $\text{ᵛ}[kota]$ - $\text{ᵛ}[kotān]$, $\text{ᵛ}[pimetā]$ - $\text{ᵛ}[pimetān]$ jt. Kõik need juhud on allofooniliselt defineeritavad.

Kurgola murde fonoloogilises struktuuris, arvestades ka laensõnu, eksisteerib 28 segmentaalfoneemi, kusjuures vokaal ᵛ esineb ainult vene laensõnas ᵛaka 'turg'. Kuigi autor on lülitanud ᵛ -i foneemide loendisse, ei realiseeru see ᵛ vahetus naabruses. Erinevalt soome kirjakeelest ei ole ta opositsiooni kandjaks ega vaja seetõttu kajastamist fonoloogilises transkriptsioonis, seda isegi mitte oodatava ᵛ -i gemineerumise puhul, näit. paja '(sepi)paja' - partit. pai_āa. Seda küsimust on muide M. Leppik analüüsinud pike-malt ühes eriuurimuses (a. 1971). Nõrgalt ning ebastabiilselt häälduva ᵛ -i korral võib antud lahendust pidada Kurgola murdes korrektseks, kuigi tekib küsimus, kas ᵛ hääldub ebastabiilselt ka kahe ᵛ vahel (ᵛ - ᵛ) või on ta seal (kas või siirdehäälikuna) alati esindatud, näit. sõna kuja 'õu' mitm. genitiivis kui_īn.

Sõna kaasrõhk määratakse töös positsiooniliselt ainult kolmanda ja viienda silbiga (lk. 33). Et sooma kirjakeeles ja murdeiski kandub kaasrõhk lühikese kolmanda silbi korral neljandale ja kuuendale silbile (näit. to-ttelematttomille 'sõnakuulmatuille') jääb selgusetuks, kuidas vastaval korral toimitakse Kurgola murdes.

Konsonantide peatükis (lk. 34 - 117) on vaatluse all läänemeresoome aluskeele konsonantidest ᵛp, ᵛt, ᵛk, ᵛn, ᵛn, ᵛl, ᵛr, ᵛh, ᵛs, ᵛj, ᵛv kujunenud foneemide esinemus. Konsonandisisene liigitus on läbi viidud positsioonilisel alusel (konsonant sõna alguses, pea- ja kaasrõhulise silbi või rõhutu silbi järel, sõna lõpus); üksikkonsonantide kõrval vaa-

deldakse eraldi geminaatide ja konsonantühendite esinemust. See kõik on vajalik, etstarbekas ja mõneti traditsioonipäraseid foneetilisi käsitlusi meenutav. Analüüsiki on lähm viidud üksikasjalikult ja võrdlused ulatuvad järjekindlalt liigemasse murdeisse ja sugulaskeelisse, mis kõik annab uurimusele kandvust ja lubab autoril siin-sealt täpsustada või korrigeerida varasemate uurijate arvamusi. Tuleb pidada õigeaks, et vaheldussuhe st : ss (näit. sõnas kasse - kasteen 'kaste - kaste') on tekkinud isuri keele mõjul (lk. 48). Paika peab ka seisukohavõtt, et etemmäs 'ettepoole' on tekkinud reeglipärasema vormi pitemmäs 'kauemini' eeskujul, samuti matokkain 'ussike, tõuk' sõna tütökkain 'tüdrukuke' mõjul (lk. 46) jne. On hea, et autor juhib tähelepanu sellistelegi foneemidele, mis küll soome kirjakeeles esinevad, kuid Kurgola murdes puuduvad (näit. lk. 41 ^{pp} rõhutu silbi järel sõnnus anoppi 'ämm', ulappa 'avameri').

Seoses sõnaalguliste konsonantide käsitlusega on M. Lepik arvanud Kurgola murde sõnad prikukko, (pääsküsen) prikut 'tedretähniline, tedretähnid' päritolult vadja-isuri laenude hulka (lk. 110). Nii see ilmselt siiski ei ole, sest substantiiv prikka, prikku koos adverbialsete ečasituletistega on tuntud teisteski soome murretes (esineb juba 1642.a. piiblis), samuti karjala keeles ja on "Soome keele etimoloogilise sõnaraamatu" andmeil (lk. 620) lähtunud algselt alamaksa prick-kujust.

Vokaalide peatükk (lk. 118 - 184) on pühendatud peamiselt vokaalfoneemide kujunemise analüüsile. Sama peatüki lõppu on tinglikult liidetud käsitlused silbipiirist ja sõnarõhust. Ka selles peatükis on rikkalikult tabavaid tähelepanekuid, järeldused õiged ja autoripoolsed seisukohad on enamikus arvestatavad. Laitmatu on näit. us-sõnade analüüs, kus praegune lühike u vormides vanhuve/u, -st 'vanaduse, -st' taandatakse Kurgola pikale lähtekujule, mille tõendiks tuuakse põhjendatult gemineerunud h-ga pahhuyen (lk. 130). Võib ühineda seisukohaga, et nakja 'magus', kipjä 'valus' tüüp on tekkinud substantiivide kapja 'kabi', hipjä 'ihu' analoogial (lk. 147). Refleksiiv-translatiivset verbitüüpi antiissa 'järele anda, lödveneda' on töös analüüsitud detailselt ja ii tekke kohta lisatud Kurgola murde aspektist senistele käsitlustele arvestatavaid lisakriteeriu-

me (lk. 150 jj.). Tugevaastmelise i-mitmuse kohta teodud tõendid näitavad selle tuginemist ainult mitm. genitiivile, aga mitte partitiivile, nagu on kaldunud arvama mõned varasemad uurijad (lk. 158). Põhjalik ja kõigiti ülevaatlik on diftongide käsitus.

Mitmuse partitiivvormide arengukäigu näitamine kujul koirii < koirija < ²koirita 'koeri' ilma lisaseletusteta on mõneti desorienteeriv, sest j ei ole mitte dentaalspirandi vahetu jätkaja, vaid ikkagi siirdehäälik (mõnel määral ehk koguni analoogiline kas kaasrõhulise possessiivsufiksilise koirija:ni 'minu koeri' või algselt diftongilise tüübi ²jälkoita > jalkoja eeskujul, kus i > j). Edasine autori arutluskäik geminatsiooni puudumise kohta muni 'kartuleid' tüübis hilise lõpukao tõttu on aga igati omal kohal ja õige.

Järelduste osas (lk. 185 - 197) kõrvutab autor kokkuvõtvalt Kurgola murret iseloomustavaid nähtusi nii üldisemalt soome ida- ja läänemurretega kui ka eraldi Sääkijärve murdega, millega Kurgola esinemus kõige enam kattub ja milliselt soome murdealalt ilmselt Kurgolovo poolsaare elanikkond põhiliselt põlvnebki. Erinevused teist algupära olevaist äärmõismurdeist leiavad samuti üldistavat käsitlemist, samuti isuri, vadja ja vene keele mõjud, mis on endisele Sääkijärve murdele andnud Ingerimaa keelte ja murrete keskkonnas uue ilme.

X. М е т с л а н г, НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТИХОВОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ЭСТОНСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин, 1978, 307 стр.

Tartu Riikliku Ülikooli erialandukogus D 069.02.02 kattses Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi nooremteadur Helle M e t s l a n g kandidaadiväitekirja teemal "Süntaktilisi aspekte eesti regilaulu värsiparallelismis". Oponentideks filoloogiadoktor professor P. Alvre (Tartu) ja filoloogiakandidaat dotsent M. Mäger (Tallinn).

Eesti rahvalaulude keele ning stiilikujundite mõningaid tahke on põhjalikumalt käsitletud alles sõjajärgseil aastail.

Nimetagem siinkohal kaht väitekirja tasemel valminud tööd: J. Peegli kandidaativäitekirj "Eesti vanade rahvalaulude keele morfoloogia" (1954) ja E. Laugaste doktoriväitekirj "Sõnaalguline ja sisealliteratsioon eesti rahvalauludes" (1969).

Häälikukorduse kõrval iseloomustab eesti regivärsilist rahvalaulu teine tähtis stiilivõte - parallelism ehk mõttekordus, millele seni on pööratud märksa vähem tähelepanu. Probleemikäsitus on olnud peamiselt folkloristlikku ja stilistilist laadi ning piirdunud mõnede lühiülevaadetega või TRÜ-s tehtud kursuse- ning diplomitöödega teatud paikkondade rahvalauludest. Parallelism on aga tähelepanuväärne uurimisobjekt ka lingvistikale. Vormivõimaluste piiratuse ja range struktureerituse tõttu ilmnevad parallelismis mitmed eesti keele liht- ja liitlauseehituse põhilised tunnusjooned. Üldkeele süntaksi suhtelise stabiilsuse tõttu pakub parallelismi uurimine huvi ka tänapäeva eesti keele seisukohalt. Ammendava lingvistilise analüüsini ning ulatuslikumate teaduslike järeldusteni eesti regivärsilise rahvalaulu parallelismist on jõutud alles käesoleva uurimusega.

H. Metslangi väitekirj "Süntaktilisi aspekte eesti regilaulu värsiparallelismis", mis koos lisadega hõlmab 307 masinakirjalehekülge, on nii sisult kui vormilt soliidne teaduslik töö. Selle eesmärgiks on parallelismile üldomaste süntaktiliste seaduspärasuste selgitamine.

Väitekirj koosneb sissejuhatusest, kolmest peatükist, järeldustest, lisadest ning kirjanduse loetelust.

Parallelismi struktuuri ja üldiste seaduspärasuste selgitamiseks on autor läbi töötanud ulatusliku ainetiku, mis koosneb 4500 peavärsiga algavast parallelismirühmast. Töö sissejuhatavast osast ja vastavaist tabelleistki saab lugeja ülevaate selle kohta, missugustest allikatest ja mis ulatuses materjali on kasutatud ning kuidas see jaguneb eri laululiikide vahel. Võrdsest 1500 värsiga ja ühtlase territooriaalse jaotumusega on esindatud kõik kolm analüüsitavaid laululiiki: eepilised laulud, laulud laulust ja laulikust ning pulmalaulud. Sellist laululiikide valikut tuleb lugeda õnnestunuks, sest teatavasti ei esine parallelism neis kõigis ühesuguse sagedusega. Süntaktilist pindstruktuuri analüüsitakse 981 parallelismirühmas, kuna aga infostruk-

tuuri analüüs toimub 1023 paralleelismirühma alusel. Nii suurele materjalile tuginev välistab võimaluse, et mõni tüüpiline paralleelismi tunnusjoon võiks analüüsist välja jääda. Otse vastupidi, ainestik on küllaldane selleks, et jälgida vajaliku usutavusega ka laululiikide erijooni. Paralleelismi lokaalseid iseärasusi võimaldab tuvastada Karksi laulude kõrnutamine üldesinemusega; vaatluse all on isegi ühe üksiklaulu (Mai Kaprali) individuaaljooned.

Uurimismetoodika detailid on autor ise suurelt osalt välja töötanud, tuginedes strukturaallingvistika saavutustele. Arvestatud on ka stilistika, folkloristika, semioetika, informatsiooniteooria ja psühholingvistika seisukohti. Esitatud väiteid on H. Metslang kontrollinud statistiliste meetoditega, mis aina lisab järelduste usutavust.

Väitekirja I peatükk "Paralleelism kui lingvistilise uurimise objekt" on üldise iseloomuga. Siin antakse kõigepealt paralleelismi määratlus eesti folkloristikas. Autori sõnastuses kõlab see nii: "Paralleelism on konstitutiivne võtte eesti regilaulus, mis grupeerib järjestikused värsid kompleksseks tervikuks - paralleelismirühmaks" (lk. 14). Märgitagu, et sõnastuselt on sellele lähedane "Eesti rahvalauludes" IV (1974, lk. 24) toodud definitsioon.

Paralleelismi sisulisel liigitamisel sünenüümiaparalleelismiks ja analoogiaparalleelismiks tekib küsimus, miks autor on jättnud arvestamata kolmanda võimaluse - segatüübi, mis eespool nimetatud teose andmel näib siiski realselt eksisteerivat (lk. 26).

Edasi tutvustatakse lugejat stiillingvistika põhimõtetele. Rõhutatakse, et vastavalt konstitutsioonile elab keel arvukais alltüüpides, mille uurimisega tegelebki stiillingvistika. Paralleelismi sõnasõnaline tõlgendamine pole näiteks mõeldav kohanimede puhul Ta läks murreldes Mohuse, kõverite läks Kõinaste, rudjus Ruhnusa viluse. Autor rõhutab õigesti, et niisugusel juhul ei pea tekst andma informatsiooni realselt maailmast, vaid selle põhjal kujundatud poeetilisest maailmast. Kolm kohanime märgivad lihtsalt mingit kauget kohta luulelise üldistusena.

Keele kasutamist poeetilistes struktuurides on semioetika aspektist analüüsinud teatavasti J. Lotman, kelle töödega on vajalikul määral tuttav ka dissertant. H. Metslang

peab paralleelismirühma lihtsa ehitusega ikooniliseks mär-
giks, mille vormiks on kindlate tunnuste abil ühendatud kõr-
vutavate tähendustega värsid. Abstraktsed tähendused lauli-
ku mõtlemises ja keelesüsteemis võivad avalduda korduvate
konkreetsete lekseemidena. Üldse kujuneb sekundaarkeel pri-
maarsest konnotatsiooniprotsessis. Hariliku keele paradig-
maatikale omane ekvivalentsisuhe on selles viidud süntag-
maatikasse.

Paralleelismi arengu põhijoonte esitamisel tuginetakse
V. Žirunski jt. uurimustele. Aglutineerivates keeltes kaas-
neb ühesuguste lõppude tõttu sageli süntaktilise paralle-
lismiga grammatiline riim, millest võib algul kujuneda ju-
huslik, hiljem aga kanooniline riim. Läänemeresoome alus-
keelest juttu tehes on põhjust rõhutada, et regivärss ula-
tub kahtlemata juba nendesegi kaugetesse aegadesse. Oma-
aegne K. Krohni seisukoht, nagu poleks vepslased regivärssi
kunagi tundnud, on aegunud, sest regivärssi jäljed tulevad
seal veel tänapäevalgi rudimentaarselt esile.

Läänemeresoome regivärssi paralleelismi esimese struktu-
ralistliku käsitlaja au on töös omistatud põhjendatult
W. Steinitzile uurimusega "Der Parallelismus in der finnisch-
karelischen Volksdichtung" (1934). Seda uurimust on oma töös
H. Metslang vajadust mööda kasutanud, kuid eesti regivärssi,
sealhulgas ka paralleelismi erinevuste kujunemiskäigu välja-
selgitamiseks ei saa edaspidi järjekindlamatest võrdlustest
soome keelega mööda minna. Soome algupärasem värss võib veel
koosneda kahestki pikast sõnast, kuid eesti keele üldine lü-
henemistendents on igasuguste täitesõnade arvu värsis pide-
valt suurendanud. Lingvistile avaneb siin huvitav uurimis-
teema, sest aegade jooksul on muutunud ka paralleelvärsse
süntaktiline struktuur.

Väitekirja keske osa moodustavad 2. ja 3. peatükk. Tei-
ses peatükis "Süntaktilise pindstruktuuri analüüs" (lk. 61-
106) on autor võtnud endale ülesandeks selgitada värssi raa-
mides välja põhiliste eesti keele lihtlausetega (resp. rind-
lause osalausetega) ehituse põhimõtted ja mallid, samuti sel-
liste lausetega tseugmaks ühendamise viis, süntaktiline ekvi-
valents paralleelvärsse kui osalausetega vahel, stiilitä-
hised ning nende tingitus stiilistimuleist.

Värsse kirjeldamine nende süntaktiliste elementide

sõltuvushierarhia järgi osutub siin kõigiti otstarbekaks. Värsielementidena ei tule arvesse ainult need lauseosad, mis ei funktsioneeris iseseisvalt lausesüntaksi tasandil, vaid on madalamad (nagu abiverbid, määrsõnad, kaassõnad) või kõrgemad (nagu lauselaiendid, hüüdsõnad, puht lauseid siduvad sõnad). Keskeks sõlmeks lauses, nagu üldse paljudes Euroopa keeltes, on ka eesti keeles verbaalne sõlm. Sellest tingituna on hargmiku tipuks öeldisverb, mis rektsioonistruktuuriga ühendab talle alistuvaid elemente. Hargmiku põhjal jaotuvad lause elemendid horisontaaltasanditele.

Paralleelvärsside struktuuri kirjeldamiseks kasutatakse väitekirjas valemeid, mille arvud (1, 2, 3) tähistavad eri tasandite funktsionaalset eripära. Näitena struktuurikirje, eri- ja üldmalli kohta on teiste hulgas toodud lk-1 64 värs sinnä na tapi naise noore /122(32)/ /122(k2)' /122(k2)"/.

Et aga teise tasandi korduva arvu 2 taga võivad peituda verbi vahetute laienditena väga erinevad lauseliikmed (nagu alus, sihitis, öeldistäide, määrus) või teiste sõnadega situatsiooni põhikomponentidena nii aktandid (nagu agent, retsiipient) ja tsirkumstandid (nagu viis, seisund, lähtekoht, sihtkoht, kvaliteet, kvantiteet jne.), siis tekib küsimus, kas selline ligemalt piiritlemata arv 2 pole oma mähult liiga avar, pakkudes vaid umbkaudset informatsiooni. Tõsi, väitekirjast saame küll teada, et lauseliikmeid esineb peavärsi 2. tasandil kõige enam alust, järgnevad määrus, sihitis, üte ja öeldistäide, kuid nägemata niisuguse valemi kõrval värsi ennast, ei tea me siiski ta täpset koostist. Retsensendi arvates oleks täpsema informatsiooni saamiseks võinud valemis rakendada ka tähtlühendeid, võttes selles suhtes eeskujuks H. Rätsepa doktoriväitekirja "Eesti keele lihtlause struktuur".

Üldiselt on aga pea- ja järelvärsi struktuur ning nende sõltuvussuhete kirjeldamine läbi viidud süsteemikindlalt ja korrektselt. Sama võib öelda ka selle peatüki teiste osade kohta, kus vaatluse all on elementide dünaamilisus ja stabiilsus vastavate koefitsientidega, analoogiaparallelismipaarid tervikuna, parallelismirühmad ning parallelism eri lauserühmades.

Kolmas peatükk "Infostruktuuri analüüs" (lk. 109 - 177)

viib lugeja ainevalda, millega keeleteadus on tegelnud suhteliselt lühikest aega.

Infostruktuuri all mõistab autor keeleliseks kommunikatsiooniks ettenähtud tekstiüksuse ehituse seda aspekti, mis kohandab ta informatsiooni edasiandmiseks. Eesti regivärsi parallelismi stiili ja infostruktuuri uurimisel toetub H.Metslang nii Praha koolkonna (J.Firbas, E.Benes, F.Daneš) kui ka teiste rahvusvaheliselt tuntud strukturaallingvistiika esindajate seisukohtadele, neid vajadust mööda kohandades ja edasi arendades. Infostruktuuri küsimastes, eriti keelenähtuste olemuse, kvalitatiivse ning struktuurse ühtsuse ja erinevuse interpreteerimisel pole saavutatud veel küllaldast selgust. Autor püüab avardada just neis aspektides infostruktuuri käsitust.

Informatsiooni edasiandmisel ja vastuvõtmisel lähtutakse väitekirjas üldisest määramatu määratuga ühendamise põhimõttest. Sekundaarparadigmade loomist parallelismis vaadeldakse kui sekundaarparadigmaatilise informatsiooni andmist. Et tekstis toimub järgneva võrdlemine eelnevaga ja vastupidi, siis on paradigmatel elemendid ühtaegu nii määratud kui ka määratavad, nii teemalised kui ka reemalised. Autor käsitleb parallelismis kujundatavaid sekundaarparadigmasid teateliinidena.

Et peavärsis leiduvad olulised momendid grammatilisest ehitusest ja selle lähtepunktid sekundaarparadigmade jaoks, siis on ka peavärsi informatsioon primaarkeeleline. Järelvärsi lisamisega peavärsile algab sekundaarinformatsiooni andmine, kuna primaarinformatsiooni pakub järelvärss vaid selle vajaduste kohaselt. Parallelismi ülesehitust määravad informatsioonistruktuuri seaduspärasused on töös täie selgusega välja toodud. Eraldi jälgitakse infostruktuuri mitmeid aspekte eri laululiikide seisukohast. Nii on näiteks eepilistes lauludes teema- ja reemaelementide diferentseerimine kindlapiiriliseks kui teistes käsitlevates lauludes. Mõningaid iseärasusi on ka Karksi ning Mai Kaprali lauludes, eriti situatsioonikomponentide varieerimisel. Need kõik on autor ilmekalt esile toonud.

Ka selle peatüki ulatusliku ainekogu analüüs ning järeldused on kokku surutud ülevaatlikesse vormeelsesse. Täiendavat materjali pakuvad liitesse paigutatud tabelid.

И. Г. И в а н о в, ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1975, 384 стр.

22 мая 1975 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации старшего научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института И.Г. И в а н о в а на тему "Возникновение и развитие марийского литературного языка". Официальными оппонентами выступили д.ф.н. профессора К. Майтинская /Москва/, П. Аристе /Тарту/, Л. Грузов /Йошкар-Ола/, П. Алвре /Тарту/.

На соискание ученой степени доктора филологических наук марийский ученый Иван Григорьевич Иванов представил исследование "Возникновение и развитие марийского литературного языка" в объеме 384 страницы. Первая статья на эту тему у автора вышла в свет около девяти лет тому назад в марийском журнале "Ончыко" /1966 г./. В последующие годы эта проблема рассмотрена ученым всего в 14 статьях, а в нынешнем году к их числу прибавилась "История марийского литературного языка" /256 стр./. Через эти работы еще до защиты диссертации автор стал известен широкому кругу финно-угроведов, которые знают его как эрудированного, наблюдательного и очень трудолюбивого исследователя своего родного языка.

Сказанное полностью подтверждает также представленная к защите диссертация, которая уже с первого предложения "Введения" начинается типичной для И.Г. Иванова-исследователя полемичностью и постановкой проблемы. Читатель убеждается, что существующее до сих пор мнение, будто марийский литературный язык возник только после Великой Октябрьской социалистической революции, оказывается ошибочным. Это произошло потому, что возникновение и развитие марийского литературного языка не было достаточно изучено.

Обширный архивный материал /в числе которого постановления и решения комиссии по языку, советских и партийных органов/, анализ изданных на марийском языке до Октябрьской революции 250 книг, разбор марийских изданий всего советского периода с морфологической, словообразовательной, синтак-

сической, стилистической и других точек зрения позволили автору наряду с чисто лингвистическими замечаниями сделать выводы и об общественных функциях марийского языка в течение более чем 100 лет.

В развитии марийского литературного языка 1920-30-е годы были переломными /вернее, промежуток с 1917 по 1937 г./ . К этому периоду относятся орфографические колебания, появление дополнительных лексических образований, возрастание роли писателей в обогащении общенародного языка и др., которые подробно рассмотрены во второй главе /она, между прочим, занимает самый большой объем в диссертации, целых 186 стр./ и хорошо мотивированы. Из писателей данного периода по праву заслуживал самого большого внимания М. Шкетан.

В развитии марийского литературного языка 1938-1953 гг., наряду с некоторыми продвижениями, были и застои, потому что понятие "пуризм" получило ложное содержание, что принесло с собой отрицание ранее достигнутых успехов. Все это находит объективное освещение в третьей главе.

Четвертая глава прослеживает развитие марийского литературного языка и изменение его направления после научной сессии 1953 года. Из писателей правомерно выдвинут здесь на передний план В. Колумб, который больше, чем кто-либо другой, понял сущность литературного процесса.

Выводы, вытекающие из исследования методологически и в отношении системы правильного, со своей стороны подтверждают факт, что марийский литературный язык не молодой, а его традиции были развиты до значительных факторов /свой алфавит и орфография/ уже к 70-ым годам прошлого столетия. Его становление относится уже к началу прошлого столетия, когда он был языком начальных школ и различных изданий. По сравнению с начальным советским периодом сфера употребления марийского языка в настоящее время несколько сужена. Отход от него заметен и среди самой интеллигенции.

Хотя И.Г. Иванов пронес через все свое исследование сильную критику, все же оставляя иногда свое мнение без акцентирования. Например, в наблюдении за закреплением морфологических форм на основе решений конференции 1937 года рядом с чистой констатацией фактов хотелось бы видеть и его личную точку зрения по этим вопросам /выбор показателя множественного числа и т.д./, тем более что единый национальный литературный язык все еще отсутствует и в наши дни, и

некоторые прежние нерешенные проблемы повисли сейчас в воздухе.

Было бы уместным также более подробное объяснение того, насколько горномарийский диалект целесообразен как литературный язык и вне художественной литературы /может, в некоторой мере и как язык журналов, учебников, радио и телевидения?/.

Поскольку, очевидно, придется преодолеть еще некоторые трудности в создании единого национального литературного языка, то было бы неплохо в дальнейшем использовать опыт других финно-угорских народов /способы сознательного регулирования, отбор параллельных форм и т.д./. В работе могли бы быть упомянуты даже некоторые сходные черты в формировании эстонского и финского литературных языков.

В заключение должны подчеркнуть, что объемистое исследование И.Г. Иванова дает детальный и правильный обзор развития марийского литературного языка начиная со второй половины 18 века до наших дней. В диссертации окончательно опровергнуты некоторые общераспространенные, но ошибочные толкования, респектация которых со стороны лингвистов временами тормозило целесообразное направление в развитии марийского языка.

В своем исследовании И.Г. Иванов исходит из марксистско-ленинской позиции, благодаря чему освещение, например, вопроса о пуризме дано на высшем научном уровне. И.Г. Иванов, отличный знаток своего родного марийского языка, дал для финно-угроведения высококачественный труд, использованная в нем методика исследования и его результаты поучительны и для других исследователей истории литературных языков финно-угорских народов.

UUSI EESTI Sõnu. Kogunud ning määratluste, inglis- ja root-
sikeelsete vastetega varustanud R a i m o R a a g . Upp-
sala, 1979, 88 lk.

Upsala Ülikooli soome-ugri keelte kateedri õppejõud
R a i m o R a a g on koostanud valimiku u. 400 uudissõ-
naga, mis on ennekõike mõeldud väliseestlastele, et aidata
neil emakeele kiire arenguga sammu pidada. Sõnaraamatusse on
koondatud peamiselt 1960. aastail või hiljem kasutusele tul-
nud väljendeid, kuid mõnel määral on kaasa haaratud ka
J. Aaviku jt. poolt juba varemgi soovitatud sõnu. Kriteeriu-
miks on siiski olnud nende ulatuslikum kasutuseletulek alles
viimaseil aastakümneil.

Autor on väga hästi kursis Eestis ilmuva kirjandusega,
kust kogu keeleline materjal ongi ammutatud. Kümnete ilukir-
jandus- ja erialateoste kõrval on läbi töötatud ka perioodi-
lised väljaanded. Viimaste loetelu haarab 20 nimetust, mille
hulgas "Keel ja Kirjandus", "Looming", "Horisont", "Eesti Loo-
dus", "Siluett", "Spordileht", "Sirp ja Vasar", "Õhtuleht" jt.
Pole unustatud ka ENE-t, ÕS-i, "Võõrsõnade leksikoni", kogu-
mikke "Keelevoos" ning muud asjaomast kirjandust.

R. Raag märgib eessõnas, et "valik esitab vaid sageda-
samaid kirjakeele sõnu, mis kajastavad eesti keele arengut
viimasel kahel aastakümnel". Nii see mõistagi on, kuid ülla-
tab selliste märk- ja uudisliitsõnadegi suur arv, mis veel
meil ilmunud sõnaraamatus (ÕS, VL) ei kajastu. Neist lige-
malt allpool.

Ootuspäraselt leiduvad R. Raagi koostatud raamatus sel-
lised ÕS-iga ühtelangevad (osalt kõnekeelsed) juhud, nagu
lihtsubstantiivid eramu, kart, kolklus, kopter, labor, mai-
ka, meede, olme, pardel, proff, päring, raal, rabak, rats,
rümp, sisend, spets, sudu, suunistus, sõjard, taidlus, taies,
tarning, teadur, teave, teler, trenn, troll, tõdemus, tõe-
lus, türp, ulme, vandel, võimendi, väljund, ik-liitelised es-
mik, maimik, mürsik, nurgik, nõmik, oivik, särgik, vestmik;
ur-liitelised helkur, kallur, liikur, loendur, mõjur; la-
liitelised magala, parkla, pääsla, tankla; adjektiivid kun-

naline, pisteline, popp, teismeline; liitnoomenid elektron-
arvuti, emapuhkus, etendusasutus, kiirusnorm, kilehall, koo-
lieelik, liiklusehutus, -umak, lähituled, madalapalgaline,
massiteabevahendid, mälumäng, näkileib, pidurdusteekond,
raadiolevi, sidesatelliit, suunatuli, sõidurada, sünnitus-
puhkus, tahavaatepeegel, tarbimisühiskond, teraleib, tervi-
sejooks, -sport, tiptunnid, tulekustuti, tõõhõive, -staas,
valgusfoor, valjuhääldi, virgutusvõimlemine, võidurelvastu-
mine, väikesepalgaline, õpinguraamat, õppeaotc, ühiselamu,
ülerahvastus; verbid eirama, ennistama, etlema, evitama,
kaasama, lõdvestama, lõõgastuma, lävima, olbama, siirdama,
tagurdama, tarnima, telkima, velmama, välvima, ärandama jt.
Siin loetletud sõnadest on meil paljud juba ammugi kaotanud
uudsusvarjundi, kuid olukord on teine väliseestlastel, kel-
le aktiivsesse keelepruuki need ei kuulu ja kellele meil kir-
jutatu mõistmine teeb mõnikord tõsiseid raskusi. Vähestel
on kasutada ÕS, kuid seegi pole mõeldud seletussõnaraamatuks.
Seda lünka püüab täita ja täidabki oma rootsi- ja inglis-
keelsete vastete ning hästi valitud näitelausetega üsna eä-
kalt vaadeldav R. Raagi "Uusi eesti sõnu".

Vägisi kipub mõte sellele, et meilgi peaks aeg-ajalt
ilmuma kas või taskuformaadis laiale kasutajaskonnale mõel-
dud sõnastikke uudis- ja vähe tuntud sõnadest, umbes selli-
sena, nagu omaaegne A. V. Kõrvi "Uute ja teiste vähemtuntud
sõnade sõnastik" (Tln, 1936). Küsimus on seda pakilisem, et
uue ÕS-i nagu VÕS-igi käsikirja koostamine näib olevat veel
kauge tuleviku mure. Ometi leidub vaadeldava 400 uudissõna
hulgas suur hulk valmis, väljasedeldatud materjali, mis peab
edaspidi leidma tee teistessegi sõnaraamatuisse. Osa all-
pool loetletavast ainekust, eriti liitsõnust, võib luge-
jale tunduda liialt tavaline, kuid seda enam tuleks just sel-
lisele sõnavarale leida meiegi sõnaraamatuis koht. Alustame
taas liitnoomeneist, mille hulgas rida võõrsõnu VL-i jaoks:
bagi 'lahtine väike sõiduauto', biitlid, biitnik (halb.),
bingo (seltskonnamäng), kõrling (praegu VL-s curling), de-
dorant, dia (=diapositiiv), diksiländ (VL-is diksiländi
džäss), disko, diskoline, diskor, diskoteek, eede, folk
(=folkmuusika), füüsis, hiit 'hästi minev plaat v. laul',
jutukas 'kõnek. juturaamat', klimaator, konditsioneer, luu-
sur (=luusija), läbila, mauism, muune 'variant', müntla, osa-

leja, rõlgus 'perverssus', seksikas, singel (heliplaat), slaid, soul (muusika), teistmed 'eluaastad 11 - 19', teksad, telekas, vilje, üllitis. Liitnoomeneist on esmakordselt sõnaraamatusse pääsenud ainefilm, -kirjanik jt. (õs-is aine ainult tähenduses 'ainamine, ain'), ainueksemplar, allmaring, arenguabi, autokino, -raadio, baarimees, edurivimees, einevõileib, farmeripüksid, -ülikond, friikartul, glasuurkohuke, gospelilaul, grillkana, haagissuvila, holalaul, -pidu, infomaht, -osakond jt., jooksukingad, järjehoidur (kirjutusmasinal), järjejutt, jääkegel, kallurijuht, -koorem, kantrilaul, -muusika, kapremont, kaubahall, keskkonnakaitse, kodumasinad, kuvapaneel 'kuvari ekraan', kvadro(heli), kõrgharidus, -kool, käsiF8õn, külmkamber (külmkapis), külmkuiatus, levitamisvahend, liiklussulg, liikurtrepp, linttrepp, matkarada, menufilm, -raamat, mikrobuss, miniseelik, muruniitur, muusikaautomaat, ohukolmnurk, peatumisteekond, pi-kivahä, pingelõdvendus, plaadialbum, plaadimänguautomaat, poloärk, poolkeelsus, poplaul, -laulja, pornofilm, püsirada, rassidiskrimineerimine, rull-laud, -suused, sarifilm, standardmark, sukksaapad, sõidurida, sügavkülmuti, talisupleja, taskuarvuti, teleteater, terviserada, tingimatus, usaldusvahemik (matemaatikas), vastandkultuur, võidejuust, võõrtõõline, Umarlauaistung jt. õs-is puuduvatest verbidest mainitagu aerosoolitama, allandama 'alla ajama', disainima, grillima (leidub VI-is), kokku elama, paremustama, sügavkülmutama, testima, üllitama.

Sõnaraamatus on avatud ka mitmete liitühendite sisu, näit. ABC-kauplus 'kauplus, kus on müügil toiduained ja tõiustuskaupu', kaksik-LP 'kahest kauamängivast grammofoniplaadist koosnev komplekt, kaksikalbum', LP (-plaat) '30 cm läbimõõduga heliplaat, kauamängiv plaat'. Sõnatühendeist on märksõnadena antud avaliku arvamuse uurimine; kompleksne uurimine; lahtiste uste päev, kiire lõppmäng (tennises) jt. Toorlaenuuna tuli meile rock 'n' roll. Näib, et traditsioonist on raske vabaneda nii rockmuusikal kui ka selle alaliigil hardrockil ehk pingerockil.

Viimaste aastate uudissõnatulva silmas pidades oleks saanud sõnaraamatu mahtu kergesti avardada. Seda tuleb aga autoril ilmselt teha korduustrükkide puhul. Praegu puudub rida olulisi sõnu, mille tarvitussfäär näib üha suurenevat. Mainigem siinkohal mõningaid: liigendbuss (on antud selle

stunõttm lõõtsbuss), meenis (esineb ainult meene), neere, meerik, sardbetoon, selvima 'iseteenindama', sidus 'tihe-
dalt seotud', soveldama 'sobivaks tegema', sõõrik 'rõngaku-
juline rasvapirukas', taandrõdu, taotlema 'tõesust kontrol-
lima', tarvik 'tõõks tarvilik abivahend', tehislük, tiibur
'allveetiibadega laev', tiivis 'tihe, kompaktnõ', toore
'tooraine', tootus 'tootlik', tõõielufilm 'dokumentaalfilm',
ulmeline 'fantastiline', ummisõrk (kõrge rullkraega), val-
gustahvel, vanur 'vanem inimene', veerem 'veerev koosseis',
vihmutama 'pihustatud veega kastma', voldik 'buklet', võõt-
ma 'vastu võõtma', võõisama 'küllastama', võõtrada (jalakõõija-
tele), õõrila 'kaupluste piirkond', õõhissõõiduk jt.

R. Raagi "Uusi eesti sõnu" on koostatud kõõigiti asja-
tundlikult. Raamatu lõõppu lisatud rootsi- ja ingliskeelsete
vastete register aitab kasutajal ununenud uudissõnu kerge
vaevaga taasleida. Jõõõb vaid soovida, et sõõnastik leiaks
väliseestlaste ringis vilgast kasutamist. Selle abiga tõõ-
seks huvi kodumaise kirjanduse vastu nõõrgatavalt.

P. A l v r e (Tartu)

B. Z a g u l j a j e v a (Iõõevsk)

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. А г а ф о н о в а, Система лично-притяжательных суффиксов в одном смешанном говоре мордовских языков	3
N. A g a f o n o v a, The System of the Possessive Suffixes in One of the Mixed-Type Mordvinian Dialects	12
P. A l v r e, Muutamista monikkomuodoista itämeren-suomalaisissa kielissä	13
П. А л в р е, О некоторых формах множественного числа в прибалтийско-финских языках	19
P. A r i s t e, Aarne-Thompson 752 A vadja tei-send	21
П. А р и с т э, Aarne-Томпсон 752 А как водская сказка	26
Г. В. Ф е д ю н е в а, Словообразовательные суффиксы существительных в диалектах коми-зырянского языка и словообразовательная вариантность	27
G. V. F e d j u n j o v a, Eigenartige Suffixe des Substantivs in den Dialekten der komi-syrjä-nischen Sprache und Wortbildungsvariation....	43
Н. Н е i n s o o, Vadjalaste teraviljakasvatuse alast sõnavara ja kombestikku	44
Х. Х е й н с о о, Полеводческая лексика и обычаи в водском языке	53
А. К у к л и н, О некоторых фонетических особенностях марийских говоров Приуралья	54
A. K u k l i n, Phonetic Peculiarities of Some Mari Dialects of the Suburals	66
В. К у з н е ц о в, Антропонимы бассейна реки Илеть Марийской АССР	67
V. K u z n e s o v, Antroponymische Siedlungsamen des Gebiets am Flusse Ilet	79
Д. А. М о р е в, Объективность лингвистических данных и пути реконструкции в селькупском языке.	80

J. A. M o r e v, On Reliability of Linguistic Data and the Ways of Reconstruction in Selkup	90
A. H. P a k и н, Анатомическая номенклатура коми языка с деэтимологизированным элементом	91
A. N. R a k и н, Anatomische Nomenklatur der komi Sprache mit einem deetymologischen Element...	100
B. Ч е р н ы х, Морфологические явления в суффиксальном образовании глаголов коми языка...	101
V. C h e r n u s h, Morphological Changes in Verb Derivation of the Komi Language	110
B. В а с и л ь е в, Марийские орнитонимы-синонимы.	111
V. V a v i l j e v, Ornitonymes-synonymes dans la langue du peuple mari	118
E. V ä ä r i, Liivi verbisufiks (vokaal) + <u>-tt-</u>	119
Э. В я а р и, Ливский глагольный суффикс (гласный) + <u>-tt-</u>	140
E. V ä ä r i, Das livische Verbalsuffix (Vokal) + <u>-tt-</u>	141
MATERJALID - МАТЕРИАЛЫ	142
A. K ü n n a p, Kamassische Partizip- und Gerundiumformen auf <u>-bizV(ʹ)</u> , <u>-bīzV</u> ; <u>-ma</u> ; <u>-ya</u> , <u>-gV</u> ; <u>-j</u> , <u>-i</u>	142
A. K ю н н а п, Камасинские причастные и деепричастные формы на <u>-bizV(ʹ)</u> , <u>-bīzV</u> ; <u>-ma</u> ; <u>-ya</u> , <u>-gV</u> ; <u>-j</u> , <u>-i</u>	148
RINGVAADE - ОБЗОРЫ	149
RETSENSIOONID - РЕЦЕНЗИИ	159

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 565.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ СТРОЙ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ.

Труды по филологии-уроведениа 8.

На разных языках.

Совмеще на разных языках.

Тартуский государственный университет.

СССР, 202 400, г.Тарту, ул.Пилкволи, 18.

Vastutav toimetaja E. Alvre.

Rajundamiselse antud 04.06.1981.

MB 03971.

Формат 32x45/4.

Trükipaber nr. 1.

Masinakirvi. Retaprint.

Argvestusproovnaid 10,76. Trükiproovnaid 11,5.

Trükisav 400.

Tell. nr. 639.

Hind rbl. 1,60.

Trükikoda, ENSV, 202400 Tartu, Pälsoni t. 14.